

7. КЕЙСЫ

Методологические аспекты изучения систем управления качеством высшего образования

Афони́на Екате́рина Миха́йловна,
Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем

Общероссийская система управления качеством образования переживает этап своего становления. Проблема обеспечения качества высшего образования находится в эпицентре научных дискуссий. Один из ключевых аспектов этой проблемы — выбор критериев качества высшего образования, адекватных целям и приоритетам развития российского общества. Пересмотр критериев обусловлен изменением внутренних и внешних условий развития образовательной системы. Включение России в Болонский процесс сопровождается укреплением Европейского измерения в высшем образовании, в частности пересматриваются внутренние гарантии качества. Поэтому целесообразно сопоставить подходы к управлению качеством образования, практикуемые передовыми западными странами с отечественным опытом.

Западные аналитики выделяют две группы систем управления качеством образования: (доклад «Управления качеством и обеспечение качества в Европейском высшем образовании» программа ЭРАЗМУС), которые были названы «традиционными» и «новыми». «Традиционные» системы связываются с образовательной деятельностью университетов, финансируемых государством и подконтрольных ему. Централизованное регулирование и контроль качества осуществляются на всех этапах, включая «входы-выходы» образовательного процесса, и, собственно, сам процесс обучения.

«Новые» системы ассоциируются с принципами управления качеством образования, которые в последние десятилетия сформировались в США. До этого периода произошло несколько этапных трансформаций, каждая из которых внесла определенный вклад в «новую» систему. Концепция «стандартизации» основывалась на строгих стандартах и процедурах контроля образовательного процесса. Она была заменена «принципом комплексной оценки» образовательного учреждения, допускающего возможность компенсировать отставание по отдельным характеристикам за счет опережения по другим. Вуз оценивался с точки зрения достижения целей, которым он служит. Основой решения об аккредитации стало сравнение модели института с некоторой «предписанной моделью», выработанной на основе обобщения опыта институтов аналогичного профиля.

Дальнейшая эволюция связана с перемещением центра тяжести на содержательную деятельность экспертов, проверяющих образовательное учреждение. Оценка приобрела качественный характер и стала зависеть от профессионального суждения экспертов.

На смену этому подходу пришел другой, в котором упор был сделан на самооценку вуза по определенной схеме. Однако значение качественных критериев сохранилось для отдельных вузов в учебной обслуживающей деятельности.

В начале 1990-х годов произошел переход к «новой» системе. Для придания большей гибкости негосударственному образованию были ослаблены государственные стандарты и провозглашена «ориентация на миссию». Оценка качества основывалась на выяснении сущности миссии, вытекающих из нее целей и задач. Контроль качества осуществляется по немногочисленным критериям. В новой европейской практике используется девять критериев. В США их пять. К ним относятся:

- численность, состав и уровень квалификации ППС;
- структура и содержание учебных планов, проблематика курсов с учетом их длительности и т.д.;

— ресурсы обеспечения учебного процесса (материальные и организационные);
— студенты (процедура приема, соблюдение прав студентов, планирование карьеры и трудоустройство);

— интеллектуальный вклад (участие преподавателей в исследованиях, публикации и др.).

В последние десятилетия рейтинг, как инструмент управления качеством образования в нашей стране приобретает особую актуальность. На Западе ранжирование вузов имеет более давнюю историю. Самыми авторитетными в США считаются рейтинги, публикуемые «U.S. News and World Report» и справочник по всем магистерским программам «America's Best Graduate Schools». Эти рейтинги используют комплексную оценку, которая включает:

- академическую репутацию вуза;
- репутацию у работодателя;
- репутацию у выпускников;
- конкурс и состав студентов;
- плату за обучение;
- успех в трудоустройстве и уровень заработной платы.

В Европе большой популярностью пользуются рейтинги, публикуемые газетами *The Times*, *The Guardian* и др.

Международный рейтинг «Таймс» выстраивается по четырем основным критериям¹:

- качество научных исследований;
- трудоустройство выпускников;
- интернализация;
- качество обучения.

В последнее десятилетие рейтинг Shanghai University IHE (Китай) стал одним из самых авторитетных. Определяя шкалу лучших университетов мира, им оценивалось качество обучения и преподавания наряду с масштабом научных достижений университетов.

Сравнительный анализ параметров западных рейтингов и влиятельных отечественных (Министерства образования и науки РФ, Ассоциации технических университетов) обнаруживает существенные отличия. Западные модели гораздо компактнее. Абсолютное большинство популярных рейтингов, публикуемых в западной прессе, ориентировано на потребителя. Пожалуй, исключение составляет только рейтинг Д. Гурмана (National Education Standards), который подвергается справедливой критике. Фактически, западный рейтинг выступает как шкала признания потребителями высокого престижа того или иного вуза и служит инструментом в борьбе за студентов и за лучших преподавателей. Российские ведущие рейтинги ориентируются, в основном, на внутреннюю самооценку. Очевидно, что в ближайшее время, учитывая глобальные мировые тенденции (интернализацию высшего образования, усиление конкуренции мировом рынке образовательных услуг) нашим вузам придется отойти от однобокой оценки качества высшего образования.

Чтобы вклиниться в ряды мировых лидеров необходимо всемерно повышать конкурентоспособность российских университетов и целенаправленно работать над созданием благоприятного имиджа российского образования. Один из путей — создание Россией собственного глобального рейтинга, который должен подчеркивать конкурентные преимущества национальных университетов и определять ниши, в которых будет возможно достижение новых рубежей. Такого рода глобальный рейтинг должен базироваться на комплексной оценке качества образования. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что рейтинг не только инструмент сравнительной оценки вузов, но и мощный стимул постоянного совершенствования качества образования в условиях усиления конкуренции за абитуриентов.

Весомый аргумент в пользу создания собственного рейтинга — это ошибки, допускаемые составителями рейтингов². Заметным событием 2007 года стало резкое ухудшение позиций российских вузов в рейтинге Times (QS-THES). После этого еще громче заговорили о снижении качества российского образования. Это опасно тем, что закрепляется стереотип: «рос-

¹ Times Higher Education Supplement // <http://www.thes.co.uk/>

² Новости образования в мире. Дайджест // Alma Mater. 2006. №8. С. 42.

сийское образование второго сорта». На самом деле, составители, изменив методику определения показателей, не обеспечили достоверность исходной информации, характеризующей деятельность, в частности, российских вузов.

По запросу независимого рейтингового агентства «Рейтор», была проведена ревизия. Анализ материалов справочника Top Universities за 2007 год опубликованного составителями рейтинга, показал поразительное расхождение представленных в нем данных с реальными оценками, полученными непосредственно из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Томска¹.

Благотворительный фонд В. Потанина, положив в основу своего рейтинга оценку интеллектуального и личностного потенциала студентов и преподавателей, получил распределение мест среди российских вузов отличное от большинства рейтингов, публикуемых в печати. В результате, пять первых мест заняли: Воронежский, Южно-Уральский, Дальневосточный, Томский государственные университеты и МГИМО. В первую двадцатку также вошли 14 вузов из регионов. В рейтинге вузов, проведенном в Интернете, на первые позиции вышли университеты Екатеринбурга, Томска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Новосибирска².

Таким образом, добровольное участие вузов в общественной оценке качества образования через национальные рейтинги становится объективной необходимостью. Независимые рейтинговые агентства могли бы представлять интересы российских вузов и формировать необходимую объективную информацию по тем индикаторам, которые используются в глобальных рейтингах. Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, имея в своем распоряжении базу данных о деятельности российских вузов, может осуществлять контроль достоверности информации, представляемой вузами для рейтингов.

Привлечение зарубежных студентов в российские вузы не имеет альтернативы, поскольку от скорейшего вхождения России в мировое образовательное пространство зависит конкурентоспособность не только образования, но и экономики в целом.

On-line исследование как метод изучения страхов

Балабина Наталья Андреевна

Дальневосточный федеральный университет

В последнее время мир стремительно движется к информационному обществу, в котором жизнь людей во всех своих проявлениях, особенно в интеллектуальной и духовной сферах, все больше и больше зависит от информации. В новых условиях эмпирическая социология должна, пересмотрев традиционные методы и подходы, адекватно реагировать на реальность. Современные компьютеры активно используются исследователями как вспомогательный инструмент в научной деятельности. Но с появлением Интернета, которым во всем мире пользуется около 2 миллиардов людей (в России почти 60 миллионов), компьютер стал необходимым атрибутом современного исследователя³.

В конце XX-го века Интернет и электронная почта стали использоваться социологами для массовых опросов. Собирается информация из различных стран, с разных континентов, по всему миру⁴. Российские социологи, в отличие от зарубежных, имеют меньшие возможности в применении Интернет-технологий при проведении эмпирических социологических исследований. Такое состояние дел, в первую очередь, объясняется медленными темпами развития российской «интернетизации», что отражается на становлении и формировании знания об использовании Интернет-технологий в социологии⁵. Одной из разновидностей исследований в среде Интернет является on-line опрос. Этот метод при определенных условиях с успехом

¹ Кружалин В.И., Артюшина И.А. Рейтинги и качество образования // URL: www.reitor.ru

² Плаксий С.И. Конкурентоспособность российского высшего образования / Под ред. А.И. Крылова и К.Ю. Бенкоста. М.: Изд-во НИБ, 2007. С. 258.

³ Интернет статистику пользователей на 30.06.2010 см.: URL: <http://www.internetworldstats.com>

⁴ Филиппова Т.В. Интернет как инструмент социологического исследования // Социс. 2001. № 9. С. 115–122.

⁵ Тихонов А.В. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований. М.: Канон`1; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 282.

заменяет уличные, квартирные и некоторые телефонные опросы и позволяют значительно сократить время проведения и стоимость работ. Кроме того, проведение исследований в режиме on-line экономит время на поиск участников и позволяет получать результаты в более короткий промежуток времени; респонденты могут участвовать в исследовании в удобное для них время, что уменьшает уровень отказов; исследователь имеет возможность следить за ходом on-line опроса в режиме реального времени, а также может довольно быстро предоставлять результаты.

Как и любой другой метод исследования, on-line опрос имеет свои недостатки. Прежде всего, они связаны с тем, что доступ в Интернет имеет ограниченное число людей, особенно в России, где доступ к Интернету ограничен возрастными (пользователи преимущественно молодое поколение) и территориальными рамками (пользователи преимущественно городское население центра страны), а также уровнем дохода граждан России, позволяющим или не позволяющим обратиться к Интернет-услугам. Это затрудняет проведение репрезентативных глобальных опросов. Кроме того, такие особенности Интернета, как повышенная анонимность и безопасность, могут приводить к специфическим проблемам: испытуемый может давать произвольные ответы на вопросы, чтобы посмотреть, что из этого получится. Велика вероятность намеренного искажения информации о себе, особенно социально-демографической; полученные по Интернету сознательно искаженные ответы могут быть вполне правдоподобны, поэтому их не проконтролируешь с помощью программного обеспечения. Эти факторы, будучи достаточно выраженными, могут привести к искажению результатов исследования, хотя от них несвободны и традиционные методы опроса, особенно опосредованные: по почте или телефону. Следует также учитывать то, что некоторые респонденты могут отвечать на вопросы неоднократно. Это особенно вероятно, если за участие в исследовании полагается какое-либо вознаграждение, например, электронные деньги. Самый простой способ убедить респондентов отказаться от повторных ответов — просьба отнестись к исследованию серьезно, в частности, не участвовать в опросе более одного раза. Такую просьбу обычно включают в инструкции по заполнению анкеты.

Интерес к теме страха вызван тем, что страх, являясь базовой эмоцией, наравне с другими эмоциями¹ участвует в управлении индивидуальным и коллективным поведением человека в качестве непроизвольного компонента, вмешиваясь в него как на стадии осознания потребности и оценки ситуации, так и на стадии принятия решения и оценки достигнутого результата. Поэтому понимание механизмов управления поведением требует понимания и эмоциональной сферы человека, ее роли в этом управлении, а изучение страха в рамках социологии эмоций имеет важные последствия для общей социологической мысли². Тема страха на сегодняшний день, безусловно, актуальна, так как сегодня человеческая деятельность на всех уровнях социальной организации в той или иной степени пронизана осознанием риска. Это одно из следствий свободы выбора. Признается, что без риска невозможен прогресс, движение вперед, именно поэтому важно его осознавать и уметь управлять им³.

Доказательством того, что страх является проблемой, значимой для социологов всего мира, служит растущее число исследований, посвященных его изучению, в России и за рубежом⁴. Од-

¹ Джордж Дж.М. Эмоции и лидерство. Роль эмоционального развития // Социология РЖ. 2002. №2. С. 122.

² Макс Вебер о феномене страха // <http://www.univer.omsk.su/omsk/socstuds/fearfenomen/> — Дата обращения 12.09.2010.

³ Зубков В.И. Проблемное поле социологической теории риска // СоцИС. 2001. №6. С. 123.

⁴ ВЦИОМ. Главный страх — безработица. URL: http://www.hrmonitor.ru/index.php?p=9&pname=news&news_id=5477 — Дата обращения 10.10.2010; Левада-центр. Страхи россиян. Пресс-выпуск №18. URL: <http://www.levada.ru/press/2004021601.html> — Дата обращения 10.06.2010; ВЦИОМ. Россияне больше не боятся голода и насилия. URL: <http://www.novoenmenie.ru/lenta/1203.html> — Дата обращения 10.10.2010; Опрос ВЦИОМа выявил главные страхи россиян. URL: <http://lenta.ru/news/2007/04/04/global/> — Дата обращения 9.11.2010; Джордж Дж. М. Эмоции и лидерство. Роль эмоционального развития // Социология РЖ. 2002. №2. С. 122–124; Долливер М. Тайные страхи // Индустрия рекламы. 2006. № 1–2. С. 50–53; Ферран И. О зависти: феноменологическое исследование // Социология РЖ. 2008. №4. С. 75; Черныш М.Ф. О страхах и фобиях реальных и мнимых. Размышления социолога // СоцИс. 2008. №4. С. 112–119.

нако обобщать результаты еще рано из-за несопоставимости полученных данных, возникающей за счет различия в методиках исследования и организации их проведения. Это имеет отношение и к изучению страхов в России, где в настоящее время появился ряд принципиально новых форм девиаций, которые не имеют автохтонных культурных корней, а пришли к нам вследствие открытости социума за последние 20 лет. Это наркомания, работорговля, торговля человеческими органами, игромания, нацизм, расизм и другие¹. Чувства страха и тревоги сегодня не локализируются в рамках определенной социальной группы или групп, их испытывает большинство наших сограждан, независимо от пола, возраста, дохода и т.п.²

Страхи модифицируются в зависимости от обстоятельств места и времени, и нашей целью является выявление тех ситуаций, в которых страхи проявляются в большей или в меньшей степени, чтобы в дальнейшем разработать способы подавления и управления социальными страхами.

На сайте социальной сети «Гайдпарк» 23 октября 2010 года³ автором был проведен on-line опрос⁴, целью которого являлось выявление основных страхов, преследующих «Интернет-сообщество». При помощи полученных данных, планировалось сформировать шкалу страхов, адекватную современности. Из множества социальных сетей было выбрано пространство «Гайдпарка»⁵, так как это первая социальная сеть для людей, ценящих время и не желающих тратить его на бесполезный флуд. Всего в данной сети зарегистрирован 341041 пользователь, и, соответственно выборка не является репрезентативной относительно числа официально зарегистрированных и тех, кто принял участие в опросе.

Выборочная совокупность репрезентативна и составляет 72% относительно общего числа просмотров. Было зарегистрировано 1138 просмотров и 823 человека дали свой ответ на вопрос, из них 25 человек оставили свой комментарий по теме опроса (состояние на 26 октября 2010 г.). Опрос проводился с 23 по 26 октября, затем голосование прекратилось в результате «устаревания» темы и потери к ней интереса у блоггеров. Так как по условиям данной социальной сети, в опросе невозможно поместить более одного вопроса, не были заданы социально-демографические характеристики. Так что мы не можем сказать каково распределение респондентов по полу, возрасту и сфере занятий, но стоит заметить, что из 25 комментариев респондентов 17 принадлежат мужчинам и 8 женщинам. Отсюда можно сделать предположение, что большинство голосов принадлежат мужчинам. Результаты исследования дают возможность сделать общие выводы, как это делается во многих массовых опросах, позволяя обходиться без детализации статусных характеристик респондентов.

Шкала страхов, на которую опирался автор, взята из приложения к главе 15 монографии «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века»⁶. Она была модифицирована применительно к современной ситуации, но основные виды страхов учтены, а также добавлено несколько новых. Были исключены такие страхи, как, например, распространение неонацизма, осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти, сионизм и еврейские заговоры, захват Земли инопланетянами, масонство и его попытки захватить мир. Следует заметить, что страх неонацизма, согласно последним событиям, вновь актуален, и в будущем он будет включен в окончательную шкалу страхов. Так же к шкале страхов было добавлено несколько новых — страх силовых органов (армия, милиция); страх, вызванный качеством медицинского обслуживания и его оплатой; боязнь межличностных конфликтов. В таблице, представленной ниже, дана попытка проранжировать страхи, полученные в 2010

¹ Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // СоцИс. 2010. №10. С. 16.

² Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // СоцИс. 2009. С. 29.

³ Адрес опроса: <http://gidepark.ru/user/3430030909/poll/43784>

⁴ Онлайн исследования в России 2.0 / Под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М.: Северо-восток, 2010.

⁵ www.gidepark.ru

⁶ Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. По материалам научных исследований / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999. С. 103.

году при исследовании «Интернет-сообщества» и 1998 г. при изучении данных о страхах россиян, полученных методом массового опроса (см. таблицу).

Таблица

Ранговое распределение страхов в исследованиях 2010 и 1998 гг.

Страхи	Ранг	
	2010	1998
Полная утрата традиций и культуры	I	IX
Снижение жизненного уровня, обнищание	II	I
Полное беззаконие	III	IV
Утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	IV	XII
Страх, вызванный качеством медицинского обслуживания и его оплатой	V	–
Коррупция властных структур	VI	V
Нашествие ислама	VII	XX
Безработица	VIII	III
Исчезновение “белой расы” как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи	IX	XVIII
Гражданские и межэтнические войны	X	VIII
Кризис семейных ценностей	XI	X
Нападение соседних государств	XII	XV
Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	XIII	XIV
Гибель землян в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и пр.)	XIV	XVI
Конец света как таковой	XV	XIX
Приход к власти в стране радикальных сил	XVI	–
Перенаселение земли	XVII	XXI
Генетическое вырождение нации	XVIII	VI
Национальные конфликты	XIX	–
Терроризм	XX	VII
Боязнь межличностных конфликтов	XXI	–
Сокращение рождаемости	XXII	XI
Предсказываемые многими специалистами экологические катастрофы (по- степенное уничтожение среды обитания человека).	–	II
Массовые эпидемии, распространение СПИДа и пр.	–	XIII
Преобладание иммигрантов, которые не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни	–	XVII

Как мы видим из таблицы, главным страхом для респондентов является «полная утрата традиций и культуры». Несколько пользователей прокомментировали свой выбор следующим образом: *«Утрата традиций и культуры приведет к утрате всего остального, включая и медицинское обслуживание, и правовую систему, и армию, и семейные устои (Ирина Б.)»*, *«Хотя особо не боюсь, отбоялся, но считаю, что для нас на первом месте представляет угрозу потеря культуры, потом утрата чувства коллективизма. Хотя это и взаимосвязанные понятия. Нас разобщают, увы, и мы на это поддаёмся (Георгий)»*. Удивительно, что, ставя данный страх на первое место, респондентов не пугает кризис семейных ценностей и бездуховность, хотя эти страхи принадлежат одной группе: к потрясениям, связанным с духовной стороной жизни.

Больше всего тревог и страхов в 1998 г. было связано со снижением жизненного уровня. Сегодня это страх также преследует большое количество человек. Есть все основания для такого суждения, так как уровень безработицы сохраняется на довольно высоком уровне, на предприятиях идут сокращения, а экономика не отличается стабильностью. Часто можно услышать, что сегодняшний приемлемый уровень жизни в России это результат богатейшего

наследства, которое оставили наши предки в виде огромных запасов нефти, газа и других полезных ископаемых, за счет которых мы сейчас существуем на мировом рынке.

Заметим также, что в исследовании М.К. Горшкова¹ данный вид страха так же занимает лидирующие места и является универсальным страхом, воспроизводимым в разное время и в разных культурах. Следует также учесть, что страх безработицы, который логически должен быть связан со страхом обнищания, находится на гораздо более низкой позиции, что вызывает недоумение, почему люди боятся обнищания, но не боятся потерять работу? Можно только сделать вывод, что для наших респондентов наличие работы далеко не решающий фактор, детерминирующий уровень их жизни.

На втором месте в исследовании 1998 г. стоит страх экологических катастроф. Возможно, этот факт можно связать с чернобыльской катастрофой, с момента которой до момента опроса прошло всего 12 лет, и, соответственно, это событие оставило яркий след в памяти респондентов. Заметим, что согласно сегодняшнему опросу, никто не боится экологических катастроф, что удивительно, так как в памяти респондентов должны еще оставаться летние пожары, поглотившие часть центральной России.

На третьем месте в нашем опросе стоит полное беззаконие. В опросе 1998 этот вид страха занял четвертое место: респондентов тревожат и страшат разнообразные вопросы, но, ни одна проблема не может быть решена в условиях полного беззакония. Возможно, этот страх направлен против государства, которое не соблюдает права человека, которое погрязло в коррупции и обмане. Но заметим, что страх коррупции отстоит на три пункта, следовательно, беззаконие, напрямую скорее связано не с чиновниками, а с правоохранительными органами, такими как милиция.

Четвертое место в иерархии страхов в нашем опросе занимает утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм. Россия всегда стояла между Европой и Азией. Ее географическое и расово-этническое многообразие отразило эту геополитическую реальность. Население, проживающее на территории России, творило и создавало синтезированную культуру. От Азии Россия впитала форму группового мышления — группизм, а от Европы индивидуализм с присущим ему мировоззрением. Группизм и индивидуализм — два фундаментальных качества, составляющие основу русского менталитета, причем они постоянно входят в противоречие между собой в силу полярности их основ. Россия всегда пропагандировала через литературу, фильмы, пословицы и поговорки взаимопомощь, коллективизм, но в настоящее время российская действительность все больше сдвигается в сторону индивидуализма. В исследовании В.Я. Ядова и других, как уже было сказано выше, четвертое место занимает полное беззаконие. Такого разгула преступности, как в 90-е, Россия не знала. Преступность постоянно росла, и она как бы оправдывалась официальной идеологией, средствами массовой информации, которые пропагандировали вседозволенность. Вполне серьезно обсуждался вопрос о капитуляции перед мафиозными кланами².

Далее в нашем рейтинге стоит страх, связанный с качеством медицинского обслуживания — 8%: *«Если из предложенного выбирать, то тогда точно, что наше бесплатное медицинское страхование нас и доконает (Маргарита А.)»*. В последнее время мы часто читаем в газетах, видим в новостях и даже в развлекательных передачах, что современная медицина находится не в лучшем состоянии. Это и запущенный вид, не оснащенность больниц, это и маленькая зарплата медперсонала, который, возможно по этой причине, не всегда приходит на помощь. Сюда же можно отнести большое количество платных медицинских услуг, которые может позволить себе не каждый. В рейтинге исследования 1998 года пятое место занимает страх «коррупция властных структур».

Часть ответивших и сегодня боится действующей власти, включая коррупцию властных структур и криминализацию властных структур, о чем ни сообщили в следующих коммента-

¹ Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социс. 2009. №3. С. 31.

² Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. По материалам научных исследований / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова. М.: МОНФ, 1999. С. 131.

риях : *«Не понял.... Есть вариант: "Приход к власти в стране радикальных сил". Почему нет альтернативного варианта, например, "Сохранение власти в руках ныне правящих сил". Я, например, больше всего боюсь, что нынешняя власть "всерьез и надолго".. (Александр).»;* *«На самом деле вопрос стоит о другом, нежели те подсказки, что даны нам. Бояться можно только государство, работающее на нужды криминальных структур, в том числе и банков. Если бы не птенцы гнезда Собчака, со всем, чем нас пугают, мы бы справились. Но они у власти, они при деньгах, а потому всему миру хана (Валерий К.)»;* *«Страх за будущее России. В любом случае, при существующей политике властей, окраины и национальные образования будут стремиться отделиться от "Центра", и это когда-нибудь рано или поздно произойдет (Виктор)».* Сравнительно небольшой показатель (4%) указали страх безработицы. Независимо от того, велика ли безработица в реальности, страх перед ней может влиять на поведение людей на рынке труда. Возможная логика здесь проста: чем сильнее люди боятся потерять работу, тем сильнее они должны держаться за имеющееся место и тем выше у них должна быть склонность «платить» за стабильность имеющейся занятости. Субъективное восприятие угрозы безработицы независимо от ее фактического уровня может быть мощным фактором, снижающим требования работников к работодателю и повышающим их терпимость к ухудшению условий занятости. Страх складывается из сочетания ожидания работниками нарастания трудностей в поддержании занятости (роста безработицы) и ощущения ими слабости собственных конкурентных позиций на рынке труда. Последняя проявляется в неспособности занятых по найму индивидуально или коллективно противостоять ухудшению условий занятости¹.

Также было высказано мнение, что трудно остановиться на каком то конкретном страхе, так как слишком много опасностей окружает нас: *«Одно выбрать сложно, все перечисленное вызывает страх ,начиная от семьи и кончая мировой катастрофой (сибирячка Светлана)»;* *«Я испытываю страх почти перед всем выше перечисленным . Плюс ещё перед: повышение налогов на жильё, повышение квартплаты, снижения размеров пенсии, постоянного роста цен, одиночества и пр. и пр. Ещё боюсь будущего: была перестройка, были реформы 90-х годов, теперь — кризис..... Что будет дальше??? — Хорошего я уверена НЕ БУДЕТ ... — СТРАХ !!!!!!!!! Единственное чего я не боюсь — это ЖИЗНИ!!! (Надежда)».*

Несколько человек отметили, что они ничего не боятся: *«Ничего (Lina from USSR, Alexandr Guryan)»;* *«Вот, точно. Но такой возможности нам не оставили (Мария)»;* *«Да ничего, кроме самого себя (Александр В.)»;* *«Даже как то странно что ничего из перечисленного не вызывает страха. Наверное для того чтобы испугаться, нужно лицом к лицу встретиться с опасностью. Иначе, достаточно просто иметь позицию (Игорь)».*

Была получена критика в адрес предложенной шкалы страха. Некоторых респондентов не устраивало количество предложенных ответов *«Ну просто апокалипсис какой-то. Вы бы еще спросили, не боится ли кто смерти, а то ведь случается порой и такое (Маргарита)»;* *«Великоват список» (Александр А.);* *«Точно, список раздут. Все можно сократить до максимум 10 пунктов. А то и меньше (Валерия)»* и качество предложенной шкалы: *«Есть где-то разработанный вопросник на эту тему, там на первом месте война, потом природные катаклизмы и безработица — это что запомнилось. Здесь все раздроблено и бессистемно (Николай)»;* *«Тогда надо было озаглавить, чего боится среднестатистический москвич? (Нурлан)»;* *«Вероятнее всего это житель Москвы (Василий)»;* *«Я так понял, что опрос проводится среди людей белой расы, скорее всего горожанина, русского по национальности? По крайней мере так следует по предложенному списку ответов, некоторые из которых интересны только им (Нурлан)».* Полученная критика является справедливой.

Метод on-line опроса, как показали результаты опроса, на определенном этапе может быть использован в изучении эмоционального состояния личности. Мы смогли получить результаты, которые в полной мере отражают действительность и не противоречат другим иссле-

¹ Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Велики ли глаза у страха? Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. №4. С. 44–58.

дованиям. Данная шкала строилась с намерением получить некую динамику страхов, которая показала бы различия или, наоборот, сходство с результатами исследования двенадцатилетней давности. Использованный в этом исследовании метод on-line опроса в полной мере позволяет достичь цели и показать, что реальность по ряду параметров в сознании россиян осталась неизменной, но все-таки изменений больше: мы видим, что сейчас никто не боится, если верить нашему исследованию, экологических катастроф, массовых эпидемий и распространения СПИДа, в то время как в исследовании 1998 года эти два страха находятся в лидирующей пятерке, наравне со страхом обнищания, безработицы и беззакония. Возможно, дело в том, что в то время, СПИД еще не стал в России таким массовым заболеванием, как, скажем, в США, нужна была определенная экологическая грамотность и информированность, чтобы осознавать грозящую опасность. Здесь, видимо, роль сыграли акции экологического движения в России и средства массовой информации, активно просвещающие население. В то же время, в 1998 не боялись нашествия ислама, сейчас же этот страх занимает седьмое место в нашем рейтинге. Следует также заметить, что респондентами данного исследования являются преимущественно молодые люди, у которых еще не в полной мере сформировалось представление об окружающем их мире и их мышление еще носит бессистемный характер.

Интернет-технологии, в целом, могут рассматриваться как вспомогательный инструмент исследователя, который расширяет его коммуникативные возможности, так как социологам, как правило, бывает недостаточно информации, получаемой только из традиционных методов сбора и обработки информации, требуются методы интерактивного и доступного взаимодействия с on-line-респондентами. Так как общество становится сетевым, необходимы сетевые методы сбора социологической информации. Если социальная структура превращается в сеть гетерогенных киберсообществ, то on-line исследования более всего подходят для сбора информации о сетевых сообществах и для анализа современного общества в целом¹.

Некоторые аспекты обеспечения информационной безопасности (по материалам ЮФО)²

Белопольская Татьяна Николаевна
Кубанский государственный университет

Задачу обеспечения информационной безопасности в этнической сфере, на наш взгляд, следует сопоставлять с задачами по предупреждению и урегулированию этнических конфликтов. В настоящее время из механизмов профилактики этнических конфликтов наиболее эффективна система раннего предупреждения этнополитических конфликтов.

Группой ученых кафедры политологии Кубанского госуниверситета был проведен пилотажный опрос, в котором приняли участие 470 человек в возрасте от 16 до 36 лет, большая часть респондентов (87 %) являются студентами вузов, в том числе, жителей Адыгеи (г. Майкоп, 92 чел.), Дагестана (г. Махачкала, 96 чел.), Ингушетии (г. Назрань, 135 чел.) и Краснодарского края (г. Краснодар, 147 чел.).

По результатам проведенного исследования мы попытались установить, как информация оказывает влияние на уровень социального доверия к иноэтничным группам. Для измерения уровня социального доверия использовалась модернизированная шкала социальной дистанции, в которой были введены следующие индикаторы социального доверия к представителям иноэтничных групп: 1) допущение родственных отношений; 2) допущение возможности дружбы; 3) доверие как к врачам; 4) допущение возможности работать в одном коллективе;

¹ Коротникова Н.В. Применение метода онлайн-опроса в социологии // III Всероссийский социологический конгресс, ГУ–ВШЭ, Круглый стол 2. Анализ как способ существования данных URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1207056439.pdf

² Работа выполнена в рамках проекта «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)» по программе Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

5) возможность делового партнерства; 6) допущение возможности позитивных соседских отношений. Результатом измерения является расчет коэффициента доверия (Кд), значения которого находятся в интервале [0; 1], где 1 означает наивысший уровень доверия.

Коэффициент социального доверия рассчитан по формуле:

$$Кд = (n_1 + n_2*2 + n_3*3 + n_4*4 + n_5*5 + n_6*6) / N*6,$$

где n_1 — количество отметивших один пункт шкалы, n_2 — два пункта и т.д., а n_6 — все пункты шкалы, N — общее количество опрошенных. Результаты измерений представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Уровень социального доверия к национальным группам в зависимости от места опроса

Место опроса	Уровень социального доверия к...				
	Русским	Адыгейцам	Чеченцам	Ингушам	Дагестанцам
Краснодар	0,863	0,277	0,204	0,184	0,204
Майкоп	0,661	0,721	0,330	0,342	0,324
Назрань	0,480	0,204	0,486	0,653	0,345
Махачкала	0,682	0,214	0,267	0,211	0,698

Наименьшее доверие русские вызывают у ингушей ($Кд=0,480$). При этом уровень доверия у них довольно сильно связан с представлением о том, насколько правдиво говорят о русских в СМИ. По мнению большинства опрошенных жителей г. Назрани в информационных источниках присутствует в основном позитивная информация о русских (так считают 93 % опрошенных), но, в то же время, по мнению респондентов, данная информация не является правдивой. Такую точку зрения имеют более половины участников опроса (56 %). Во многом это объясняется тем, что у ингушей, судя по расчету уровня доверия к различным информационным источникам, ТВ, радио и электронные СМИ (интернет) вызывают меньше доверия, чем информация, которой они делятся друг с другом. Печатные СМИ имеют у ингушей отрицательный коэффициент доверия, то есть данному источнику жители г. Назрани практически не доверяют.

Жители Дагестана русским доверяют больше, чем наши ближайшие соседи адыгейцы. Здесь также наблюдается корреляция с мнением о правдивости информации о русских – респонденты из г. Махачкалы более позитивно, чем адыгейцы оценивают правдивость данной информации; всего 9 % из них считают, что она искажена, тогда как в Адыгее такое мнение имеют 26 % опрошенных.

Также интересный вывод был сделан по результатам сравнения средних значений уровня доверия к русским, в зависимости от ответов на вопрос о доминирующей информации в СМИ о России у респондентов из Адыгеи, Дагестана и Ингушетии – на уровень доверия значительное влияние оказывает информированность респондентов о России, а не направленность информации (Таблица 2).

Таблица 2

Количество выбранных в анкете информационных тематик о России в зависимости от уровня социального доверия к русским, *средние баллы*

Уровень социального доверия к русским	Среднее количество информационных тематик о России, выбранных респондентами следующих городов		
	Майкоп	Махачкала	Назрань
Низкий	1,6	1,8	2,8
Средний	4,1	4,2	3,1
Высокий	5,0	4,6	3,8

Чем больше тематик информационных сообщений о России (максимум 10) респонденты отмечали в анкете, тем выше был их уровень социального доверия к русским. Повышение уровня социального доверия происходило независимо от того, какие именно тематические

разделы респонденты выбирали, позитивные или негативные. Кроме того, у респондентов из Адыгеи, Дагестана и Ингушетии, указавших, что традиции и обычаи русских им знакомы и относительно понятны уровень социального доверия к нашей нации заметно выше, чем у тех, кто о российских культурных особенностях имеет слабое представление.

Итак, мы пришли к выводу о том, что уровень социального доверия к людям иной национальности сильно связан с информированностью людей об этих этнических группах, причем значительную роль играет доверие к источникам, через которые передается данная информация. Недоверие к информационному источнику может отрицательно сказаться на межэтнических установках.

Таким образом, крайне важной задачей, на которую следует обратить первоочередное внимание властей, является повышение информированности местных жителей о культурных особенностях этнических групп, населяющих тот или иной регион, что, несомненно, будет способствовать пониманию и согласию в ситуациях межэтнических контактов, и, соответственно, формировать позитивные межэтнические установки, а так же будет способствовать повышению уровня социального доверия.

Таблица 3

Распределение мнения респондентов Республики Адыгея о допустимости частных контактов и родственных связей с представителями других этносов, %

Этнос	Осуществляются частые контакты	Допустимы родственные отношения
Русские	95,7	35,9
Адыгейцы	94,6	77,2
Чеченцы	81,5	19,6
Армяне	81,5	14,1
Дагестанцы	76,1	22,8

Важнейшим показателем безопасности полиэтнического общества является отсутствие противостояния двух видов социальной идентичности — этнической и гражданской. В идеале эти два вида идентичности должны не конкурировать, а дополнять друг друга.

Полученные при проведенном опросе результаты, на наш взгляд, указывают на ряд тревожных моментов. В таблицах сопоставлены результаты ответов на вопросы о народах, с которыми у респондентов наиболее частые контакты и о народах, с которыми допустимы родственные отношения.

Таблица 4

Распределение мнения респондентов Краснодарского края о допустимости частных контактов и родственных связей с представителями других этносов, %

Этнос	Осуществляются частые контакты	Допустимы родственные отношения
Русские	96,2	100
Армяне	96,2	27,0
Украинцы	65,4	57,7
Дагестанцы	57,4	7,7
Грузины	50,0	15,0
Адыгейцы	50,0	11,5

Таким образом, этнический и конфессиональный фактор при выборе родственников у опрошенной молодежи играет более значимую роль, чем географический фактор. Под географическим фактором мы имеем в виду исторически определенное расселение представителей различных этносов на одной территории (например, русские и адыги). Подавляющее большинство респондентов допускают родственные отношения только с представителями «своего» этноса.

Большинство респондентов, опрошенных в Ингушетии, в качестве наиболее часто выбираемых друзей назвали представителей ингушской национальности (84 %). На втором месте чеченцы (80 %), на третьем — русские (69 %). Среди менее предпочтительных национально-

стей названы осетины (22 %), вьетнамцы (16 %) и цыгане (16 %). Можно предположить, что последствия осетино-ингушского конфликта до сих пор оказывают существенное влияние на формирование установок массового сознания молодежи Ингушетии.

Таблица 5

Распределение мнения респондентов Республики Дагестан о допустимости частных контактов и родственных связей с представителями других этносов, %

Этнос	Осуществляются частые контакты	Допустимы родственные отношения
Русские	92,6	44,7
Дагестанцы	88,4	93,7
Азербайджанцы	71,6	17,9
Чеченцы	69,5	22,1
Осетины	45,3	12,6

Таблица 6

Распределение мнения респондентов Республики Ингушетия о допустимости частных контактов и родственных связей с представителями других этносов, %

Этнос	Осуществляются частые контакты	Допустимы родственные отношения
Русские	89,6	8,2
Чеченцы	89,6	55,2
Ингуши	81,3	89,6
Осетины	45,3	12,6

Одной из задач нашего исследования явилось определение характера развития гражданского самосознания, в структуру которого мы включили такие параметры, как выявление отношения респондентов к своей гражданской принадлежности, оценку привлекательности России как страны проживания, а так же выявление гражданской, социальной и культурной позиций респондентов.

Мы выявили, какие чувства вызывает у респондентов их гражданская принадлежность. Данные по Адыгее, Дагестану и Ингушетии (в среднем) представлены на рис. 1, по Краснодарскому краю на рис. 2.

Рис. 1. Отношение респондентов Адыгеи, Дагестана и Ингушетии к своему гражданству (в среднем), %

Анализ данных позволяет прийти к заключению о том, что у большей части молодежи Краснодарского края (63%) гражданская принадлежность вызывает, прежде всего, чувство гордости оттого, что они принадлежат к великому народу и великой стране. Число респондентов Адыгеи, Дагестана и Ингушетии у которых гражданство вызывает это же чувство, составляет около половины, 47 % (в среднем).

Рис. 2. Отношение респондентов Краснодарского края к своему гражданству, %

По всей видимости, жители Адыгеи и Краснодарского края менее привержены к тому, чтобы сменить страну проживания, скорее потому, что респондентам этих территорий нравится место их проживания (например, около 70 % жителей Краснодара и 60 % Адыгеи сообщили о том, что им нравится жить в России). Представители Адыгеи, Дагестана и Ингушетии проявили желание покинуть Россию в случае, если бы им была предоставлена такая возможность (около 40 %).

Для выявления уровня гражданского самосознания мы использовали индекс оценки привлекательности России как страны проживания (индекс может принимать значения от -1 — абсолютно не привлекательна до $+1$ — очень привлекательна), расчет которого осуществлялся по принципу логического квадрата (Таблица 7).

Таблица 7

Построения логического квадрата для оценки привлекательности России как страны проживания

Нравится ли Вам жить в России?	Если бы у Вас была возможность выбирать место жительства в любой точке мира, Вы бы уехали из России или остались?		
	Уехал	Остался	Не думал
Да	0,0	1,0	0,5
Нет	-1,0	0,0	-0,5
Не думал	-0,5	0,5	0,0

Отметим, что значение индекса рассчитывается по данным таблицы сопряженности (результаты ответов на два вопроса «Нравится ли Вам жить в России?» и «Если бы у Вас была возможность выбирать место жительства в любой точке мира, Вы бы уехали из России или остались?»). Таким образом, значение индекса определяет субъективную характеристику респондента и носит обобщающий характер.

Расчет индекса привел нас к следующему заключению. Наибольшее значение этого показателя для Дагестана и Ингушетии (0,65 и 0,5 соответственно). Примерно одинаково значение индекса для Краснодарского края и республики Адыгея (около 0,16).

Индекс, определяющий гражданскую позицию респондентов, был оценен степенью их участия в социально-политической жизни страны и региона. Для расчета индекса были учтены следующие характеристики: участие в выборах в органы власти; политическая активность (членство в партиях, участие в митингах, демонстрациях, интерес к партийной работе); интерес к общественно-политической работе и к политическим событиям, происходящим в стране; патриотизм. Индекс вычисляется путем деления суммы баллов, набранных респондентами по 13 вопросам на максимальное число баллов по тесту (31). Значение индекса может находиться в интервале от 0 до 1 включительно.

Экспертный опрос об идеологическом противодействии терроризму

Горшкова Ирина Дмитриевна,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

В 2010 году в рамках комплекса работ ИППК МГУ по профилактике и идеологическому противодействию терроризма было проведено социологическое исследование (массовый опрос, фокус-группы, опрос экспертов). Согласно техническому заданию госконтракта требовалось получить оценки 100 экспертов. Очевидно, что наличие столь значительного числа российских экспертов, которые бы обладали глубокими знаниями и успешным практическим опытом в изучаемой области, не представлялось реальным. В этой связи исполнителями исследования было принято решение опросить несколько групп экспертов, представляющих различные сообщества специалистов (представителей государственных организаций, академических структур, общественных организаций), взаимодействие которых может способствовать решению задач идеологического противодействия терроризму. Тем более, что это соответствовало задачам других мероприятий, которые осуществлялись совместно ИППК МГУ и НАКом (конференции, круглые столы, дискуссии, обучающие мероприятия, студенческие фестивали и акции и пр.) в 2010 году в разных регионах Российской Федерации.

Выборку экспертного опроса составили три основные группы экспертов/специалистов. Первая группа (*государственные организации*, n=36) — специалисты, работающие в Национальном антитеррористическом комитете, антитеррористических комиссиях, их аппаратах, оперативных штабах — слушатели курсов ИППК МГУ, участники тематических конференций и круглых столов.

Вторая группа (*наука*, n=32) — преподаватели высших учебных заведений, специалисты (политологи, юристы, социологи, психологи и пр.), ведущие научно-исследовательскую работу по темам, связанным с противодействием террористическим угрозам, идеологии терроризма или смежным с ними. Часть респондентов — участники тематических конференций, круглых столов и иных мероприятий, проведенных ИППК МГУ в Москве и регионах, часть респондентов набиралась методом референтной выборки (по рекомендации участников мероприятий).

Третья группа (*гражданское общество*, n=32) — представители неправительственных организаций: правозащитных, просветительских, молодежных, волонтерских, ветеранских, женских организаций, политических партий, общественных и профессиональных объединений. Часть респондентов — участники тематических конференций, круглых столов и иных мероприятий, проведенных в ИППК МГУ в Москве и регионах. Часть респондентов набиралась методом референтной выборки (по рекомендации участников мероприятий) или через прямое обращение к экспертам, занимающихся исследуемой проблемой и опрашивалась методом почтового опроса.

Первая группа наиболее гомогенная, ее составили специалисты, чья профессиональная деятельность прямо связана с идеологическим противодействием терроризму. Сферы деятельности экспертов из групп 2 и 3 частично пересекаются. Некоторые эксперты из академического сообщества являются консультантами неправительственных организаций, участниками политических партий и общественных движений. Часть представителей общественных организаций проводят исследовательскую работу, занимаются преподавательской деятельностью. В ходе анализа была сформирована дополнительная группа, состоящая из представителей всех трех групп экспертов, работающих в очагах напряженности. Характеристика выборки в зависимости от групп экспертов и регионов представлена в таблице 1.

Для сбора информации разработана анкета, которая содержала 24/25 вопросов (в зависимости от метода: почтовый опрос/раздаточное анкетирование), большая часть которых имела полуоткрытый и открытый характер. Практически все закрытые вопросы заданы в той же форме, в какой предлагались респондентам массового опроса, проведенного в 29 субъектах РФ.

Таблица 1

Характеристика выборки

Регионы	Группа 1 n=36		Группа 2 n=32		Группа 3 n=32		Всего N=100
	в абсолютных значениях и %						
1. Очаги напряженности: Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика	7	20%	5	18%	11	37%	25%
2. Регионы, расположенные близко к очагам напряженности: Краснодарский край, Республика Адыгея, Ставропольский край, Астраханская область, Республика Калмыкия	2	6%	1	4%	1	3%	4%
3. Крупные и экономически развитые регионы: Волгоградская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская область, Самарская область, Пермский край, Саратовская область, С-Петербург, Москва	14	40%	23	78%	15	52%	54%
4. Прочие регионы: Оренбургская область, Удмуртская Республика, Пензенская область, Ульяновская область, Республика Мордовия, Кировская область, Республика Марий-Эл, Чувашская республика	8	23%	-	-	5	10%	12%
Другие регионы	4	11%	-	-	-	-	4%

Результаты сравнения оценок экспертов из разных групп демонстрируют наличие как сходных, так и различающихся мнений. Для данной публикации выбраны распределения на некоторые закрытые вопросы, в том числе:

1) оценка вероятности терактов в регионах (теракты: возможны, маловероятны, невозможны);

2) представления о целях, которые преследуются террористическими организациями на территории современной России (отделиться от государства; вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей; свергнуть существующее руководство; изменить государственный строй; осуществить акты возмездия, привлечь внимание к проблемам общества);

3) представления о мотивах обращения людей в террористические организации (желание отомстить; отчаяние, безысходность; безрассудство; служение идеалам; материальное вознаграждение; готовность к самопожертвованию; неверие в то, что проблему можно решить мирным путем; религиозные идеи; ощущение несправедливости и произвола; это жертвы шантажа, насилия);

4) мнения о методах борьбы с терроризмом («проблему терроризма следует решать только путем уничтожения террористов» или «с террористами нужно вести переговоры и находить решения, которые бы удовлетворяли всех»);

5) отношение к идее ограничения прав и свобод граждан во имя обеспечения безопасности;

6) представления о том, что мешает борьбе с терроризмом (безразличие власти к заботам народа; недостаточный профессионализм ответственных лиц; коррупция; неразвитость гражданского общества; массовая апатия).

1. Большинство (79 %) экспертов на вопрос «Как Вы считаете, могут ли произойти террористические акты в вашем регионе?» ответили, что террористические акты в их регионах возможны. Наименьшую тревогу испытывают эксперты группы 1, наибольшую – эксперты из регионов-очагов напряженности (см. Рис. 1).

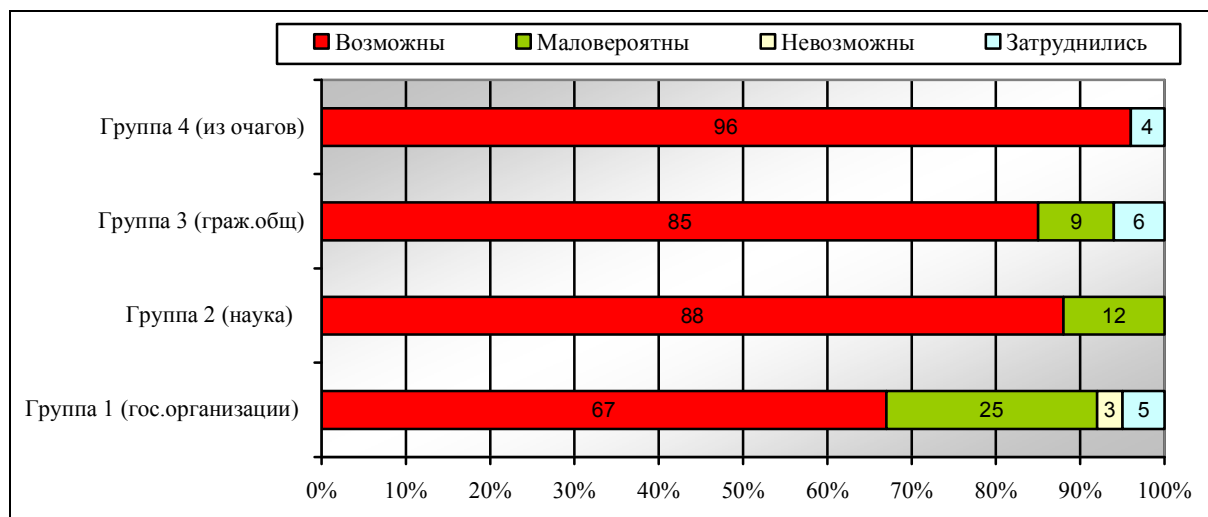

Рис. 1. Мнения о вероятности терактов.

2. Основные цели, которые преследуют террористы, действующие в России, по мнению всех экспертов: вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей (50%), осуществить акты возмездия (38%).

Акценты, которые расставляли разные группы экспертов (см. Рис. 2):

- группа 1 чаще остальных указывала на «отделение от государства» и реже на «привлечение внимания к проблемам общества»;
- группа 2 чаще всех отмечала «акты возмездия», и реже — «свержение существующего руководства»;
- группа 3 реже остальных «отделение от государства» и «изменение государственного строя»;
- группа 4 наиболее сдержаны всех в своих оценках, реже остальных предполагают «вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей».

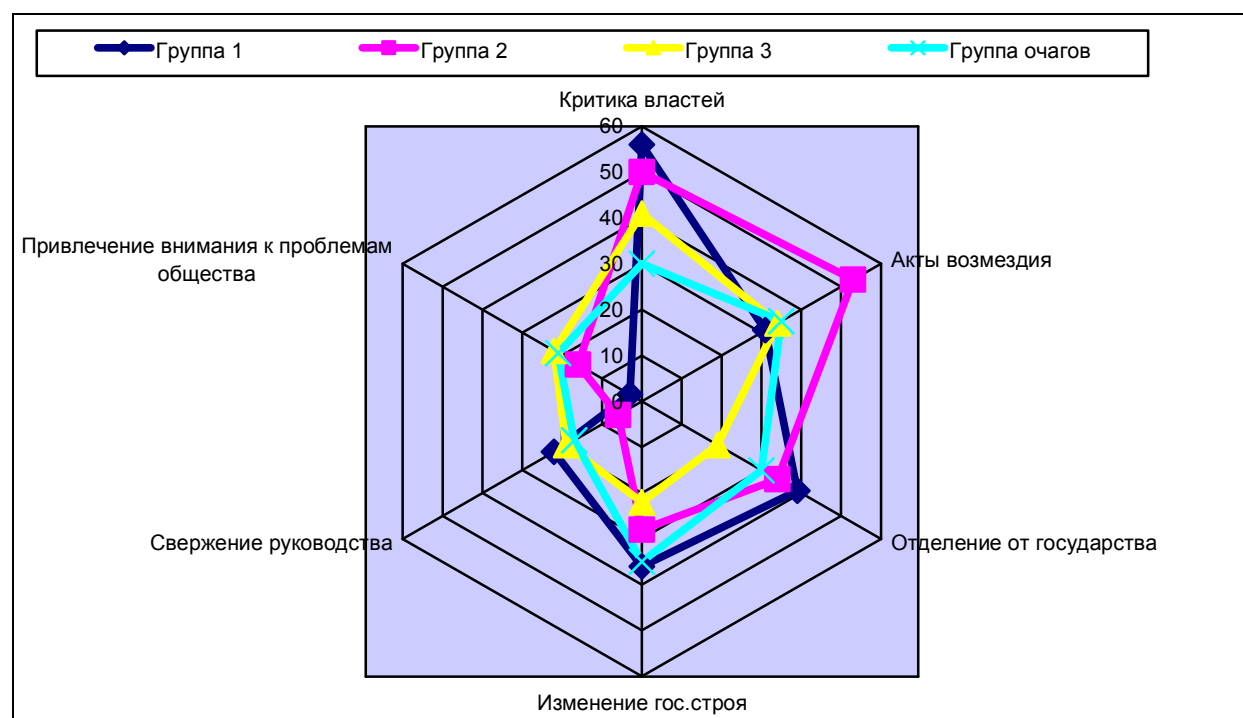

Рис. 2. Представления о целях террористов.

3. Разные группы экспертов придавали разное значение предложенному в анкете списку мотивов обращения людей к участию в террористических организациях. На рис. 3 отражено распределение мнений по ведущим с точки зрения экспертов, мотивам. Наибольшие несов-

падения мнений у экспертов из группы 1 и экспертов из очагов касаются религиозных и материальных мотивов.

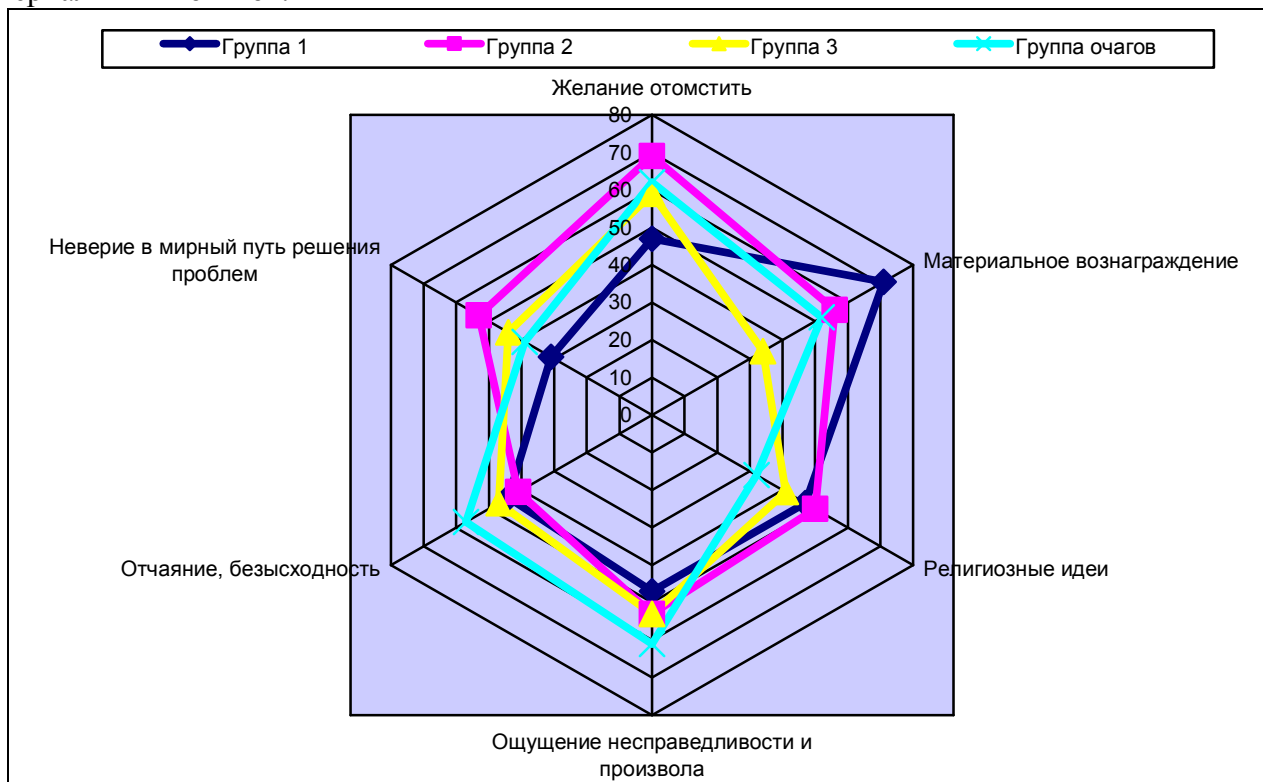

Рис. 3. Мнения о мотивах обращения в террористические организации.

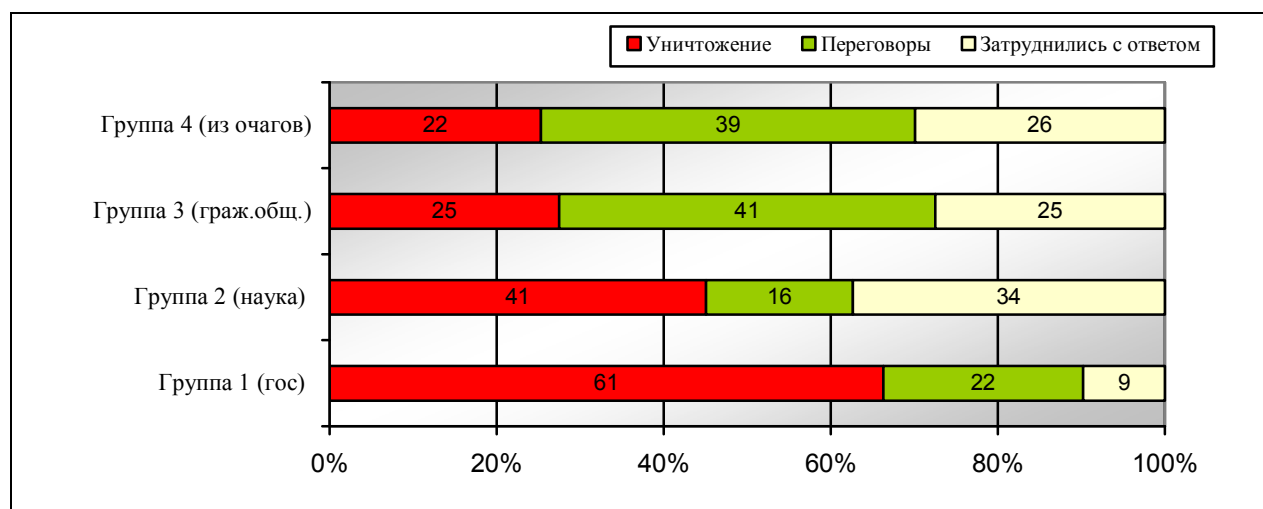

Рис. 4. Точки зрения о решении проблемы терроризма.

4. Вопрос о методах борьбы с терроризмом позволял выявить приверженность основным подходам, которые можно определить как «уничтожение» или «переговоры». В целом преобладает (43%) точка зрения «проблему терроризма следует решать только путем уничтожения террористов», четверть (26%) экспертов за то, что «с террористами нужно вести переговоры и находить решения, которые бы удовлетворяли всех», к ним присоединяются (8%) те, кто не смогли определиться и указали оба подхода. Значительная часть (23%) экспертов затруднились с ответом. Разница во мнениях разных групп экспертов довольно существенна (см. Рис. 4). Приверженность уничтожению почти в 2,5 раза выше у экспертов группы 1, чем в группе 3 и экспертов из очагов. Треть «науки» воздержалась от суждений.

5. В исследование был включен вопрос, часто обсуждаемый в связи с террористическими угрозами, об ограничении прав и свобод граждан во имя обеспечения безопасности. Большинство (53%) экспертов в той или иной мере не согласны с идеей ограничений, (включая,

22% не согласных полностью). Чаще всех остальных экспертов идею ограничений поддерживают эксперты группы 1 (см. Рис. 5).

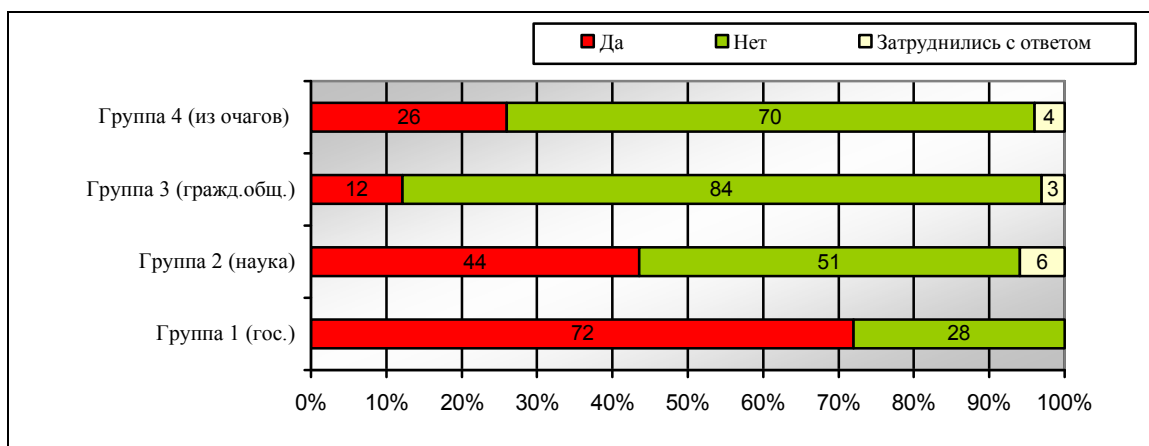

Рис. 5. Мнения о допустимости ограничения свобод.

6. Основными помехами в борьбе с терроризмом в целом всеми экспертами назывались: коррупция (70%) и недостаточный профессионализм ответственных лиц (55%).

Основные отличия в оценках экспертов из групп (см. Рис. 6):

- группа 1 реже отмечает непрофессионализм ответственных лиц, чаще массовую апатию,
- группа 2 чаще — коррупция и непрофессионализм ответственных лиц,
- группа очагов — чаще безразличие властей к заботам народа.

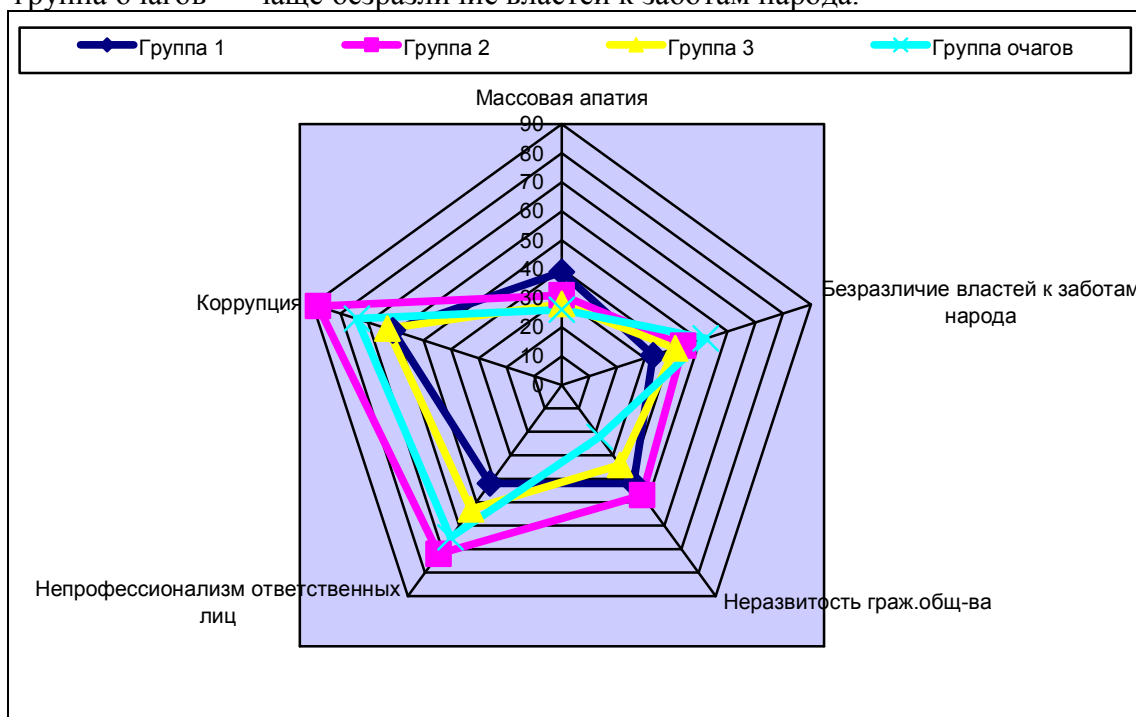

Рис. 6. Мнения о том, что мешает борьбе с терроризмом?

Можно предположить, что число ($n=30$) экспертов выбранных для сравнения групп, дает достаточный объем информации для того, чтобы выявить значимую разницу позиций.

Опрос различных групп экспертов/специалистов из разных сообществ (профессионалов, академического сообщества, общественных организаций) представляется полезным, так как выявляет разницу видения понимания и путей решения острых социальных проблем. В данном исследовании мнения экспертов из регионов очагов напряженности в ряде случаев заметно отличались от мнений других групп возможно за счет повышенной доли представите-

лей общественных организаций. Сравнительный анализ мнений разных групп экспертов позволяют более целенаправленно планировать повестку дня в рамках межсекторального взаимодействия. В одних случаях изначально предполагать и выбирать жанр дискуссии, когда известно, что точки зрения сообществ разнятся, в других случаях — отказываться от обсуждения вопросов, которые в целом не вызывают серьезных противоречий у сторон и сосредотачиваться на иных (например, практических, организационных) аспектах взаимодействия.

Оценки экспертов академического сообщества нередко занимают срединное положение между тяготеющим к «репрессивному» подходу профессионалов и «правозащитному» подходу НКО. Это дает возможность академическому сообществу выполнять роль «моста» между (часто) консервативной точкой зрения государственных структур и подходами общественных организаций, предлагающих социальные инновации.

Методика измерения влияния дискурса инвалидности на социальную адаптацию людей с ограниченными возможностями здоровья

Домбровская Анна Юрьевна,
*Орловский государственный институт
искусств и культуры*

Важность изучения воздействия информационных факторов на процесс социальной адаптации инвалидов продиктована несколькими обстоятельствами. Во-первых, все большим влиянием средств массовой информации и дискурсов, распространяемых ими, на сознание и поведение людей, и, в первую очередь, людей с ограниченными возможностями здоровья вследствие их большей подверженности информационному влиянию масс-медиа. Во-вторых, методологической неопределенностью исследования социальной адаптации инвалидов и отсутствия методики изучения влияния различных факторов на этот процесс, в том числе, общественных дискурсов инвалидности.

Анализ специальной литературы по исследованию социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья показывает явную немногочисленность попыток предложить строгие критерии измерения уровня социальной адаптации данной категории населения, а также практически полное отсутствие обоснования методики типологизации уровней или видов социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, исследований влияния информационных факторов на социальную адаптацию инвалидов вовсе нет, равно как и методологии измерения дискурсных воздействий на процесс социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья.

Среди имеющихся разработок в области типологизации социальной адаптации инвалидов наиболее распространенными являются типологии Е.И. Холостовой и Н.Ф. Дементьевой¹, а также Н.И. Лапина. Типология Холостовой–Дементьевой является попыткой вертикальной типологизации социальной адаптации инвалидов, то есть выделения ее уровней. Критерии активности и позитивности социальных установок людей с ограниченными возможностями здоровья определяют четыре типа их социальной адаптации (активно-позитивная, активно-негативная, пассивно-позитивная, пассивно-негативная).

Примером горизонтальной типологизации социальной адаптации инвалидов является типология стратегий социальной адаптации инвалидов Н.И. Лапина². Не ранжируя по степени адаптированности инвалидов, ученый выделяет номинальные типы адаптации (уход в частную жизнь, решение личных проблем; агрессивность, озлобленность; повышение культурного, образовательного уровней, профессионализма; демонстрации, забастовки, другие формы социального протеста; внесение предложений по улучшению положения дел в коллективе, регионе, стране, самоубийство, эмиграция; благотворительность).

Весьма распространенной и признанной методикой измерения социальной адаптации также является деление ее критериев на объективные (реальные социальные действия и со-

¹ Холостова Е.И., Дементьева Н.Ф. Социальная реабилитация. М.: Дашков и К, 2002. С. 81.

² Лапин Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 144–147.

циальное положение, социальные условия индивидов) и субъективные (социальное самочувствие индивидов)¹.

На сегодняшний день наиболее глубокими и весомыми исследованиями дискурса инвалидности являются труды Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова². К числу исследователей данного предмета также отнесем И.Г. Ясавеева, В.И. Новикова, Н.В. Старостенкова³. При изучении дискурса инвалидности в современных масс-медиа используются количественные и качественные процедуры; в частности, количественный подсчет значений определенных категорий сообщений об инвалидах в масс-медиа (социальный актор, перспектива освещения проблемы, жанр публикации и т.д.⁴) дополняется дискурс-анализом (исследованием способов представления предмета в тексте) наиболее содержательных и объемных сообщений о людях с ограниченными возможностями здоровья. В наиболее обобщенном виде выводы таких исследований сводятся к тому, что сегодня все еще распространяется образ пассивной и бездеятельной инвалидности. Формирование средствами массовой информации таких дискриминационных представлений о людях с ограниченными возможностями здоровья происходит посредством доминирования сообщений об инвалидах, в которых основным актором являются обезличенные структуры, а не сами инвалиды, преобладания мер в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья, а не их действия по преодолению жизненных ограничений. По общему убеждению ученых необходимо изменять масс-медийный дискурс инвалидности, преодолевая дискриминационные и неадекватные общественные представления о людях с ограниченными возможностями.

Вместе с тем, останавливаясь на контент-аналитических методах, исследователи не предпринимают попыток изучить отношение самих людей с ограниченными возможностями здоровья к сообщениям об инвалидах в масс-медиа. Однако результаты такого контент-анализа могут быть лишь субъективной позицией ученых. А, следовательно, необходимо дополнить исследования масс-медийных сообщений о людях с ограниченными возможностями новым ракурсом рассмотрения — изучением мнения людей, имеющих ограничения здоровья, о дискурсе инвалидности в средствах массовой информации. Таким образом, совмещение методик измерения уровня социальной адаптации инвалидов и определения их отношения к дискурсу инвалидности в масс-медиа составляет основу методики измерения влияния дискурса инвалидности на социальную адаптацию людей с ограниченными возможностями здоровья.

Проанализировав существующие в практике современных социологических исследований попытки изучения социальной адаптации инвалидов, исследования дискурса инвалидности и критически оценив их возможности, мы разработали алгоритм измерения влияния дискурса инвалидности на социальную адаптацию людей с ограниченными возможностями здоровья.

Данный алгоритм включает два этапа. Первый состоит в определении типа социальной адаптации инвалида. Ниже приведена таблица критериев измерения уровня социальной адаптированности людей с ограниченными возможностями здоровья с указанием способа эмпирической фиксации значения каждого критерия.

Для каждого респондента заполняется форма, состоящая из указанных 16 критериев социальной адаптации. Форма заполняется в соответствии с приведенными методиками для определенного критерия. Далее каждый респондент оказывается принадлежащим к одному из обозначенных типов социальной адаптации (См. рис. 1 и приложение). Наряду с критериями социальной адаптации в ходе интервью исследуются показатели влияния дискурса инвалидности на социальную адаптацию инвалидов: источники получения информации, тематиче-

¹ Жуков В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. 1985–2001 гг. М.: МГСУ, 2002. С. 150–151.

² Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2008. С. 231–242.

³ Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия / Пер. с англ., сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Казанский ун-т, 2000; Журналистика социальной сферы / Общ. ред. В.И. Новикова, Н.В. Старостенкова. М.: РГСУ, 2008. С. 120–121.

⁴ Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 142.

ские интересы, отношение инвалидов к способу обсуждения проблем инвалидности в СМИ, степень готовности активно использовать практически полезные сведения из СМИ в решении практических проблем.

Таблица 1

Критерии измерения уровня социальной адаптированности инвалидов

№	Критерии	Шкала измерения критериев	Метод измерения критериев
<i>Объективные</i>			
1.	Социальные роли инвалида в семье	<i>Адаптированность</i> : выполнение каких-либо семейных обязанностей, помощь в ведении хозяйства <i>Деадаптированность</i> : иждивенческая стратегия поведения, отсутствие каких-либо семейных обязанностей	Включенное наблюдение, неформализованное интервью
2.	Социальный статус в семье	<i>Адаптированность</i> : высокая оценка членами роли инвалида в семейной жизни <i>Деадаптированность</i> : представление членов семьи об инвалиде как об обузе и иждивенце	Неформализованное интервью
3.	Социальное окружение, социальные связи	<i>Адаптированность</i> : наличие определенного круга общения вне семьи <i>Деадаптированность</i> : отсутствие социальных связей и отношений вне семейного круга	Включенное наблюдение, неформализованное интервью
4.	Умение удовлетворить свои основные потребности	<i>Адаптированность</i> : приспособленность к удовлетворению потребностей в питании, личной гигиене, способность к самообслуживанию <i>Деадаптированность</i> : неприспособленность к удовлетворению потребностей в питании, личной гигиене, неспособность к самообслуживанию	Включенное наблюдение
5.	Социальная активность	<i>Адаптированность</i> : наличие работы, членство в общественных объединениях, участие в выставках творческих работ, занятие параспортом <i>Деадаптированность</i> : отсутствие всякой социальной активности	Неформализованное интервью
6	Успешность социальной активности	<i>Адаптированность</i> : наличие профессионального роста на работе, выполнение обязанностей руководителя (того или иного уровня) в общественных организациях, общественное признание творчества (призы, грамоты за участие в творческих конкурсах) <i>Деадаптированность</i> : постоянное пребывание в роли рядового члена общественной организации без каких-либо обязанностей и ролей, отсутствие готовности представить на общественное обозрение продукты своего творчества	Неформализованное интервью
7	Коммуникативная компетентность	<i>Адаптированность</i> : позитивные, адекватные установки по отношению к собеседнику, формирование стратегии общения на основе уважения к коммуникантам <i>Деадаптированность</i> : проявление агрессии, конфликтности, неадекватности в общении, установка на пересекающиеся коммуникативные акты (по Э. Берну)	Включенное наблюдение
8	Состояние здоровья	<i>Адаптированность</i> : относительное соматическое благополучие <i>Деадаптированность</i> : соматическое неблагополучие	Включенное наблюдение, контент-анализ медицинской карты
<i>Субъективные</i>			
9	Удовлетворенность отношениями с окружающими	<i>Адаптированность</i> : высокая степень удовлетворенности отношениями с окружающими <i>Деадаптированность</i> : неудовлетворенность отношениями с окружающими	Неформализованное интервью, включенное наблюдение
10	Удовлетворенность своим социальным статусом	<i>Адаптированность</i> : высокая степень удовлетворенности своим социальным статусом <i>Деадаптированность</i> : неудовлетворенность своим социальным статусом	
11	Удовлетворенность основными формами	<i>Адаптированность</i> : высокая степень удовлетворенности основными формами деятельности <i>Деадаптированность</i> : неудовлетворенность основными	

	мами деятель-ности	формами деятельности	
12	Удовлетворенность реализацией основных потребностей	<i>Адаптированность</i> : высокая степень удовлетворенности реализацией основных потребностей <i>Деадаптированность</i> : неудовлетворенность реализацией основных потребностей	
13	Удовлетворенность уровнем своей самореализации	<i>Адаптированность</i> : высокая степень удовлетворенности самореализацией <i>Деадаптированность</i> : неудовлетворенность уровнем своей самореализации	
14	Самооценка	<i>Адаптированность</i> : самопринятие, адекватные самооценка и уровень притязаний, минимальное разведение Я-реального и Я-идеального, самооценки и уровня притязаний <i>Деадаптированность</i> : неприятие себя, неадекватные самооценка и уровень притязаний, максимальное разведение Я-реального и Я-идеального, самооценки и уровня притязаний	
15	Ощущение включенности в группу	<i>Адаптированность</i> : Ощущение включенности в деятельность группы <i>Деадаптированность</i> : субъективное ощущение одиночества	
16	Физическое самочувствие	<i>Адаптированность</i> : ощущение физиологического комфорта <i>Деадаптированность</i> : постоянные жалобы на физическое самочувствие	

На втором этапе (после определения типа социальной адаптации респондента) изучается собственно влияние дискурса инвалидности на представителей всех типов социальной адаптации. Поскольку использование коэффициентов корреляции в данном случае затруднено сочетанием количественных и качественных методик исследования, наиболее адекватным представляется анализ характерных для представителей того или иного типа социальной адаптации показателей информационного поведения по указанным критериям. Выявленные таким образом взаимосвязи покажут существование или отсутствие зависимости распространяемых масс-медиа дискурсов инвалидности и формируемого у людей с ограниченными возможностями здоровья типа социальной адаптации.

Таблица 2

Уровни социальной адаптации инвалидов

	Объективная адаптированность	Объективная дезадаптированность
Субъективная адаптированность	Адаптанты	Субъективно адаптированные
Субъективная дезадаптированность	Объективно адаптированные	Дезадаптанты

В случае существования такой взаимосвязи дифференциацию типов социальной адаптации инвалидов мы объясняем, в том числе различными установками людей с ограниченными возможностями на восприятие информации из масс-медиа: уровень критической оценки транслируемого материала, готовность к активной реализации практически полезной информации для решения жизненных проблем, степень осведомленности о возможностях получения социальной помощи для преодоления жизненных ограничений и т.д.

Таким образом, создание социальных условий (в частности, информационного пространства) для формирования у людей с ограниченными возможностями здоровья типа социальной адаптации «абсолютный адаптант» или «адаптант-оптимист» связано с внешними и внутренними информационными факторами. Внешние состоят в распространении масс-медиа такого дискурса инвалидности, который бы способствовал активизации жизненной позиции людей с ограниченными возможностями. Внутренними факторами является формирование у инвалидов адекватного и критического восприятия сообщений масс-медиа (способность критически оценить культ успешности и богатства в современных средствах массовой информации, дистанцироваться от дискриминационных образов инвалидности); готовности использовать прак-

тически полезную информацию из масс-медиа; высокого уровня информированности о возможностях получения социальной помощи и способах преодоления жизненных ограничений.

Матрица определения типа социальной адаптации инвалидов

Критерии социальной адаптации Тип социальной адаптации	Социальные роли инвалидов в семье	Социальный статус в семье	Социальное окружение, социальные связи	Умение удовлетворить свои основные потребности	Социальная активность	Успешность социальной активности	Коммуникативная компетентность	Состояние здоровья	Удовлетворенность отношениями с окружающими	Удовлетворенность своим социальным статусом	Удовлетворенность основными формами деятельности	Удовлетворенность реализацией основных потребностей	Удовлетворенность уровнем своей самореализации	Самооценка	Ощущение включенности в группу	Физическое самочувствие
АА	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
АА	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
АА	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
АА	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
АА	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
АА	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-
АА	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-
АА	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-
АО	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
АО	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
АО	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
АО	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
АО	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-
АО	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-
АО	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
АП	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
ДА	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
ДА	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
ДА	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
ДА	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
ДА	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

АА — абсолютные адаптанты.

АО — адаптанты-оптимисты.

АП — адаптанты-пессимисты.

ДА — дезадаптанты.

«+» — показатель адаптированности по данному критерию.

«-» — показатель дезадаптированности по данному критерию.

В связи с этим важной исследовательской задачей видится определение того, какие источники информации являются первостепенными для инвалидов, имеющих тип адаптации «адаптант-пессимист» и «дезаптант», их представления о желаемом способе подачи информации о людях с ограниченными возможностями здоровья и для них, их мнение о том, какие сведения будут способствовать активизации их социальной позиции и обретения ими позитивных жизненных установок. Другими словами, изучение данного предмета позволит определить наиболее важные информационные факторы формирования успешных типов социальной адаптации инвалидов.

Наконец, результаты такого анализа обусловят разработку практических рекомендаций средствам массовой информации, социальным службам и общественным организациям инвалидов по совершенствованию социальных условий адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья.

Опыт индексации базовых форм территориального поведения региональных общностей

Завалишин Андрей Юрьевич,
Тонконог Светлана Владимировна

Хабаровская государственная академия экономики и права

Изучение территориального (или шире — пространственного) поведения человека уже в течение нескольких десятилетий успешно ведется в рамках таких научных направлений, как проксемика, поведенческая география и экологическая психология. При этом предметом их изучения является преимущественно направление движения и расстояние, в то время как для региональных сообществ не меньшее значение имеет и знание специфики иных форм их территориального поведения, прежде всего, социально-экономического и политического. Исследование данных форм территориального поведения социальных субъектов (индивидов, фирм, территориальных общностей) началось лишь в 2000-е годы в рамках социологии региона¹. Уже на первом этапе исследования это позволило обнаружить сущностную связь между человеком, группой, обществом и той территорией, на которой они проживают; понять, как особенности территории влияют на коллективную психологию и социальное поведение людей, в частности, их социально-экономическое поведение; перейти от макроэкономических и макросоциальных исследований регионов на личностный уровень и благодаря этому обнаружить латентные причины проблем социально-экономического развития краев, областей, городов и сел России; получить инструментарий эффективного воздействия на региональную общность с целью оптимизации условий ее жизнедеятельности.

Вместе с тем, остаются трудности в верификации показателей, позволяющих сравнивать территориальные (региональные) общности и на основании сравнений давать научно обоснованный экономико-социологический анализ их текущего состояния и прогноз развития. Один из возможных путей преодоления — разработка индексов социально-экономического и политического развития регионов. Это направление исследований имеет определенную традицию. Так, в частности, важная роль сегодня принадлежит расчёту комплексного индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), динамика которого отслеживается по всем регионам России, начиная с 1997 г.²

Концепция развития человеческого потенциала (human development) была разработана группой экспертов Программы развития ООН ещё в начале 1990-х годов. В отличие от ставших традиционными макроэкономических показателей государственного и регионального развития, в её основу положили критерии развития человека: продолжительность жизни,

¹ См.: Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92; Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006; Завалишин А.Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ). М.: Изд-во РУДН, 2008 и др.

² Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы // <http://atlas.socpol.ru/indexes/index.shtml>

уровень образования и размер дохода. Человеческое развитие стало рассматриваться как цель и критерий общественного прогресса, а не средство для экономического роста регионов и государств. Диапазон изменения ИРЧП — от 0 до 1. Порогом высокого уровня развития человеческого потенциала в настоящее время считается значение 0,800 (ИРЧП России по состоянию на 2006 г. составил 0,805).

Однако при всём значении данного показателя, его расчёт по регионам РФ, как отмечают эксперты, имеет ряд очевидных дефектов. Самый серьёзный — невысокая достоверность достигнутого объёма ВРП, особенно в регионах с высокой долей теневой экономики и во внутренних офшорах. Другая проблема, которая в принципе не имеет решения (поскольку регионы — более открытые экономические системы, чем государства), связана с тем, что в регионах производство и потребление сильно различаются, так как значительная часть произведённого ВРП (и при этом разная по регионам) перераспределяется государством. Вследствие того, что в региональных индексах измеряется производство ВРП, а не потребление, тем самым искажается реальное экономическое положение населения (особенно это характерно для регионов с высокой долей добывающих отраслей — Республики Саха (Якутии), Сахалинской области, Тюменской области и др.). Третье трудно устранимое искажение — формально заниженные показатели образования пристоличных областей (Московской и Ленинградской), поскольку значительная часть молодёжи этих регионов получает профессиональное образование в Москве и Санкт-Петербурге, и, соответственно, рейтинги этих регионов по уровню ИРЧП также оказываются необоснованно заниженными.

При всём этом, значение индексов динамики уровня развития человеческого потенциала для комплексной оценки регионов и, в частности, территориального поведения региональных общностей, очень велико. Как показали сравнительные исследования, в первой половине 2000-х гг. практически во всех регионах России (за исключением Чукотского АО) произошёл рост ИРЧП (иногда значительный). Связано это было как с объективными позитивными переменами в них (увеличение объёмов ВРП, рост продолжительности жизни, реальных доходов населения), так и формальными административно-политическими преобразованиями, фактически, никак не сказавшимися на развитии человеческого потенциала в регионах (изменение налогового режима, перенос юридических адресов ряда крупнейших компаний и т.п.). Основной вклад в рост ИРЧП российских регионов в 2000-х гг. внесли два фактора: (1) увеличение дохода, измеряемого душевым ВРП по паритету покупательной способности (ППС), непосредственно связанный с динамикой территориального поведения региональных общностей, и (2) рост ожидаемой продолжительности жизни во всех регионах страны.

Данную проблему, также как очевидное несовершенство статистических методов для анализа и оценки территориального поведения социального субъекта, в значительной степени позволяет элиминировать расчет социологических индексов территориального поведения социально-территориальной общности, позволяющих производить количественное сравнение качественных различий форм и проявлений территориального социально-экономического и политического поведения. Выведение и расчет индексов предполагает соблюдение ряда важных требований, эксплицированных, в частности, в работе украинских исследователей Е.И. Головахи, Н.В. Паниной и Н.В. Горбачика: универсальности, интегральности, качественности, стандартизованности, чувствительности, компактности и объективности¹.

Рассмотрим учет данных принципов на примере полученных нами индексов территориального поведения социально-территориальных общностей городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре (2009 г., массовый анкетный опрос населения двух городов, n = 951, выборка репрезентативная по полу, возрасту и основным социальным стратам, случайная на последней стадии отбора единиц опроса; погрешность не превышает 5 %).

¹ Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик Н.В. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: 4М. 1998. № 10. С. 46–70.

*Индекс социальных настроений (ИСН)*¹. Вопрос анкеты для расчета индекса: «Вас удовлетворяет современная экономическая (политическая) ситуация в России (Вашем регионе)?» Варианты ответа: а) Да; б) Нет; в) Не знаю. Индекс рассчитывается по формуле

$$\text{ИСН} = a - b + 100$$

и имеет интервал значений от «0» — все не удовлетворены — до «200» — все удовлетворены. По состоянию на апрель 2009 г. значения ИСН для СТО Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре составили, соответственно, 120 и 98 (при среднем значении по России 102). При этом у данного индекса есть один существенный недостаток — низкая чувствительность к абсолютным значениям базовых показателей (см. табл. 1).

Таблица 1

а	б	ИСН
20	10	110
50	40	110

Можно предложить усовершенствованную формулу для расчета данного индекса, учитывающую, помимо вариантов ответов «а» – «б» еще и «в». При этом чувствительность индекса существенно возрастает (см. табл. 2):

$$\text{ИСН}^* = \frac{a - b}{100 - v} * 100 + 100$$

Таблица 2

а	б	в	ИСН
20	10	70	133
30	20	50	120
40	30	30	114
50	40	10	111

Разработанный нами *индекс территориального соответствия/несоответствия* (ИТСН) рассчитан на основании вопроса анкеты: «Отличаются жители Вашей территории от жителей других территорий?» Варианты ответов: Жители моей местности: а) скорее лучше, б) скорее хуже, в) ничем не отличаются, г) затрудняюсь ответить. Формула расчета:

$$\text{ИТСН} = \frac{v - (a + b)}{100 - z}$$

Интервал значений: от –1 (абсолютно разные) до +1 (совершенно идентичные). Результат представлен в табл. 3.

Таблица 3

Поселения	Варианты ответов				ИТСН
	а	б	в	г	
Хабаровск	23,5	8,6	35,9	32,0	0,056
Комсомольск	24,3	12,0	40,0	23,7	0,048

Индекс территориальных рефлексий (ИТР) рассчитан на основании ответов на тот же вопрос анкеты по формуле:

$$\text{ИТР} = a - b,$$

где положительные значения индекса свидетельствуют об ощущении некоего превосходства данной территориальной общности над жителями соседних территорий и являются фактором, понижающим миграционные ожидания, отрицательные значения могут фиксировать чувство территориальной депривации и побуждать людей к переезду на более благоприятную территорию. Результат расчета индекса ИТР в 2009 г. по СТО Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре представлен в табл. 4.

¹ Индекс социальных настроений разработан в Аналитической службе ВЦИОМ (см.: Динамика Индекса Социальных настроений (ИСН) и его компонент // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады // <http://www.levada.ru/press/2008121801.html>).

Таблица 4

Поселения	Скорее лучше	Скорее хуже	Не отличаются	Затрудняюсь ответить	ИТСН	ИТР
Хабаровск	23,5	8,6	35,9	32,0	0,056	14,9
Комсомольск	24,3	12,0	40,0	23,7	0,048	12,3

Подобным же образом нами были получены и другие индексы: *индекс территориальной рефлексии* (ИТР), определяемый как разность долей респондентов, считающих жителей своей территорий «лучше» и «хуже». Положительные значения индекса свидетельствуют об ощущении некоего превосходства данной региональной (территориальной) общности над жителями соседних территорий и являются фактором, понижающим миграционные ожидания, отрицательные значения могут фиксировать чувство территориальной депривации и побуждать людей к переезду на более благоприятную территорию. *Индекс территориального соперничества* (ИТС) рассчитывается как частное от деления на 100 разности долей респондентов, ответивших «да» или «нет» на вопрос: «Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны жителей близлежащих территорий?» (интервал значений: от –1 (нет никакого давления, абсолютное превосходство моей региональной общности над соседними) до 1 (полная зависимость, острое чувство депривации)). *Индекс миграционных ожиданий* (ИМО) рассчитывается по формуле:

$$\text{ИМО} = \frac{(a + b) - (c + d)}{100 - f}$$

где а — доля респондентов, ответивших на вопрос о желании переехать в другой регион России или за рубеж «безусловно, да»; b — «скорее, да»; с — «безусловно, нет», d — «скорее, нет», f — «затрудняюсь ответить». Интервал значений колеблется от –1 (полное нежелание менять место жительства) до 1 (стремление уехать во что бы то ни стало).

Эвристическая ценность социологического анализа территориального поведения региональной общности с использованием данных индексов для социологии региона и практики регионального управления очевидна. Они позволяют, во-первых, произвести экономико-социологический и социально-политический анализ региона на основании специфического «человеческого» измерения, позволяя, таким образом, получить важные данные, недоступные другим, широко распространенным методикам (прежде всего, макроэкономическим и макросоциальным); во-вторых, дают возможность количественного расчета качественных различий паттернов территориального поведения региональных общностей, что позволяет значительно повысить уровень объективности получаемых результатов; в-третьих, дают возможность выявления и постановки диагноза латентных проблем развития региона, выработки научно обоснованных рекомендаций по их преодолению; в-четвертых, позволяют прогнозировать эволюцию региона и региональной стратификации государства (макрорегиона) на перспективу от нескольких лет до десятилетий. В этом смысле они становятся важным дополнением к ныне используемым и уже зарекомендовавшим себя методам социально-экономического анализа, применяемым в экономике и социологии.

Использование когнитивной ориентации при измерении социальной установки студента вуза на профессиональную мотивацию

Зайцева Ольга Игоревна
Северо-западный филиал МГЭИ

В научной литературе имеется целый ряд теоретических и практических построений социальной установки. Отечественные и зарубежные ученые вот уже несколько десятилетий трудятся над проблемой анализа этого многомерного конструкта. Социологи и социальные психологи предлагают различные методики замера этого механизма взаимодействия личности с социальной средой. Однако по сей день, ни универсальная теоретическая, ни универ-

сальная статистическая процедура обследования социальной установки разработаны не были. Причины такого положения дел кроются на наш взгляд в следующем:

- 1) отсутствует модель социальной установки, состоящая из упорядоченных и взаимосвязанных компонентов;
- 2) при попытке разработать теоретическую модель социальной установки авторы ограничиваются изучением таких авторских позиций, которые не позволяют им использовать все компоненты социальной установки;
- 3) при обследовании социальной установки используются классические, но устаревшие методики её измерения;
- 4) в ходе интерпретации результатов обследования социальной установки исследователи указывают определяющее положение одного-двух её компонентов;
- 5) зарубежные исследователи используют категорию установки как категорию тождественную социальной установке, при этом описывая компоненты последней.

В статье описывается проведенная автором экспериментальная работа по преодолению указанных трудностей, проведен анализ взглядов на природу установки и социальной установки, представлены систематизированные определения социальной установки с позиции её упорядоченных и взаимосвязанных компонентов, проанализированы классические подходы к изучению социальной установки, показана апробированная циклическая модель социальной установки, предложена новая методика сбора и обработки информации о состоянии социальной установки.

Действенное управление различными видами социальной активности людей становится возможно только на основе четких, научно обоснованных знаний механизмов функционирования социальных установок¹. Социальные установки стали стимулом в процессе достижения человеком цели. Педагогическая деятельность, основанная на знании социальных установок и использовании этих тонких механизмов на сознании своих учеников, приведет к более значительным результатам в профессиональной деятельности².

Установка — это психофизиологическая готовность организма к усилиям и напряжению доступного ему уровня³. Ш.А. Надирашвили отмечает, что установка представляет собой психологическую основу поведения⁴. Установка, по мнению А.А. Девяткина, формируется на базе встречи потребности и возможности⁵. Как указывают Д.Н. Узнадзе и С.К. Рощин, установка является неосознанным компонентом социальной установки, другими словами имеет бессознательный характер. По мнению П.Н. Шихирева и А.Г. Асмолова, установка первична. Причем, как указывает, А.Г. Асмолов установка демонстрирует свою первичность в условиях деятельности⁶. Ш.А. Надирашвили уточняет, что установочная активность является первичной по сравнению с аттитудной. Д.Н. Узнадзе отмечает, что установка — это практическое поведение, а практическая активность определяется на уровне установочной психической активности⁷.

П.Н. Шихирев отмечает фиксированность социальной установки, что обусловлено, по его мнению, предметностью содержания социальной установки. Социальная установка представляет собой отношение к отношению, зафиксированное в знаковой форме. Здесь, отмечает А.А. Девяткин, знаковость социальной установки — это одно из средств ее выражения, а не средство ее формирования. Социальная установка обладает способностью к объектива-

¹ Чарквиани Д.Л. Мотивационные и структурные характеристики социальных установок. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

² Бегидова С.Н., Иоакимиди, Ю.А., Сельмидис, Л.Ф. Педагогическая установка в профессиональной подготовке специалиста по физической культуре и спорту: детерминанты, процесс, условия. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2006.

³ Социальная психология / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: ПЕР СЭ, 2002.

⁴ Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 68.

⁵ Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград: КГУ, 1999.

⁶ Асмолов А.Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее // Вероятностное прогнозирование в деятельности. М.: Наука, 1977. С. 60–111.

⁷ Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.

ции. Д.Н. Узнадзе замечает, что объективация происходит на уровне познавательной активности. По мнению А.А. Девяткина, объективация, как способность социальной установки, — это теоретическое поведение, которое служит для решения задач (их решение не может быть найдено на уровне практического поведения). Структурным элементом социальной установки является аттитюд. Например, А.А. Девяткин отмечает, что аттитюд является в той или иной мере осознанной частью социальной установки. Аттитюд зависит от прошлого опыта и научения. По мнению Ш.А. Надирашвили, аттитюдный компонент состоит из когнитивного и эмоционального компонентов и является вторичным. Также А.А. Девяткин и В.П. Шихирев отмечают, что уровень аттитюда может рассматриваться как второй уровень социальной установки. На третьем уровне — тенденции к действию — установочные факторы еще более ослабевают, уступая место факторам влияния внешней среды. Таким образом, установка является компонентом социальной установки, или другими словами подуровнем, который начинает свою работу первым и становится основой функционирования аттитюдного (эмоционального, когнитивного) и поведенческого подуровня (компонента). Каждый из этих компонентов при описании природы социальной установки определяется авторами по-разному. Рассмотрим их определения на основании выделения трех компонентов социальной установки: установки, аттитюдного компонента и поведенческого компонента.

Установка является компонентом социальной установки, или, другими словами, подуровнем, который начинает свою работу первым и становится основой функционирования аттитюдного и поведенческого подуровня (компонента). Каждый из этих компонентов при описании природы социальной установки определяется авторами по-разному. Одни авторы (Д.Н. Узнадзе, Ф.Х. Оллпорт, А.Г. Асмолов, О.Л. Зангвилл, К. Халл, К. Коффка, А. Лачинс) определяют установку как психофизиологическую реакцию организма, проявляющейся на основании потребностей и возможностей. Другие авторы (Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, Д. Кац) определяют социальную установку через аттитюдный компонент (когниции и эмоции). Также при определении социальной установки авторы (Л. Терстоун, А. Пратканис и А. Гринвальд, У. Томас и Ф. Знанецкий, Л. Дуб, Ч. Осгуд, И. Сарнофф, Л.И. Божович) используют эмоциональный компонент (аттитюд) и категорию действий (поведенческий компонент, третий уровень). Отдельные авторы (С. Аш, А.Н. Леонтьев), описывая социальную установку, в своих определениях используют когниции (аттитюдный компонент, второй уровень) и категорию действий поведенческий компонент, третий уровень). Социальная установка определяется (Д. Майерс, Д. Креч, Р.С. Крачфильд и Е.Д. Баллачи, П.Н. Шихирев) через аттитюдный компонент (второй уровень) и поведенческий компонент (третий уровень). При описании сущности социальной установки авторами (Г.В. Оллпорт, М.Б. Смит, Д.С. Брунер и Р.В. Уайт, К. Левин, Д. Мак-Фарленд, И.Н. Мясичев) используется поведенческий компонент (третий уровень). Следовательно, необходимо дополнить структурные компоненты социальной установки, представленные на основе изучения взглядов Д.Н. Узнадзе, В.П. Шихирева, Ш.А. Надирашвили, С.К. Рощина и А.А. Девяткина, добавив к аттитюдному компоненту (второй уровень социальной установки) оценочное отношение (Рис. 1). Тогда социальная установка — это механизм функционирования установочного, эмоционально-оценочного, когнитивного и поведенческого компонентов формирующихся у

субъекта деятельности в процессе взаимодействия личности и социальной среды.

Для изучения социальной установки как механизма формирования профессиональной мотивации студентов необходимо воспользоваться основными положениями подходов, в рамках которых не только описываются носители социальной установки, но и обосновывается проблемное поле ее образования. В процессе формирования профессиональной мотивации с помощью механизма социальной установки непосредственно участвуют сами студенты, однокурсники и опосредованное участие принимают действующие специалисты, кото-

Рис. 1. Структура социальной установки

рые своей деятельностью демонстрируют реальное использование профессиональных мотивов. Студент, являющийся носителем определенных профессиональных мотивов, в рамках интеракционизма обозначается как субъект (Дж.Г. Мид), когнитивистами рассматривается как индивид (Ф. Хайдер), как воспринимающий субъект (Т. Ньюком) и как реципиент (Ч. Осгуд и П. Танненбаум). Представление о свойствах профессиональных мотивов складывается у студента относительно однокурсников, которые также являются их носителями. Однокурсники студента в рамках интеракционизма обозначаются как другое лицо (Дж.Г. Мид), в рамках когнитивизма как другой индивид (Ф. Хайдер), как другая личность (Т. Ньюком), как коммуникатор (Ч. Осгуд и П. Танненбаум). Использование профессиональных мотивов в практической деятельности, а значит иллюстрацию поведенческого уровня социальной установки, демонстрируют реальные специалисты. В рамках интеракционизма реальные специалисты обозначаются как объект установки (Дж.Г. Мид), в рамках бихевиоризма как точный социальный объект (Дефлер и Уэсти), в рамках когнитивизма как событие или объект (Ф. Хайдер), к которому имеют отношения и субъект и другой (Т. Ньюком), информация о каком-либо объекте предоставляемая коммуникатором реципиенту (Ч. Осгуд и П. Танненбаум).

Каждое из направлений позволяет рассматривать процессы взаимовлияния носителей социальной установки на профессиональный мотив. Например, К. Ховланд отмечает, что изменение аттитюда возможно также лишь при условии «включения» социальных факторов (бихевиоризм). По мнению Дж.Г. Мида, наши установки на объекты, на «других» и на себя порождаются и поддерживаются социальными факторами. Наша симпатия или антипатия по отношению к другим и к самим себе — все это возникает из нашего общения с другими и из нашей способности видеть мир их глазами. Иными словами, установки развиваются путем «интернализации» установок других (интеракционизм)¹. Ф. Хайдер отмечает, что отношения связывают между собой всех участников взаимодействия (воспринимающий субъект, другой, объект), причем картина взаимодействия рисуется только с точки зрения ее представленности в когнитивном поле воспринимающего субъекта. Важным моментом теории Хайдера является то, что аттитюд может меняться в результате определенных действий индивида². По мнению Л. Фестингера, в социальном мире (в отличие от физического) невозможно проверить мнение эмпирически, существует только один способ верификации — социальное согласие, консенсус. Но он возможен только тогда, когда люди могут сопоставлять свои взгляды и мнения с мнениями других людей. Сравнение становится устойчивым, когда нечто сравнивают с близкими мнениями, на которые личность ориентируется. Т. Ньюком описывает, когда индивид приобретает новых друзей, которые могут предлагать аттитюды, отличные от тех, которых он ранее придерживался, но консистентные с новой информацией, он с готовностью пересматривает старые убеждения и принимает аттитюды, предлагаемые своим новым окружением. Может даже возникать ситуация, когда индивид занимает позиции, противоположные прежним³. Ч. Осгуд и П. Танненбаум указывают, что если реципиент позитивно оценивает коммуникатора, который дает позитивную оценку какому-то явлению, которое сам реципиент оценивает негативно, то в когнитивной структуре этого реципиента возникает ситуация неконгруэнтности (когнитивизм).

Носители социальной установки оказывают такое влияние друг на друга, которое отражается в социальной установке студента на профессиональный мотив. Другими словами, профессиональный мотив находится под влиянием «объектов» (специалистов) и «других» (однокурсников). Представители когнитивистского направления используют понятие «баланса» («консонанса»), демонстрирующего процедуру изменения социальных установок, которая может использоваться в экспериментальной работе по формированию профессиональной мотивации с помощью использования социальной установки. Например, Ф. Хайдер отмеча-

¹ Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. №5. С. 39–48.

² Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 100–107.

³ Там же. С. 107–111.

ет, что балансное состояние между двумя элементами (носителями социальной установки) существует тогда, когда взаимоотношения между ними положительные (или отрицательные) во всех отношениях. Балансное состояние между тремя элементами сохраняется, если все три элемента взаимодействуют положительно во всех отношениях или когда существует два негативных и одно позитивное отношение. Хайдер называет когнитивную структуру воспринимающего субъекта сбалансированной, если в ней позитивные отношения транзитивны, а негативные — нетранзитивны. Л. Фестингер предлагает использовать термин не «противоречие», а «диссонанс», термин «согласованность» заменить на термин «консонанс». Т. Ньюком указывает, что в ходе взаимодействия между участниками может возникать консонансные и диссонансные отношения. Если два носителя социальной установки позитивно воспринимают друг друга и строят отношение к третьему, то они имеют тенденцию развивать сходные ориентации. По мнению Ч. Осгуда и П. Танненбаума, дисбаланс в когнитивной структуре реципиента зависит не только от общего знака отношения реципиента к коммуникатору и коммуникатора к информации об объекте, но и интенсивности этого отношения.

Таким образом, информация о трех носителях социальной установки в отношении профессиональных мотивов способна вызвать дисбаланс когнитивной структуры студента, в случае, если он воспринимает информацию о различиях или низком уровне развития одного или всех трех типов информации о профессиональных мотивах. Это обстоятельство позволяет актуализировать в сознании студента желание избавиться от дисбаланса. Как показывают В. Строб и М. Дайхл, испытуемые будут мотивированы прилагать значительно более когнитивное усилие для того, чтобы оправдать свои действия, если это контрустановочное, а не проустановочное поведение¹. Поэтому в ходе сбора информации о состоянии профессиональной мотивации необходимо изучить социальную установку студента на свои профессиональные мотивы, социальную установку студента на профессиональные мотивы и однокурсников, и реальных специалистов. Полученная информация может быть охарактеризована в терминах нетранзитивности социальной установки на профессиональные мотивы, а затем в ходе экспериментальной работы переведена в состояние транзитивности, свидетельствующем об улучшении характеристик профессиональной мотивации студента. В подтверждении описанного плана экспериментальной работы Игли и Чейкен описывают следующую гипотетическую конструкцию изучения социальной установки. Необходимо провести измерение стимулов, которые, по мнению авторов, означают установку. На основе применения стимулов в виде эмоционально-оценочного, когнитивного, поведенческого компонентов, необходимо оказать воздействие на социальную установку и провести констатирующее обследование когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих реакций². В ходе Йельских исследований (К. Ховланд) показана последовательность применения всех трех стимулов, позволяющих влиять на социальную установку в отношении профессиональных мотивов, а значит и возможность менять их характеристики. Следуя рекомендациям бихевиористов, улучшить характеристики профессиональной мотивации студентов можно с помощью воздействия на когнитивный и эмоционально-оценочный компоненты социальной установки на профессиональные мотивы, которые затем способствуют изменению и поведенческих намерений студентов.

Под профессиональной мотивацией студентов понимается процесс опредмечивания потребностей различного уровня стимулом внешней среды, представленном в виде социально-психологических условий, отвечающих за содержание и состояние набора профессиональных мотивов, которые как образуют психические свойства личности в виде профессионально важных качеств, так и формируются в учебной и внеучебной деятельности с целью осмысленного овладения будущей профессией³.

¹ Джоунас К., Штребе В. Принципы формирования установок и способы их измерения // Перспективы социальной психологии. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 292.

² Фрей Д., Штальберг Д. Установки: структура, измерение и функции // Перспективы социальной психологии. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 230.

³ Зайцева О.И. Стадиальные элементы мотивационного процесса как основа определения профессиональной мо-

Под стимулом внешней среды в виде социально-психологических условий деятельности понимается социальная установка, состоящая из установочного, когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов, которая используется профессорско-преподавательским составом в ходе учебной и внеучебной деятельности с целью формирования профессиональной мотивации студентов.

Экспериментальная работа позволяет описать социальную установку как механизм формирования профессиональной мотивации студентов в соответствии с завершенным циклом, который предполагает наличие у студентов установки (психофизиологической готовности

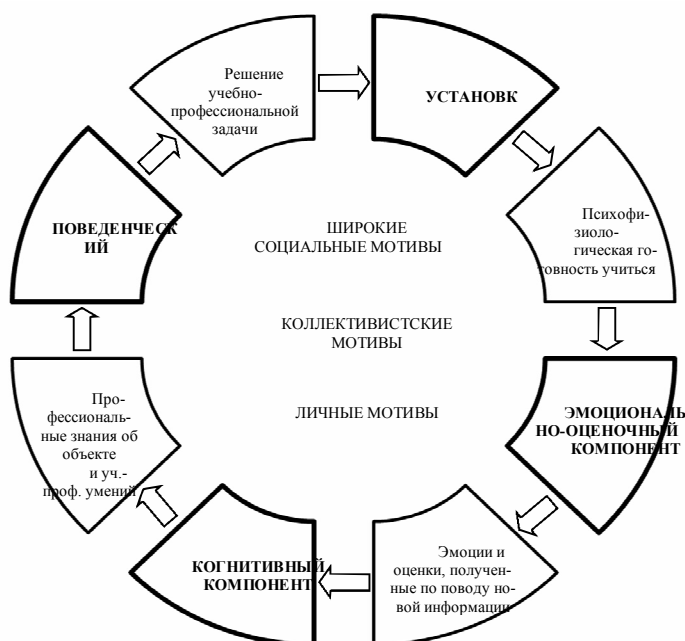

Рис. 2. Социальная установка как механизм формирования профессиональной мотивации студентов

учиться в выбранных условиях деятельности), состоит из когнитивного (профессиональные знания об объекте), эмоционально-оценочного компонента (эмоции и оценки, полученные по поводу новой информации) и поведенческого компонента (решение учебно-профессиональной задачи). Аудиторные занятия студентов состоят из одного или двух циклов функционирования социальной установки, каждый из которых начинается и завершается обсуждением эмоций и оценок по поводу новых знаний и умений. Поэтому срединное положение эмоционально-оценочного компонента, завершающего функционирование поведенческого компонента позволяет усовершенствовать схему

использования социальной установки как механизма формирования профессиональной мотивации студентов и преобразовать ее из пирамидальной диаграммы в циклическую диаграмму. В такую схему представляется возможным добавить три вида профессиональных мотивов (широкие социальные, коллективистские, личностные) актуализирующиеся с помощью работы механизма социальной установки (рис. 2).

Цель исследования: изучить состояние профессиональной мотивации студентов третьего курса специальности «Связи с общественностью» с помощью использования механизма социальной установки. **Эмпирический объект исследования:** студенты 3 курса специальности «Связи с общественностью» Северо-Западного филиала МГЭИ. **Предмет исследования:** социальная установка студентов на профессиональную мотивацию. **Основная гипотеза исследования:** если профессиональные мотивы студентов находятся в дисбалансном состоянии, то каждый из трех компонентов социальной установки равноценно отвечает за разбалансированное состояние¹.

Стержневым элементом профессиональной мотивации студентов является набор профессиональных мотивов, который классифицирован на основании групп мотивов, описываемом в диссертационном исследовании В.В. Богуславского. Широкие социальные мотивы, по мнению автора, ориентированы на общество и государство, коллективистские мотивы ориентированы на интересы коллектива, личные мотивы, отмечает В.В. Богуславский, имеют преимущественно личную значимость, но не противоречат интересам коллектива². В ходе

тивации студентов // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 11: Сер. Педагогические и психологические науки. С. 47–52.

¹ Установочный компонент социальной установки не будет замерен, т.к. он зависит от договорных обязательств студента и вуза, которые не являются предметом нашего исследования.

² Богуславский В.В. Мотивация учебной деятельности курсантов военно-учебных заведений. М: ВУ, 2001. С. 18–19.

анализ работ, посвященных профессиональной мотивации, выделены 19 профессиональных мотивов, относящихся к трем указанным группам.

Профессиональные мотивы студентов	баланс %	дисбаланс %	Ранг группы по дисбаланс- ным мотивам
1. Личные достижения связанные с удовлетворением материальных потребностей, полезных обществу	7	93	Широкие социальные мотивы
2. Личные достижения связанные с удовлетворением духовных потребностей, полезных обществу	15	85	
3. Гражданские мотивы	11	89	
4. Убежденность в соответствии коммуникативных способностей требованиям избранной профессии	48	52	Коллективист- ские мотивы
5. Убежденность в соответствии организаторских способностей требованиям избранной профессии	26	74	
6. Создание долговременных планов прогрессирования в профессии	30	70	
7. Мотив обмена знаниями с коллегами в процессе профессионального общения	15	85	
8. Мотив обмена опытом с коллегами в процессе профессионального общения	30	70	Личностные мотивы
9. Убежденность в соответствии творческих способностей требованиям избранной профессии	63	37	
10. Убежденность в соответствии умственных способностей требованиям избранной профессии	33	67	
11. Мотивы самосознания личностью своего соответствия выбранной профессии	59	41	
12. Желание заслужить уважение в коллективе	48	52	
13. Мотивы, детерминируемые специфическими условиями профессиональной деятельности: график и распорядок дня	11	89	
14. Мотивы, детерминируемые специфическими условиями профессиональной деятельности: служебные командировки	41	59	
15. Мотивы, детерминируемые специфическими условиями профессиональной деятельности: работать и самостоятельно и в подчинении	3	67	
16. Мотивы, детерминируемые возможностями последующего трудоустройства	22	78	
17. Мотивы, детерминируемые надежностью положения работника	59	41	
18. Чувство гордости профессией	22	78	
19. Мотивы, связанные с личной материальной заинтересованностью	78	22	

На основании операциональной модели эмпирического исследования разработан инструмент обследования социальной установки студентов на профессиональную мотивацию. Вопросы теста поделены на три основных блока, соответствующих трем группам: «Я», «Однокурсники», «Действующие специалисты». Каждый блок состоит из трех компонентов, фиксирующих структуру социальной установки студента: когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого (3 компонента). Каждому компоненту будут соответствовать три группы мотивов, включающих в себя 19 профессиональных мотивов. Каждый профессиональный мотив операционализирован с помощью 9 утверждений. На основе теории когнитивного баланса Хайдера и Фестингера, балансное состояние профессионального мотива будет фиксироваться альтернативой «да», и кодироваться символом «1», дисбалансное состояние профессионального мотива будет фиксироваться альтернативой «нет», и кодироваться символом «2». Балансное состояние будет соответствовать набору из трех кодов «1», «1», «1» или «1», «2», «2», дисбалансное состояние будет соответствовать следующим двум вариантам «1», «1», «2» или «2», «2», «2» (всего четыре варианта).

Перед составлением окончательного варианта инструментария была проведен пилотаж инструментария, а именно уточнены формулировки, последовательность вопросов, измерено время заполнения теста (от 50 минут до 1 часа), проведена диагностика процедуры ответов респондентов над каждым из суждений, и где выявлено, что респонденты осознанно отвечают на вопросы. В ходе обработки информации были выявлены мотивы, находящиеся в ба-

лансном и дисбалансном состоянии. Ниже представлена таблица 1 профессиональных мотивов, социальная установка на которые находится в балансном и дисбалансном состоянии.

Полученные данные свидетельствуют о том, что профессиональная мотивация студентов третьего курса специальности «Связи с общественностью» находится в кризисном состоянии, за которое как показывают результаты исследования, равноценно отвечает когнитивный (30 %), эмоционально-оценочный (38 %) и поведенческий (31 %) компоненты.

Подтверждение теоретической модели цикличного влияния социальной установки студентов на профессиональную мотивацию необходимо произвести с помощью экспериментальной работы, которая позволит зафиксировать измененное состояние, свидетельствующее о методологической обоснованности циклической модели социальной установки.

В декабре 2010 года при Северо-Западном филиале Московского гуманитарно-экономического института началась экспериментальная работа в «Конфликтологической лаборатории PR-специалиста». Аудиторные занятия разрабатываются с помощью циклического механизма социальной установки, который используется на занятии для каждого из 19 профессиональных мотивов.

Методологические аспекты исследования репродуктивного поведения

Калачикова Ольга Николаевна,
*Институт социально-экономического
развития территории РАН*

Целью изучения репродуктивного поведения в контексте депопуляции является поиск путей повышения рождаемости, так как второй фактор рождаемости – демографическая структура населения – имеет неблагоприятное воздействие и мало поддается внешнему влиянию. Исходя из задач исследования – оценки существующих тенденций и выявления факторов, их определяющих, – применяются статистические и социологические методы получения информации об изучаемом предмете. Использование социологических обследований населения не случайно. Поведенческая природа процессов, будь то социальных, экономических, политических и др. требует глубокого понимания причин и условий, их определяющих, что требует качественных методов исследования.

Статистически фиксируются достигнутые результаты репродуктивного поведения, позволяющие оценить уровень / распространенность того или иного его индикатора (малодетности, многодетности, абортов, использования контрацептивов). Данные, получаемые в ходе социологических исследований, во-первых, уточняют имеющиеся статистические данные (реальная распространенность абортов, учитывающая производство данной операции в частных клиниках, вне зависимости от места их производства), дополняют их (например, использование естественных методов планирования семьи), во-вторых, позволяют выявить взаимосвязи между поведенческими особенностями и социально-экономическими условиями и характеристиками населения и возможности управленческого воздействия (табл. 1). Таким образом, с помощью социологических методов, мы получаем не только количественные, но и качественные характеристики репродуктивного поведения.

Измерение репродуктивных установок, мотивов осуществляется с помощью специального инструментария в ходе выборочных обследований населения (анкетирования, интервьюирования). В соответствии с целью, объектом и предметом (гипотезой) исследования создается анкета / вопросник, в котором заложены индикативные элементы для оценки репродуктивных установок населения и условий, определяющих их формирование и реализацию.

В демографии получили распространение показатели, измеряющие когнитивный компонент репродуктивной установки: желаемое число детей, ожидаемое число детей, планируемое число детей. Идеальное число детей — это представление индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений. Желаемое число детей — это число детей, которое индивид предпочел иметь в своей семье, исходя из собственных склонностей, без учета конкретных обстоятельств жизни и индивиду-

альной биографии. Ожидаемое (планируемое) число детей — это число детей, которое респондент «планирует» иметь в своей семье к концу репродуктивного периода. Наиболее надёжен среди них показатель ожидаемого (планируемого) числа детей.

Таблица 1

Данные о репродуктивном поведении, получаемые из различных источников

Поведение	Официальная статистика	Социологические исследования
Собственно репродуктивное	Уровень рождаемости: абсолютное число рождений, общий, суммарный коэффициент рождаемости	Реальный и возможный уровень рождаемости: идеальное, желаемое и планируемое число детей; длительность прото- и интергенетических интервалов (когнитивный компонент репродуктивной установки). Зависимость детности от социально-экономических условий и демографических характеристик населения.
Абортивное	Уровень абортов: абсолютное число, число абортов на 100 родов / на 1000 женщин репродуктивного возраста, среднее число абортов на 1 женщину к концу репродуктивного периода.	Реальный уровень абортов: среднее число и кратность абортов. Распространенность положительных / негативных абортивных установок. Зависимость абортивного выбора от социально-экономических условий и демографических характеристик населения.
Контрацептивное	Распространенность использования медицинских контрацептивных средств	Распространенность, мотивация, проблемы использования всех видов контрацептивных средств. Зависимость контрацептивного выбора от социально-экономических условий и демографических характеристик населения.

Каждый тип репродуктивной мотивации представлен множеством конкретных мотивов, отображаемых при измерении их с помощью эмпирических референтов или индикаторов. Структура репродуктивной мотивации у отдельных людей неодинакова, но в основном она представляет собой иерархию мотивов, свойственную тем или иным историческим периодам, а в их пределах определенным странам, регионам, городам. В прошлом, когда преобладала потребность в многодетности и предпочтение отдавалось сыновьям, ведущими были экономические репродуктивные мотивы. Распространение потребности в малодетной семье уравнивало приемлемость для родителей и сыновей и дочерей, точнее, сына или дочери (установка на единственного ребёнка). Это значит, что рождение детей перестало зависеть от экономических мотивов и часто происходит вопреки им. В зонах малодетности рождение одного и двух детей связано прежде всего с психологическими мотивами. Изучение репродуктивной мотивации позволяет определить и усилить те мотивы, воздействие которых на данном этапе в большей мере способствует обеспечению потребностей общества в воспроизводстве населения.

Кроме того, выборочные обследования населения позволяют выявить особенности репродуктивного поведения, обусловленные территориальной спецификой (экономико-географическое положение, титульный этнос, религия и проч.), возрастными, статусными и др. особенностями или их отсутствие. Примерами таких исследований могут служить анкетные опросы студенческой молодежи, проведенные Т.А. Долбик-Воробей¹ в период с ноября 2001 года по апрель 2002 года в ряде московских вузов, А.И. Кузьминым на территории Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа в 2003 г.²; опросы населения репродуктивного возраста, например, в Новгородской области³, регулярные опросы различных групп населения, проводимых кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ, например: «Религия, семья, де-

¹ Долбик-Воробей Т.А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социс. 2003. №11.

² URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=246

³ Архангельский В.Н., Елизаров В. В., Зверева Н.В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация. М.: ТЕИС, 2005.

ти» (2003–2005)¹, ценностные ориентации учащейся молодежи на образ жизни, социальные установки к здоровью, браку и семье (2004), семейный образ жизни в сельской России (2005–2006), Семья с несколькими детьми (2006–2007)² и др.

Вологодская область — типичный по социокультурным, экономическим параметрам регион России³, что делает выводы, полученные в ходе исследований на ее территории, актуальными для России в целом. Исследование репродуктивного потенциала населения Вологодской области началось в 2004 г., были опрошены женщины с различным исходом беременности. В 2005, 2008 гг. проходило массовое анкетирование, которое в 2007 г. было дополнено интервьюированием брачующихся пар. Обследование женщин репродуктивного возраста совместно с Институтом здоровья семьи в рамках проекта «Мать и дитя» осуществлялось в 2006 и 2009 гг. В 2010 г. исследование репродуктивного поведения продолжено специальным обследованием студенческой молодежи, как наиболее лабильной социальной группы населения в активном репродуктивном возрасте. Было проведено групповое анкетирование студентов пяти высших учебных заведений гг. Вологда и Череповец (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика социологического исследования репродуктивного потенциала населения Вологодской области

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Характеристики респондентов (население в репродуктивном возрасте)	Женщины	Мужчины и женщины	Женщины	Мужчины и женщины / брачующиеся пары	Мужчины и женщины	Женщины	Студенческая молодежь
Объем выборки, чел.	500	1586	3137	1461/ 324	1536	3200	494
Метод	Раздаточное анкетирование и стандартизованное интервью						Групповое анкетирование

Тип выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения; квотирование по возрасту в соответствии с генеральной совокупностью. Вологодская область состоит из 26 административных районов и двух крупных городов (Вологда или Череповец). В нашей выборке участвуют гг. Вологда, Череповец и 8 районов Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекнинский. При проведении опросов в гг. Вологда и Череповец учитывается разделение их на избирательные округа (для равномерного распределения точек опроса по городу).

Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

- пропорций между городским и сельским населением;
- пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
- половозрастной структуры населения области.

Величина случайной ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5 %. Анкета содержит 50 вопросов по следующим направлениям:

- семья, планирование семьи (общие ценностные ориентации, матримониальные и собственно репродуктивные установки, факторы, влияющие на уровень рождаемости);
- репродуктивное здоровье и поведение (информированность в вопросах репродукции, abortивные установки);
- сексуальная активность (сексуальный дебют, контрацептивное поведение);

¹ URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=247#_ednref1

² URL: <http://www.socio.msu.ru/?s=main&p=chair-i>

³ Социокультурные аспекты развития территории / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Н.А. Окулова, Т.С. Соловьева. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009.

- социально-демографические характеристики респондентов.

Полученные результаты свидетельствуют о трансформации социальных норм детности: малодетность становится семейной традицией. При этом величина желаемого при всех благоприятных условиях числа детей превышает и идеальные представления и планируемую детность. Вероятно, население критично оценивает социально-экономическую ситуацию в стране, как в целом, так и для себя лично. Весьма значимую роль в формировании репродуктивных установок имеют брачные установки и состояние. Ведущими факторами, детерминирующими желаемую детность, являются материальные, особенно жилищные проблемы населения.

Информированность в вопросах репродукции достаточно высока (3,9 балла по 5-и балльной шкале, по самооценкам респондентов). При этом свои знания в области контрацепции с целью планирования семьи (профилактики абортов) применяют не достаточно эффективно. Подтверждением чему — сохранение высокого уровня и кратности, что еще более негативно, хирургического прерывания беременности (абортов).

Значимость подобных исследований заключается в том, что они позволяют дать точную оценку ситуации, дополняя официальную статистику и раскрывая частные аспекты репродуктивного поведения. Это обеспечивает эффективность базирующихся на них управленческих решений.

Изучение ценностей в ходе комплексных социологических исследований повседневной деятельности городских жителей

Караханова Татьяна Муртазаевна,
Бессокирная Галина Петровна,
Большакова Ольга Александровна,
Институт социологии РАН

На протяжении более 20 лет (1986–2008 гг.) сектором изучения повседневной деятельности и бюджета ИС РАН периодически исследовались во взаимосвязи условия жизнеобеспечения, реальное поведение (использование времени), а с 1990-х годов и ценности жизни городских жителей России¹. Это позволяло фиксировать изменения, происходящие в повседневной деятельности горожан в годы реформ, судить об их адаптации к меняющемуся обществе. В настоящих тезисах мы делимся опытом изучения ценностей жизни, который может пригодиться и другим исследователям, занимающимся ценностями не в качестве самостоятельного предмета, а в рамках комплексных социологических исследований. Очевидно, что дорогостоящие и трудоемкие методики изучения ценностей жизни (например, методики Г. Хофстеда или Ш. Шварца) не могут быть использованы широко в сложившихся условиях организации и проведения эмпирических исследований.

Методики сбора и анализа данных о ценностях жизни

Изучение ценностей жизни впервые было осуществлено нами на промышленном предприятии в 1990 году. Вопрос формулировался следующим образом: «Каждый человек из многообразных ценностей жизни определяет их значимость, исходя из своих потребностей и интересов. Какие из ниже перечисленных ценностей жизни представляют для Вас наибольшую значимость? (Подчеркните 2-3 варианта ответов)». Список ценностей состоял из 9 наименований. В ходе дальнейших исследований на промышленных предприятиях формулировка вопроса и список ценностей несколько варьировался, не меняя своей сути. Результаты уже были ранее опубликованы². В 2003 году мы добавили кроме вопроса «Какие из ценно-

¹ Перечень исследований и описание выборок см.: Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008) / Под общ. ред. Т.М. Карахановой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2010.

² Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П. Динамика основных ценностей повседневной деятельности и мотивов труда московских рабочих в 1990-е годы // Социол. исслед. 2003. № 5; Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П. Основные жизненные ценности, мотивы труда рабочих в период 1990–2003 гг. и их изменения // Ценности повсе-

стей жизни наиболее значимы для Вас?» и вопрос «В жизни человека имеют место, как правило, следующие занятия. Какие из них для Вас лично очень важные, а какие совсем не важные?». Нашей целью было выявление ценностей повседневной деятельности, которая в годы реформ является главным предметом изучения сектора. Использовалась 5-балльная шкала, и предусматривался вариант ответа «Затрудняюсь ответить».

Исследование ценностей жизни городского населения по территориальным выборкам началось в 1995 году (тогда в списке было всего 5 ценностей). В дальнейшем список ценностей увеличивался: в 1997/98 гг. до 13, в 2003/04 гг. до 16, а в 2007/08 гг. до 20. В анализе ценности жизни были выделены и объединены в три группы с учетом цели и задач наших исследований: условия жизнеобеспечения, группы видов повседневной деятельности и нормообразующие ценности¹.

При разработке инструментария нашего последнего исследования (2007/08 гг.), который включал опрос городского населения по территориальной выборке, опрос рабочих по месту работы и опрос студентов по месту учебы² возник ряд вопросов методического характера. Например, оказалось, что результаты международных сравнительных проектов изучения ценностей не только не совпадают, но даже в определенной мере противоречат друг другу. Так, по данным Всемирного исследования ценностей в течение 1990-х годов значимость работы для экономически активного населения России значительно возросла³. По результатам двух других международных сравнительных исследований значимость труда на предприятии, по сравнению с другими сторонами жизни, не только не выросла, но и несколько снизилась⁴. Наши исследования свидетельствуют о том, что даже в относительно стабильный период развития страны, значимость работы у городского работающего населения не увеличилась, а у рабочих промышленных предприятий продолжала снижаться⁵. Снижение ценности труда на предприятии связано с тем, что основная работа, являющаяся одним из наиболее важных видов повседневной деятельности рабочих, не позволяет им успешно адаптироваться в меняющемся обществе. Об этом свидетельствуют как объективные данные об условиях жизнеобеспечения рабочих и членов их семей, так и динамика оценок важнейших сторон повседневной жизни.

Мы включили в вопросник для рабочих вопросы о важности (значимости) ценностей повседневной деятельности из двух международных исследований («Повседневная деятельность включает различные занятия. Какие из них для Вас лично очень важные, а какие совсем не важные?» и «Каким занятиям Вы хотели бы уделять больше времени, чем сейчас, каким столько же, а каким гораздо меньше времени?» (1 – гораздо меньше, 2 – немного меньше, 3 – столько же, 4 – немного больше, 5 – гораздо больше). В таблице ответы на вопрос о желаемых изменениях представлены по схеме 4+5/1+2. В обоих случаях использовалась 5-балльная шкала, и предусматривался вариант ответа «Затрудняюсь ответить».

Выяснилось, что иерархия ценностей повседневной деятельности (всего их было 14) существенно различается при использовании того или другого вопроса (табл.).

Анализ показал рассогласование между включенностью в разные виды повседневной деятельности и оценками желаемых изменений в структуре бюджета времени, что является результатом адаптации к изменяющимся условиям социальной среды⁶. С нашей точки зрения, вопрос о

дневной деятельности горожан / Отв. ред. Т.М. Караханова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004.

¹ Караханова Т.М. Жизненные ценности городских жителей // Ценности повседневной деятельности горожан / Отв. ред. Т.М. Караханова. М.: ИС РАН, 2004.

² Изучение ценностей студентов было впервые осуществлено в 2002–2004 гг.

³ Магун В.С. Объективная значимость работы и ее динамика в 1990-е годы // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / Под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. М. МВШСЭН, 2004.

⁴ Хахулина Л.А. Труд в системе жизненных ориентаций российского населения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 5.

⁵ Бессокирная Г.П. Динамика ценности и мотивов труда рабочих (2003–2007 гг.) // Социс. 2010. № 2.

⁶ Караханова Т.М., Бессокирная Г.П. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008.

желаемых изменениях затрат времени на разные виды повседневной деятельности можно использовать только в качестве косвенного вопроса для выявления степени важности ценностей и в комплексе с вопросом, который задается во Всемирном исследовании ценностей.

Таблица

Ценности повседневной деятельности рабочих и желаемые изменения
в использовании времени, 2007/08 гг.

Ценности повседневной деятельности	Мужчины (n=143)		Женщины (n=165)	
	средний балл (ранг)	желаемые изменения, %	средний балл (ранг)	желаемые изменения, %
Основная работа	4,2 (1)	15,1/8,5	4,1 (3)	12,4/25,0
Уход за детьми и их воспитание	4,0 (3)	60,4/8,0	4,4 (1)	71,1/5,9
Общение с родственниками, знакомыми	4,1 (2)	58,5/5,9	4,3 (2)	66,7/2,1
Труд в домашнем хозяйстве	3,7 (6)	37,7/13,1	4,0(4)	46,1/19,7
Чтение	3,6 (7-8)	44,9/5,8	3,8 (5)	45,8/2,1
Просмотр телепередач	3,6 (7-8)	33,8/10,0	3,6 (7)	42,4/7,5
Посещение учреждений культуры и отдыха	3,5 (9)	58,4/4,1	3,7 (6)	63,6/3,9
Спорт и активный отдых	3,8 (4-5)	63,9/6,7	3,2 (10)	46,9/11,1
Непрофессиональное творчество и любительские занятия	3,2 (11)	44,7/8,5	3,5 (8)	50,9/5,7
Повышение уровня образования, квалификации, самообразование	3,4 (10)	45,0/12,7	3,3 (9)	43,1/9,8
Дополнительные приработки	3,8 (4-5)	64,2/8,4	3,0 (11)	41,2/16,7
Работа в саду, огороде	2,8 (12)	25,0/27,9	2,9 (12)	31,2/18,0
Общественная работа	2,5 (13)	16,4/26,0	2,4 (13-14)	8,3/29,6
Занятия, связанные с религиозной верой	1,8 (14)	6,8/44,1	2,4 (13-14)	15,1/21,2

В настоящее время особенностью нашего подхода к изучению ценностей жизни является применение различных техник обработки информации, полученной с помощью двух вопросов. Один из них — «Как бы Вы оценили степень значимости в Вашей повседневной жизни перечисленного ниже». Опрашиваемому предлагалась 5-членная шкала от «1» (Не имеет никакого значения) до «5» (Имеет самое большое значение). Второй — «Выберите из перечисленного выше только три позиции, представляющие для Вас наибольшую значимость (напишите)».

Результаты

Для ранжирования ценностей городских жителей были применены 3 техники. В первом случае ранг ценности определялся на основе разности между суммами долей вариантов ответов на первый вопрос, соответствующих значениям 4+5 и 1+2. Во втором случае ранг ценности определялся как средневзвешенный балл ее значимости. В третьем случае ранг ценности выявлялся в результате выбора респондентами трех самых главных для них ценностей. Сопоставление результатов ранжирования по трем техникам позволило выявить наиболее устойчивую первоочередную группу жизненных ценностей горожан. К ней относятся материальное благополучие; дети; физическое здоровье; брак, семья; личная безопасность и правопорядок; труд для заработка. Ядром же являются первые три из них, которое остается стабильным, что, безусловно, является интегрирующим фактором для дальнейшего развития российского общества. Наши данные совпадают с выводом Н.И. Лапина о том, что «процессы интеграции духовных ориентиров населения России и региональных сообществ существенно весомее их дифференциации»¹.

К ценностям, значимость которых усиливается по мере увеличения возраста, относятся: физическое здоровье, личная безопасность и правопорядок, питание, домашний труд, сельскохозяйственный труд, религиозная вера, религиозная деятельность. Ценности же, значи-

¹ Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социол. исслед. 2010. № 1.

мость которых понижается с увеличением возраста — уход за собой, познавательная деятельность, спорт и активный отдых, развлечения.

Значимость «деятельностного» списка ценностей для городских жителей существенно ниже, чем «условий жизнеобеспечения» (3,70 против 4,45 балла). Другими словами, уже на этом уровне выявлено весьма заметное рассогласование между значимостью продукта (условий жизнеобеспечения) и средства по его формированию (деятельности). В последние четыре года возрос рейтинг как группы ценностей под названием «условия жизнеобеспечения», так и ценностей «группы видов деятельности», но значимость вторых по-прежнему ниже, чем значимость первых. Можно говорить об имеющихся признаках ухудшения согласования между изменениями вербальных показателей значимости для городских жителей «деятельностной» группы ценностей и динамикой структурирования фонда времени. По нашему мнению, одним из основных факторов, влияющих на рассогласование между важностью тех или иных ценностей повседневной деятельности и использованием времени, являются неблагоприятные объективные условия жизнеобеспечения городских жителей, необходимость адаптироваться к меняющимся условиям труда и жизни. Рассогласование между ценностными ориентациями и их реальным поведением горожан препятствует их адаптации в меняющемся российском обществе. Однако даже в случае наличия согласования между ними, с нашей точки зрения, оно не всегда является критерием успеха адаптации. Например, снижение ценности детей, уменьшение затрат времени на уход за ними и их воспитание на определенных этапах развития российского общества привели к ухудшению репродуктивного поведения и в целом демографической ситуации в стране.

Взаимосвязи между религиозным самоопределением и отношением к различным нравственно-нормативным характеристикам поведения показывает, что существует дифференциация в оценках явлений повседневной жизни, условий жизнеобеспечения, видов повседневной деятельности и реального поведения (бюджет времени) в зависимости от того, как позиционирует себя человек по отношению к религиозной вере. Вместе с тем и называющие себя неверующими демонстрируют оценки, в большей или меньшей мере, лежащие в русле православной религиозной традиции и русской православной культуры. Нам представляется, что данный факт можно объяснить наличием особых «культуральных структур», под которыми Дж. Александер понимает «внутреннее, латентное, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых социальных смыслов социальной жизни»¹. Об этом свидетельствуют и результаты факторного анализа 20 ценностей жизни, которые объединились в 6 факторов: 1 – отвечающие за физическое восстановление, 2 – жизнесохраняющие, 3 – демовоспроизводственные, 4 – саморазвития, 5 – духовно-нравственные, 6 – домохозяйственные.

Для выявления значимости жизненных ценностей специалистов и рабочих употреблялись две техники. Одна из них – средневзвешенный балл, рассчитанный по ответам на первый вопрос. Другая – анализ распределения ценностей по трем позициям по результатам ответов на второй вопрос. Выяснилось, что ядро важнейших ценностей одинаково у специалистов и у рабочих: брак, семья, дети, материальное благополучие, труд для заработка, физическое здоровье. В обеих профессиональных группах растет доля лиц, состоящих в браке и имеющих детей до 18 лет. Практически не обнаружено гендерных различий в оценке значимости важнейших жизненных ценностей специалистов и рабочих. Социально-профессиональная принадлежность оказывает, по-видимому, большее влияние на ценности. При этом только значимость творческой деятельности преобладает у специалистов по сравнению с рабочими в обоих исследованиях. Другие статистически различающиеся жизненные ценности в двух исследованиях неодинаковы, но они в конце иерархии ценностей.

Динамика ценностей жизни у специалистов и у рабочих в 2003–2004 гг. имеет много общего. В обеих профессиональных группах наблюдался рост значимости таких ценностей как личная безопасность, правопорядок, права человека. Обе эти ценности вошли в группу наи-

¹ Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социол. исслед. 2010. № 5.

более значимых ценностей и у тех, и у других. Это, определенно, симптом ухудшения защищенности от посягательств на жизнь, имущество и т.д. Кроме того, у тех и других произошло снижение значимости физического здоровья, хотя данная ценность и остается в списке важнейших жизненных ценностей специалистов и рабочих.

Иерархия ценностей студентов сформировалась, исходя из средневзвешенного балла, рассчитанного по первому вопросу и доли опрошенных, выбравших в числе трех самых главных ту или иную ценность. Выявлена специфика иерархии жизненных ценностей студенческой молодежи. В 2000-е годы происходило изменение ценности учебной деятельности в сторону повышения ее значимости в повседневной деятельности студенчества. Оплачиваемая работа не замещает по своей значимости в повседневной деятельности учебу в вузе. Работа в системе ценностей повседневной жизни студентов продолжает играть второстепенную роль по отношению к учебной деятельности, как статусообразующей. Однако необходимость выкраивать время на работу отрицательно сказывается на посещаемости аудиторных занятий, прежде всего лекций, и на продолжительности самостоятельной учебы. Также есть основания считать, что и успеваемость работающих студентов снижается при режиме работы, характерном для полной занятости. Вместе с тем, возможно и положительное воздействие оплачиваемой работы на учебный процесс — в случае совпадения или приближенности характера и содержания труда студентов к их вузовской специализации. В таких случаях наличие работы, по всей видимости, играет важную роль в формировании профессионального уровня студентов и качества подготовки будущих специалистов. Вторичная занятость тогда выполняет функцию своего рода профессиональной стажировки.

Среди условий жизнеобеспечения студентов у такого их элемента как дети выявлен самый низкий показатель значимости. В целом же ценностные ориентации студенчества свидетельствуют о доминировании тех видов деятельности, которые направлены на поддержание физического здоровья (уход за собой, спорт и активный отдых, питание, сон). Религиозная деятельность, как деятельность особого рода, для студентов имеет большее значение, чем для городских жителей в среднем.

Особое внимание было уделено ценности занятий в свободное время. Были выявлены различия ценностных ориентаций современного студенчества и учащихся вузов 20 лет назад¹. Нужно подчеркнуть, что опрошенные студенты не стремятся использовать свое свободное время в случае его увеличения для подготовки к учебным занятиям в вузе, выполнения домашних заданий и т.п., как было 20 лет назад. Лидирующее положение в системе ценностных предпочтений сегодня занимают общение с друзьями, сон, пассивный отдых, дополнительное образование, занятия физкультурой и спортом.

Таким образом, изучение повседневной деятельности больших социальных групп горожан, в частности, работающего населения, специалистов, рабочих, студенческой молодежи, позволяет сделать вывод о том, что социальный статус, социально-профессиональная принадлежность являются ведущими факторами, определяющими специфику их условий жизнеобеспечения, использования времени и ценностных ориентаций представителей этих групп.

Выводы

Поставленная цель изучения механизма взаимосвязей условий жизнеобеспечения, реального поведения (использования времени) и ценностных ориентаций в определенной степени нами решена. Прослежена связь изменений условий жизнеобеспечения с изменением содержания повседневной деятельности и структурированием времяресурса. Представляется, что время, само по себе может рассматриваться в качестве одного из важнейших элементов условий жизнеобеспечения. Какие условия жизнеобеспечения, такие и содержание и структура повседневной деятельности. При этом из результативности использования времяресурса вытекает, во многом, результативность повседневной деятельности. Социальные субъекты, реагируя на сложившиеся условия жизнеобеспечения повседневной деятельностью определен-

¹ Для сравнения привлекались данные исследований в вузах СССР, проведенных под руководством Ю.И. Леоновича.

ного содержания и структуры, в свою очередь, сохраняют или формируют новые условия жизнеобеспечения. Важную роль в этом процессе играют, как традиционные ценности и ориентации людей, так и интернализация (или отторжение) ценностей, которые привносятся в российское общество в ходе политических и экономических реформ.

Наш опыт привлечения для изучения повседневной деятельности (наряду с данными бюджета времени, показателей условий жизнеобеспечения) и информации о ценностях, свидетельствует о том, что в массовых опросах можно ограничиться относительно простыми техниками. При этом для повышения качества информации о ценностях целесообразно использовать метод триангуляции (одновременное применение двух-трех техник обработки первичных данных). Представляется, что наиболее целесообразным сбор информации о важности (значимости) списка ценностей жизни по 5-балльной шкале, с последующим вычислением средневзвешенной оценки, а затем отбор трех наиболее важных из того же списка и рассмотрение их иерархии по трем позициям. Включение в анализ информации о ценностях горожан позволило, на наш взгляд, существенно расширить горизонты научного знания о повседневной деятельности городских жителей и ее трансформации в реформирующейся России.

Об анализе обращений граждан в органы власти (региональный аспект)

Карпенко Екатерина Викторовна,
Брянский филиал ОРАГС

Обращения граждан в органы власти можно рассматривать как форму обратной связи, составную часть коммуникативного цикла и средство влияния на решения, принимаемые властными структурами. Системная и целенаправленная работа с обращениями граждан — прямой путь к получению социально значимой информации, возможность предусмотреть потенциальные барьеры в отношениях «власть — общество», и, соответственно, наметить пути их преодоления. Если рассматривать обращения таким образом, то значимыми становятся не столько жалобы и заявления, указывающие на существующие проблемы и различные нарушения, сколько предложения, относящиеся к вопросам общественного значения. Такой подход позволяет выявить возможность использования обращений граждан не только как форму участия, но и инструмент влияния на решения властных структур.

Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» урегулирован порядок подачи обращений граждан в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам и их рассмотрения. При этом установленный законом порядок рассмотрения обращений распространяется на все обращения граждан, за исключением тех, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном иными федеральными законами.

Органы государственной власти и муниципалитеты России уже имеют методологию, системы и опыт рассмотрения (обработки) обращений граждан, соответствующий закон действует в России с 2006 г. Многие органы власти на своих сайтах имеют интернет-приёмные или общественные приёмные.

Аналитическая работа с обращениями граждан проводится структурными подразделениями региональных органов власти по методикам, разработанным достаточно давно и, как правило, сводится к распределению обращений по тематике. Традиционно анализ проводится по следующим показателям. В зависимости от темы поступившего обращения: Вопросы промышленности и строительства, агропромышленный комплекс, землепользование, жилищные вопросы, ЖКХ, в т.ч. газификация, образование, культура, здравоохранение, труд и заработная плата, социальное обеспечение, закон и правопорядок, о руководителях, телефонизация¹. При этом обращение, как правило, исполнителем относится к наиболее подходящей тематике. Интересно отметить, что зачастую рубрикаторы тематики обращений в различных орга-

¹ Официальный сайт Администрации Брянской области <http://www.bryanskobl.ru>

нах власти не во всём совпадают. Например, в областной Думе не выделяются вопросы землепользования и агропромышленного комплекса, культуры и здравоохранения и др. в свою очередь, в Думе рассматриваются вопросы пенсий, льгот, нарушений трудового законодательства. На наш взгляд, причин эму несколько. Во-первых, это вызвано тем, что традиционно граждане разделяют компетенции органов законодательной и исполнительной власти. Такие установки формирует и медиа-среда, больше рассказывающая о конкретных делах администрации области, нежели Думы. Во-вторых, отсутствует для органов власти очевидная необходимость в согласовании позиций, по которым проводится анализ обращений граждан. В-третьих, справочный характер информации, представляемый по итогам отчётных периодов, допускает отсутствие глубокого её анализа. В противном случае неизбежно встал бы вопрос о необходимости согласования позиций структурных подразделений, работающих с обращениями граждан.

Надо заметить, что вопросы подходов к анализу обращений граждан со всей очевидностью высветили ещё одну проблему. Ни в одной аналитической справке органов власти не приводится информация о том, с какими предложениями по социально значимым вопросам обращались граждане. Это заставляет сделать предположение о том, что либо с предложениями совсем не обращаются, либо их доля весьма незначительна, либо характер предложений не позволяет признать их важными.

Эвристическим потенциалом анализа обращений граждан, на наш взгляд, обладает сопряжение информации органов законодательной и исполнительной власти и муниципальных образований. Так, для сравнения: в Администрацию Брянской области из некоторых районов поступило значительно больше обращений, чем в соответствующие исполнительные органы муниципальных образований. Так, жители Суземского района в прошедшем году направили в адрес руководства области 104 обращения, руководителям же района поступило только 24 обращения. В то же время в городе Стародубе количество рассмотренных обращений на местном уровне значительно превышает количество обращений в адрес Администрации области: в 2009 году рассмотрены 2664 обращения жителей, а в адрес руководства области за этот же период поступили 102 обращения. Детальный анализ полученных данных позволит исследователю ответить на вопросы о причинах столь значительной разницы.

Органами власти детально раскрывается динамика обращений, в том числе и по месту жительства источника. Так за 2008–2009 гг. авторами 52 % корреспонденции явились жители сельской местности. В 2009 году они чаще, чем жители городов области, обращались по вопросам газификации, землепользования, культуры, работы руководителей местных органов власти. Эта тенденция прослеживается на протяжении последних 5 лет. Важным для анализа ситуации может оказаться сравнение количества обращений на одну тысячу населения по муниципальным образованиям и соотношение со среднеобластным. Например, в 2009 году на 1 тыс. жителей было 6,4 обращения (в 2008 г. 7,9 обращений), в то же время в 14 муниципальных образованиях данный показатель превышен. Интересно, что интервал находится в пределах от 2,7 обращений на тысячу жителей района до 10,6, причём от жителей областного центра поступило 3178 обращений, что составило 37,3% от общего количества.

В процессе анализа обращений граждан в органы власти необходимо учитывать, каким образом получена информация. Важным представляется направлена ли она по почте, по интернет-каналам (каким именно), по телефону доверия, доставлена лично или на приёме граждан руководителями. Существенным для исследователя может оказаться сопряжение количества жителей, побывавших на личном приёме у руководителя муниципального образования, и на приёме у руководителей региона. Так, в Брянской области обнародован факт, что на личном приёме у руководителей администрации области побывал каждый пятый житель одного из муниципальных образований.

Значимым является установление статистической зависимости изменения тематики обращений от показателей эффективности деятельности органов власти, поскольку в соответствии с методикой подготовки «Доклада о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и их планируемых значениях

на 3-летний период» анализ проводится по наиболее важным социальным проблемам. Встречное обращение исследователя к «Сводному докладу об эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов области» при осуществлении качественного анализа обращений граждан в органы власти позволит интерпретировать и объяснить эмпирические данные, сформулировать социальную проблему, стоящую за полученными данными. Кстати сказать, такого критерия эффективности, как количество и характер обращений граждан ни в одном, ни в другом документе нет.

Более того, в официальных документах нам не встретилось упоминание о том, что качество документов, предназначенных для регулирования отношений общество–власть или человек–власть, должно отвечать каким-либо определённым требованиям, и прежде всего требованию понятности и доступности понимания. В этой связи необходимо отметить, что такие характеристики деловой речи, как максимальная обезличенность, наличие смыслов, понятных только специалистам, подчас не только не отражают проблемы общества, но нередко имитируют их решение, а, значит, происходит концентрация внимания адресата лишь на формальном, номинальном аспекте информации. Это означает, что адресант (в нашем случае органы власти) используют возможности общественного дискурса для создания иллюзии реальности, суть которой определяется заданным адресатом набором ожиданий. В результате между субъектами коммуникации (общество–власть, человек–власть) в процессе общения создаётся не доверие, а только иллюзия доверительного общения, возникают коммуникативные барьеры. Очевидны и социальные последствия таких форм эксплуатации языка: многие термины существуют в отрыве от действительности, не способны служить средством адекватного описания социальной реальности: люди не понимают происходящего, не говорят на одном языке, наблюдается семантическая опустошённость языка, отсутствие, нарушение связи между языковым и контекстным уровнем.

Нередко коммуникативные барьеры обусловлены неполной эквивалентностью лексики коммуникантов, то есть ситуацией, когда одни и те же слова создают несовпадающие картины, формируемые в сознании коммуникантов, и неоднозначностью интерпретации языковых выражений. На это влияют и ролевые различия коммуникантов, инструментально-номинационные характеристики интерпретируемого текста, уровень осознания используемых в тексте клише. Сказанным объясняется и один из отрицательных эффектов смысловых различий — «смысловые ножницы», вызванные несовпадением смыслов в ходе коммуникации. При этом возникает неожиданный или нежелательный для коммуникатора результат общения. При диалоге же возникает «смысловой контакт», когда совмещаются «смысловые фокусы» (коммуникативные доминанты) порожденного и интерпретируемого текста¹. Обусловленные этим фактором барьеры отрицательно влияют на внутри- и межгрупповые связи, их наличие чревато серьёзными социальными последствиями, так как неадекватные интерпретации — это неверно истолкованные документы, принимаемые органами государственного управления, несогласованные действия, необоснованные решения, отсутствие взаимопонимания. Помимо этого, указанные барьеры связаны и с нарушением функции информативности текста в ходе социальной коммуникации. Анализ текстов региональных СМИ свидетельствует о том, что возникновение эффекта «смысловых ножниц» может происходить уже на стадии создания текста, когда наблюдается разрыв между основным коммуникативным намерением автора сообщения (письменного или устного) и способом реализации этого сообщения. Это предопределяет неправильность интерпретации текста, заведомо обрекает на неудачу стремление донести замысел до адресата. Подобный разрыв имеет место, если порядок возникновения в тексте тех или иных речевых единиц существенным образом отвлекает от восприятия замысла. Другой фактор, провоцирующий ситуацию «смысловых ножниц», возникает при несоответствии используемых в текстах средств языка языковым ресурсам, имеющимся в распоряжении адресата. Такими средствами могут быть: неизвестные и потому лишённые необходимых ассоциа-

¹ Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 149.

ций имена собственные, недоступные правильному пониманию адресата слова и выражения, превратившиеся в штампы сознания стереотипные речевые формулы.

Анализ региональных СМИ позволяет включить полученные данные в определённый социальный контекст. Даже не обращаясь к внетекстовой реальности, которую отражают и интерпретируют СМИ, исследователь может получить данные о работе с жителями региона, в частности, с их обращениями. Заметим, что количество обращений граждан в СМИ заметно снижается, не говоря уже о запросах последних во властные структуры по этим обращениям. Даже официальная информация, полученная из открытых источников, которых, к слову, становится всё больше, может позволить выявить связи и закономерности. Сопоставление с ранее установленными фактами, а также ссылки на сопутствующие данные помогают подкреплять (или опровергать) избранную исследователем интерпретационную схему.

Подобные исследования важны не только с точки зрения учёного. Они также важны и органам управления, поскольку, чем шире в социальную практику органов государственного управления будут включены массовые социальные оценки, тем более партнерским будет тип взаимодействия власти и публичной сферы.

Пространство религиозных идентичностей современного украинского студенчества

Кислова Ольга Николаевна
Николаевская Алла Михайловна
*Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина*

В большинстве постсоветских стран на фоне отсутствия единой национальной общегосударственной идеи все чаще возникает вопрос о поиске новой цивилизационной идентичности, ядром которой может стать религиозная идентичность, рассматриваемая как результат социокультурной идентификации субъекта с цивилизацией. Поэтому не случайно, что в последнее время тема возрождения духовности и нравственности тесно связывается исследователями с возвращением к религиозным ценностям, которые включают в себя положительный опыт многих поколений, предлагают образцы совершенных механизмов социализации, позволяя при этом сохранять культурную целостность и уникальность народа¹.

Наше стремление принадлежать к тому или иному социальному образованию, быть включенными в определенные социальные связи является едва ли не основным в системе собственно человеческих потребностей. Желание личности идентифицировать себя с определенной общностью значительно усиливается в условиях социальных изменений, нестабильности, в преддверии принципиально новых типов социального устройства и т.п., что актуализирует обращение к анализу проблем, связанных с процессами социальной идентификации. Сегодняшнюю ситуацию часто характеризуют как кризис идентичности, сравнивая ее с советским периодом, когда пространство возможных выборов ограничивалось преимущественно государственно-гражданской идентичностью, а круг социальных образований, которые были «центрами тяготения», насчитывал всего несколько субъектов (советский народ, профессиональная группа, в меньшей степени — национальная общность). Сегодня личность стоит перед выбором между большим количеством социальных образований, получает, с одной стороны, больше возможностей и свободы выбора, а с другой — ощущает трудности самоопределения. Исчезновение определенных социальных групп изменило традиционные

¹ Кислова О. М., Ніколаєвська А. М. Релігія як агент моральної соціалізації особистості: проблеми функціонування в сучасній Україні // Проблеми загальної та педагогічної психології. Збірник наукових праць інституту ім. Г. С. Костюка АПН України / За ред. С.Д. Максименка. Т. IX, част. 2. Київ, 2007; Ніколаєвська А. М. Релігія в системі морального виховання особистості в сучасній Україні // Українська освіта у світовому часопросторі: Матеріали Другого Міжнародного конгресу (м. Київ, 25–27 жовтня 2007 р.). К.: Українське агентство інформації та друку “Рада”, 2007. Кн. 1; Пірен М. Утвердження духовних цінностей громадянського суспільства і релігійна соціалізація особистості // Соціальна психологія. 2005. № 6; Суятінова Л. О. Вплив релігії на процес соціалізації особистості // Соціальна психологія. 2006. № 1 и др.

схемы и механизмы идентификации, усложнило процесс личностной самоидентификации, сделало его характер неопределенным и труднопредсказуемым.

В периоды кардинальных социальных трансформаций личность склонна, часто и не создавая этого, стихийно компенсировать потерю традиционных, укоренившихся идентичностей поиском и принятием новых, чтобы снова ощутить относительную стабильность, психологический комфорт и уверенность, удовлетворить «потребность в укоренении» и т.п. К категории таких относительно новых и относительно нетрадиционных для граждан постсоветских государств принадлежит религиозная самоидентификация, исследование которой приобретает особое значение. При этом также актуализируется проблема разработки инструментария, способного адекватно измерить характеристики, представляющие интерес в контексте исследования религиозного самоопределения.

Как известно, религиозная самоидентификация предполагает несколько этапов. Сначала человек самоопределяется как верующий или неверующий; далее необходима конфессиональная идентификация с выбором догматов и сознательного включения в систему религиозных отношений. Следующим уровнем для мирян является самоидентификация с религиозной общиной, участие в ее жизни, соблюдение норм повседневного поведения, что дает основания считать человека не просто религиозным или верующим, а «воцерковленным».

На наш взгляд, религиозную идентичность можно определить как статусно-ролевую характеристику личности, которая основывается на осознании человеком своего места в религиозном пространстве социума, а именно: непринятии (атеисты, неверующие) или принятии (религиозные, верующие) нормативно-ценностной компоненты избранной религиозной системы и связанных с ней поведенческих практик, а в дальнейшем (воцерковленные) – на интериоризации этой компоненты на фоне повседневного соблюдения требований относительно содержания поведенческих практик (в том числе, церковного этикета).

Украинские исследователи обращают внимание на постепенное уменьшение темпов привлечения к религии, на фактическую исчерпанность резерва стихийного обращения к ней: те, кто хотел, сделал это еще в 1990-х годах¹. Сегодня прирост численности верующих является незначительным (по некоторым данным, не больше 7 % в год), причем существенное число «новообращенных» — это молодежь, что и обусловило и наш интерес к вопросам религиозной идентичности студенческой молодежи.

Эмпирические данные, анализ которых представлен в данной публикации, были получены в ходе исследования «Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества», проведенного при участии авторов кафедрой социологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина в 2008–2009 гг. (опрошено 3058 студентов 33 украинских вузов; выборка репрезентативная по критериям курс обучения и профиль обучения; ошибка выборки не превышает 5 %). Для исследования религиозных идентичностей в анкету были заложены вопросы:

- «Считаете ли вы себя:…» (1. Верующим человеком; 2. Неверующим человеком; 3. Атеистом; 4. Трудно сказать);
- «Исповедуете ли Вы какое-либо религиозное вероучение?» (1. Да; 2. Нет, но занимаюсь духовными практиками; 3. Нет);
- «К какой религиозной конфессии Вы принадлежите?» (1. Православие; 2. Католицизм; 3. Протестантизм; 4. Иудаизм; 5. Ислам; 6. Буддизм; 7. Другое);
- а также вопросы, позволяющие отследить содержание и качество поведенческих религиозных практик респондентов и их видение роли религии в современном обществе.

Отметим, что сегодня иногда сложно бывает разграничить веру и неверие, религиозность и ее отсутствие, поскольку на постсоветском пространстве появилось множество течений и объединений (например, нью эйдж, йога, цигун, восточные единоборства и т.п.), которые не позиционируют себя как религиозные, но предполагают обращение к Высшему Разуму, При-

¹ Рязанова Л., Севекина О. Релігійні ідентифікації та практики / Соціокультурні ідентичності та практики / За ред. А. Ручки. К.: Ін-т соціол. НАНУ, 2000. С. 293–295.

роде и т.п. Люди, которые реализуют видение мира таким способом, обычно говорят, что они «занимаются духовными практиками», что побудило нас подкорректировать измерительный инструментарий с учетом этого контекста и включить в перечень альтернатив самоопределения в религиозном пространстве такую, как занятия духовными практиками.

Как свидетельствуют полученные данные, общий уровень религиозности респондентов является достаточно высоким: от трети опрошенных на юге и востоке Украины до 79 % в западном регионе. При этом следует обратить внимание на существенное отличие в численности тех, кто занимается «духовными практиками» - таких респондентов на западе оказалось в 2–2,5 раза меньше в сравнении с центральным и восточными регионами (рис. 1).

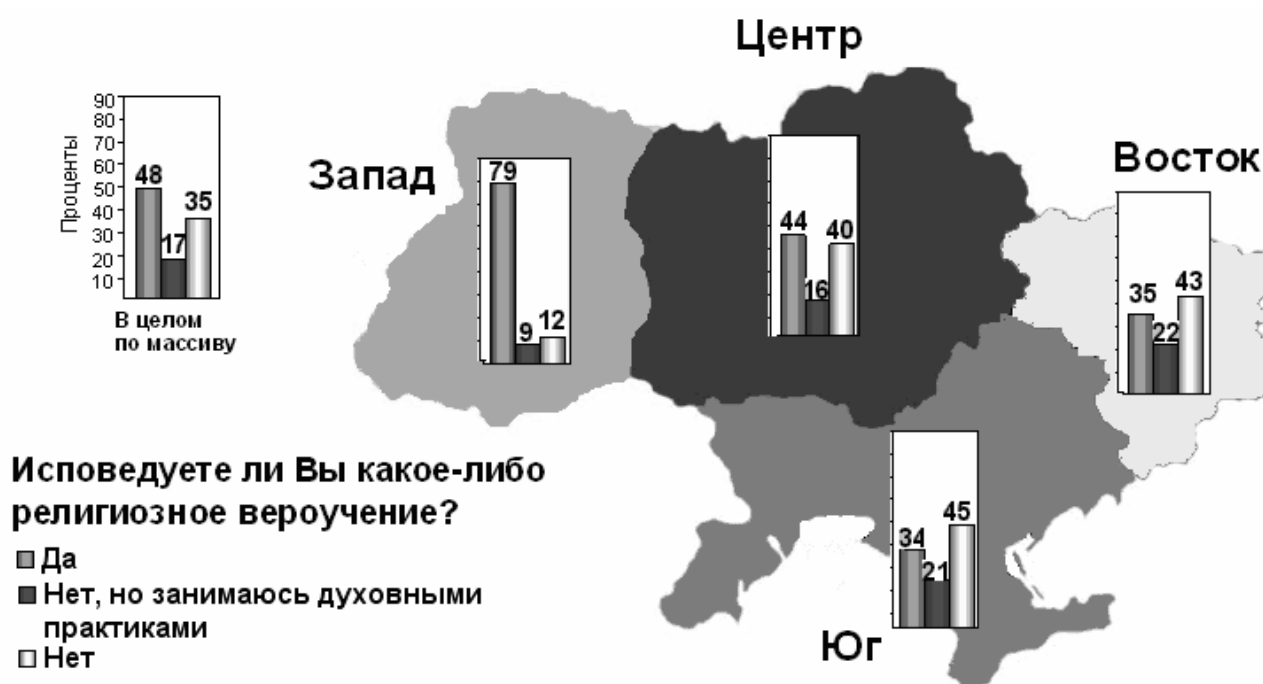

Рис. 1. Общий уровень религиозности студенчества Украины, % к ответившим.

Дальнейшие уточнения особенностей отношения молодежи к религии позволили представить более детальную картину вовлеченности респондентов в религиозную жизнь. Так, верующими считают себя почти две трети (65 %), неверующими и атеистами лишь 6 % и 5 % соответственно, почти четверть респондентов не смогла определиться с ответом. В то же время нельзя не отметить существенное отличие в самопозиционировании респондентов, представляющих разные регионы. Как и в предыдущем случае, существенно отличаются ответы студентов, проживающих на западе страны, в частности, здесь значительно больше верующих (рис. 2).

Характеризуя современную религиозную ситуацию, отечественные специалисты по проблемам социологии религии обращают внимание на ряд ее особенностей. Так, исследования в постсоветских странах свидетельствуют о наличии так называемого феномена «православных атеистов», суть которого заключается в том, что число респондентов, называющих себя, например, православными, превышает число тех, кто самоопределяется как «верующий». Это означает, что отнесение себя к православию имеет номинальный характер и не может считаться критерием религиозной идентичности, а является своего рода культурным и/или этнокультурным стереотипом. Для многих наших сограждан религия остается, прежде всего, элементом культуры, с которой они привыкли идентифицировать себя с детства.

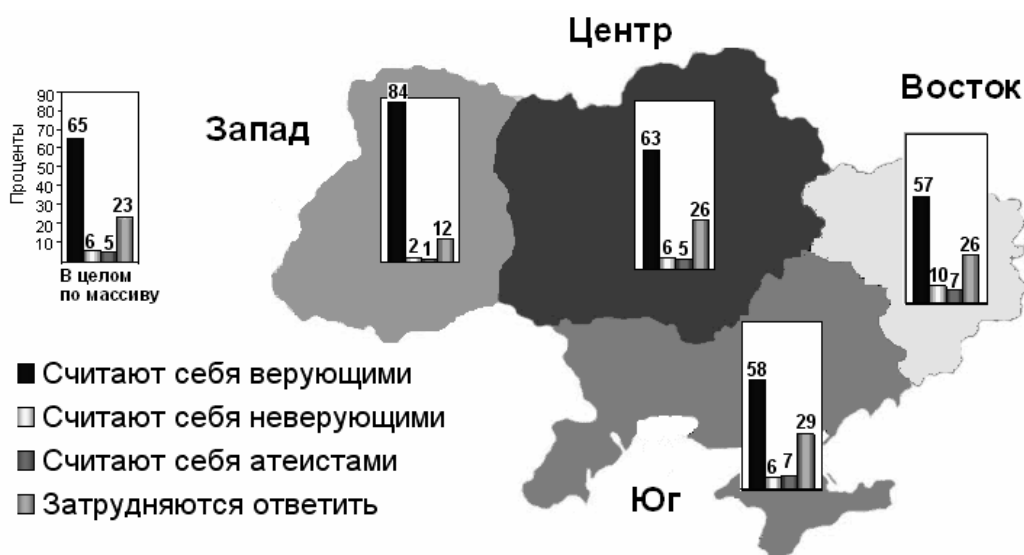

Рис. 2. Религиозная самоидентификация студенчества Украины, % к ответившим.

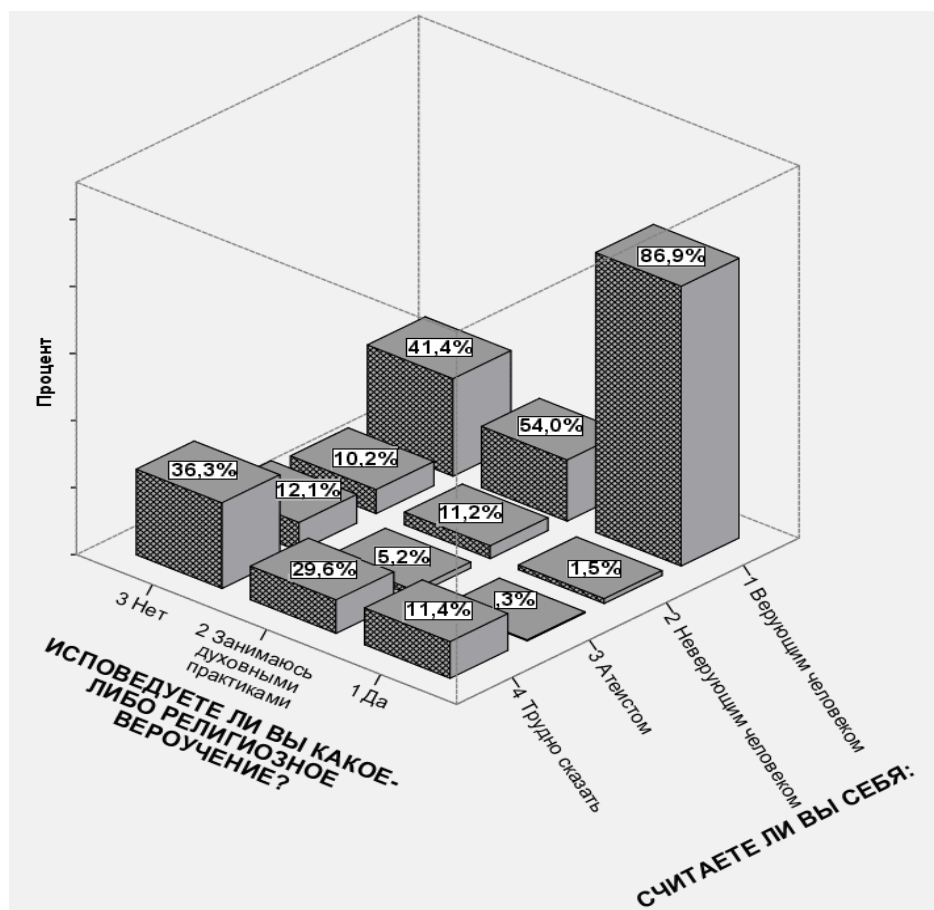

Рис. 3. Распределения признаков самоидентификации в религиозном пространстве.

Результаты нашего исследования во многом согласуются с этими выводами. Так, среди респондентов, исповедующих какое-либо религиозное вероучение, 87 % считают себя верующими, 2 % неверующими, 11 % затрудняются с самоопределением. Среди тех, кто занимается духовными практиками, 54 % считают себя верующими, 11% неверующими, 5% атеистами, 30 % затрудняются ответить на вопрос. При этом среди тех, кто не исповедует никакого религиозного вероучения, 41 % считают себя верующими, 10 % неверующими, 12 % атеистами, 36 % затрудняются ответить. Двумерное распределение анализируемых признаков (рис. 3) наглядно демонстрирует кажущиеся противоречия, которые становятся

понятными с учетом того, что религиозные традиции, укоренившиеся в сознании каждого народа, сегодня проявляются в отождествлении религиозной и культурной идентичностей.

Четко обозначенные отличия прослеживаются при анализе распределения ответов на вопрос относительно конфессиональной принадлежности респондентов. Как свидетельствуют полученные данные, подавляющее большинство украинских студентов считает себя православными (85 %), почти вдесятеро меньше участников опроса (8,4 %) позиционировали себя как приверженцев католической церкви (точнее, греко-католической), в незначительной степени представлены другие религии и конфессии. И снова обращает внимание региональное распределение ответов: если православные преобладают на востоке, юге и в центральном регионе, то на западе Украины с ними по численности конкурируют греко-католики (табл. 1). Эти данные во многом совпадают с общенациональной статистикой относительно религиозно-конфессиональной принадлежности граждан Украины, особенно это касается представительства в общей численности верующих таких групп, как иудеи, мусульмане и буддисты.

Таблица 1

Конфессиональная принадлежность украинского студенчества, % к ответившим

	В целом по массиву		Восток	Центр	Юг	Запад
	%	Частота	%	%	%	%
Православие	85,2	2164	93,0	92,9	91,6	67,1
Католицизм	8,4	213	1,0	2,1	1,0	25,8
Протестантизм	1,1	27	0,9	1,1	0,9	1,4
Иудаизм	0,7	19	0,6	0,2	2,1	0,3
Ислам	0,5	13	1,0	0,4	0,7	0
Буддизм	0,4	9	0,6	0,5	0,3	0
Другое	3,7	94	2,8	2,9	3,3	5,5

Таблица 2

Поведенческие практики респондентов, которые считают себя верующими, % к ответившим

Практики	В целом по массиву		Восток		Центр		Юг		Запад	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Имеют в домашней библиотеке духовную литературу	67,6	32,4	63,8	36,2	59,1	40,9	61,7	38,3	83,4	16,6
Знают наизусть молитвы	60,7	39,3	51,0	49,0	54,8	45,2	46,8	53,2	86,6	13,4
Придерживаются постов	14,4	85,6	7,5	92,5	9,5	90,5	9,4	90,6	29,4	70,6
Общаются с членами религиозной общины	28,2	71,8	17,3	82,7	21,6	78,4	27,6	72,4	45,0	55,0
Регулярно молятся дома	29,9	70,1	19,5	80,5	25,7	74,3	19,7	80,3	52,0	48,0
Посещают занятия в воскресной школе, семинарии и т.п.	5,1	94,9	3,1	96,9	3,7	96,3	4,8	95,2	8,5	91,5
Хорошо знают священные тексты	11,6	88,4	9,6	90,4	10,1	89,9	13,5	86,5	13,1	86,9
Регулярно читают духовную литературу	9,7	90,3	7,8	92,2	7,4	92,6	10,2	89,8	12,9	87,1

Наше настоящее, среди принципиальных отличий от прошлого, имеет одно очень существенное: наши предки жили в условиях так называемого «бытового православия», когда весь цикл календарного года (особенно в сельской местности) был фактически синхронизирован с церковным календарем, в тоже время некоторые светские традиции современного украинца нередко вступают в противоречие с ним, совпадая во времени, например, с периодом поста или больших религиозных праздников. Если до революции все православные в нашей стране были воцерковленными, то сегодня бытовая религиозность, присущая основной массе граж-

дан, чаще всего связана с соблюдением отдельных обрядовых компонентов, посещение богослужений связано преимущественно с самыми важными религиозными праздниками и т.п.¹

Анализируя поведенческие практики тех, кто тем или иным образом заявил о своей вовлеченности в религиозную жизнь, следует отметить, что они зачастую очень далеки от тех требований, которые выдвигаются, в частности христианством, к своим приверженцам. Например, имея в домашних библиотеках духовную литературу (так ответили две трети опрошенных по массиву в целом и больше 80 % в западном регионе), лишь небольшая часть молодежи регулярно посвящает свободное время ее чтению; зная наизусть молитвы (61 % по массиву и 87 % в западном регионе), регулярно молятся дома лишь 20–25 % респондентов из числа тех, кто считает себя верующим человеком (за исключением опрошенных на западе страны, среди которых домашним молитвам регулярно посвящают время 52 % респондентов). Незначительный процент украинских студентов придерживается постов, получает дополнительные знания в воскресной школе, хорошо знает священные тексты и т.п. (табл. 2). Как уже отмечалось, воцерковленному в большей степени соответствует образ жизни, присущий студентам, которые были опрошены на западе Украины.

Воцерковленный образ жизни предусматривает и определенное поведение, которое связано с регулярным (каждое воскресенье и на праздники) посещением церкви (учитывая доминирование в массиве опрошенных христиан, мы при анализе картины религиозной идентичности, ссылаемся на требования и максимы этой мировой религии). Данного предписания придерживается незначительная часть опрошенных, наибольшая их численность зафиксирована в массиве респондентов в западном регионе (25%). Интересно, что среди тех, кто утверждает, что не исповедует ни одно религиозное учение, больше трети посещает церковь на важнейшие праздники. Опираясь на собственные наблюдения, укажем, что имеются в виду скорее всего Пасхальное богослужение, праздник Рождества Христова и Троицы (табл. 3).

Таблица 3

Частота посещений богослужений и церковных собраний, % к ответившим

	В целом по массиву	Исповедующие определенное религиозное вероучение	Занимающиеся духовными практиками	Не исповедующие определенное религиозное вероучение	Восток	Центр	Юг	Запад
Несколько раз в неделю	2,9	4,5	1,8	1,0	1,3	6,9	3,2	5,6
Один раз в неделю	9,3	14,9	3,9	2,5	2,3	4,4	3,1	25,4
Один раз в месяц	9,1	12,6	6,2	4,8	6,5	6,4	8,9	13,9
На большинство религиозных праздников	17,5	21,9	14,2	11,7	13,0	19,0	16,9	21,4
На важнейшие религиозные праздники	33,0	30,3	38,4	34,6	35,6	36,9	34,7	25,6
Раз в год	12,9	8,6	14,4	19,4	15,7	16,3	14,9	5,8
Несколько раз за жизнь	6,6	4,0	8,7	10,2	12,0	1,3	6,2	1,2
Не были никогда	8,7	3,4	12,4	15,8	13,7	8,7	12,0	1,1

Характеризуя роль и функции религии в современном обществе, респонденты, как верующие, так и неверующие, дали высокие оценки практически по всем функциям, которые она призвана выполнять в обществе: это касается, прежде всего, компенсаторной, регулятивной и коммуникативной функций. Так, чаще всего опрошенные указывали на то, что религия дает человеку утешение, надежду в сложных жизненных ситуациях, что является одним из проявлений ее компенсаторной функции, которая направлена на заполнение ограниченности,

¹ Николаевская А. М. Религия и мораль в современном украинском обществе: проблемы взаимодействия и актуальные направления анализа / Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. У 2-х т. Т. 2 Харків: Видавничий центр ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2006.

зависимости, бессилия человека, как в смысле контроля внутреннего мира, так и относительно возможностей изменения объективных условий нашего существования. Большое значение имеет психологический аспект компенсации — снятие эмоциональной напряженности, катарсис, утешение, духовное наслаждение и т.п.

По мнению большинства опрошенных, в современном обществе большое значение имеет регулятивная функция религии. Она, как известно, заключается в том, что с помощью ценностей и норм, образцов поведения, контроля, системы наказаний и поощрений, которые лежат в основе религии, осуществляется управление индивидуальным и групповым поведением людей и собственно самим социальным институтом религии. Наши респонденты, в частности, часто указывали на то, что религия, например, удерживает от плохих поступков.

Выполнение религией функции интеграции-дезинтеграции должно (в первой своей «части») способствовать стабилизации общества, гармонизации отношений между людьми и т.п. Одним из условий успешной реализации этой функции на макросоциальном уровне является наличие в обществе одной влиятельной религии или нескольких таких, которые не являются антагонистическими. Понятно, что при противоположных условиях будет актуализироваться дезинтеграционная составляющая этой функции. Больше половины опрошенных считает в этом контексте, что религия формирует более толерантное отношение к людям, хотя в то же время, по их мнению, реальной объединяющей силой в обществе она еще не стала.

Благодаря существованию культуротранслирующей функции, религия способствует развитию некоторых составляющих культуры (например, письменности), обеспечивает сохранение ценностей собственно религиозной культуры, осуществляет трансляцию культурных ценностей от поколения поколению. Половина опрошенных уверены, что религия способствует личностному развитию, приобщению к культурным ценностям.

Более низкие оценки в целом по массиву получили разные составляющие мировоззренческой и коммуникативной функций. Мировоззренческая функция религии, как известно, реализуется благодаря наличию в ней определенного типа взглядов на человека, общество и природу. Абсолюты, «задаваемые» любой религиозной системой, помогают осмысливать мир, обеспечивают целеполагание и придают смысл нашей жизни. Реализация коммуникативной функции изменяет как процесс повседневного общения верующих в социуме в целом, так и в пределах религиозной сферы — с «единомышленниками» и с Богом, со святыми и т.п. В то же время следует отметить, что оценки выполнения религией этих функций существенно связаны с уровнем и характером религиозной и конфессиональной принадлежности респондентов. Сравнительно низкие оценки в целом по массиву обусловлены отношением к этому вопросу прежде всего тех, кто, по самооценкам, были отнесены к группам, которые «не исповедуют определенное верование»; т.е. тех, кто самоидентифицировался как неверующий человек, или атеист. Понятно, что верующие, независимо от конкретной конфессиональной принадлежности, давали более высокие оценки, которые также справедливы и по отношению к данным, полученным нами в западном регионе (табл. 4). Что касается межконфессиональных отличий, то обращают на себя внимание очень высокие оценки протестантов. Это малочисленная группа (1 % по массиву), но поражает единодушие ее представителей: здесь средние значения по всем вопросам приближаются к максимально возможным (4,3–4,7), и практически отсутствуют ответы «не согласен» и «абсолютно не согласен».

И, наконец, несколько слов о результатах применения метода дерева классификации с целью поиска сочетаний значений предикторов, детерминирующих идентификацию украинскими студентами своего места в религиозном пространстве социума, т.е. отнесение себя к верующим или неверующим. Прежде всего отметим, что данный метод применялся нами в первую очередь для выявления априорно не прогнозируемых нами закономерностей, поэтому мы использовали в качестве предикторов все признаки, заложенные в анкету (даже те, которые никак на первый взгляд не могут влиять на религиозную идентичность).

Чтобы сократить размер дерева мы сформировали целевую переменную, модифицировав шкалу признака «Считаете ли вы себя:.... 1. Верующим человеком; 2. Неверующим человеком; 3. Атеистом; 4. Трудно сказать» в дихотомическую за счет объединения альтернатив 2 и

3, а также исключения из анализа респондентов, затрудняющихся ответить на поставленный вопрос. В результате была получена модель с достаточно хорошей предсказательной точностью: процент корректных предсказаний идентификации «верующий» составляет 98,6 %, а «неверующий» — 85,7 %. (рис. 4).

Таблица 4

Роль религии в современном обществе по оценкам респондентов
(средние значения; интервал от 1 – абсолютно не согласен до 5 – абсолютно согласен)

Религия в современном обществе...	В целом по массиву	Исповедующие определенное религиозное вероучение	Занимающиеся духовными практиками	Не исповедующие определенное религиозное вероучение	Восток	Центр	Юг	Запад	Православные	Католики	Протестанты	Иудеи	Мусульмане	Буддисты	Другие
Способствует улучшению отношений с другими людьми	3,2	3,5	3,2	2,8	3,1	3,1	3,1	3,6	3,3	3,7	4,4	3,5	3,6	3,6	3,3
Помогает понять и ощутить смысл жизни	3,4	3,8	3,2	2,9	3,2	3,3	3,2	3,9	3,5	4,0	4,5	4,1	4,1	3,4	3,5
Дает ощущение уверенности в будущем	3,2	3,5	3,1	2,7	3,0	3,1	2,9	3,7	3,3	3,7	4,5	3,5	3,8	3,8	3,3
Дает возможность ощутить принадлежность к определенному сообществу единомышленников	3,2	3,5	3,2	2,9	3,2	3,2	3,1	3,5	3,2	3,5	4,3	4,0	3,8	4,0	3,3
Формирует более толерантное отношение к людям	3,6	3,9	3,5	3,2	3,5	3,5	3,5	4,0	3,7	4,0	4,7	4,0	3,5	3,8	3,5
Дает утешение, надежду в сложных жизненных ситуациях	3,8	4,2	3,7	3,5	3,8	3,7	3,7	4,2	4,0	4,2	4,7	4,3	4,0	3,9	3,6
Является объединяющей силой в обществе	3,2	3,5	3,1	2,9	3,1	3,1	3,1	3,6	3,3	3,8	4,3	3,6	3,6	3,3	3,2
Помогает улучшить отношения в семье, с родственниками	3,3	3,7	3,2	2,8	3,0	3,1	3,059	3,9	3,4	4,1	4,4	3,4	3,9	3,3	3,2
Удерживает от плохих поступков	3,6	4,0	3,5	3,2	3,5	3,5	3,5	4,0	3,8	4,1	4,4	4,0	3,7	3,7	3,7
Способствует личностному развитию, приобщению к культурным ценностям	3,4	3,8	3,4	3,0	3,3	3,4	3,3	3,8	3,5	3,9	4,3	3,6	4,1	3,7	3,3

Интерпретация построенного дерева позволила нам увидеть, что в модель помимо признаков, характеризующих моральные («Как Вы относитесь к семейному насилию?») и религиозные предпочтения («К какой религиозной конфессии вы принадлежите?»; «Религия формирует более толерантное отношение к людям»; «Как часто вы посещаете богослужения или церковные собрания?»), включены также признаки из блока анкеты, предназначенного для изучения ценностных ориентаций (в частности, были выделены два варианта ответа на вопрос «Какие качества необходимы человеку сегодня?» — ответственность и честность).

Таким образом, дерево классификации, хотя и является методом эксплораторного анализа, скорее подтвердило наши априорные предположения о сущности процесса религиозной идентификации. При этом данный метод все же показал, что при исследовании характеристик респондентов, относящихся к разным конфессиям, особое значение приобретают их ценностные ориентации. Однако такой анализ невозможен без глубокого погружения в сущностные особенности отдельных религиозных течений, что не являлось целью данной публикации.

Подводя итог, отметим следующее. Украинское студенчество принадлежит к социальным группам с достаточно высоким уровнем религиозной самоидентификации (65 % опрошенных по массиву в целом считают себя верующими). Среди верующих подавляющее большинство идентифицирует себя с Православием (85 %), в западном регионе еще одной влиятельной группой являются греко-католики.

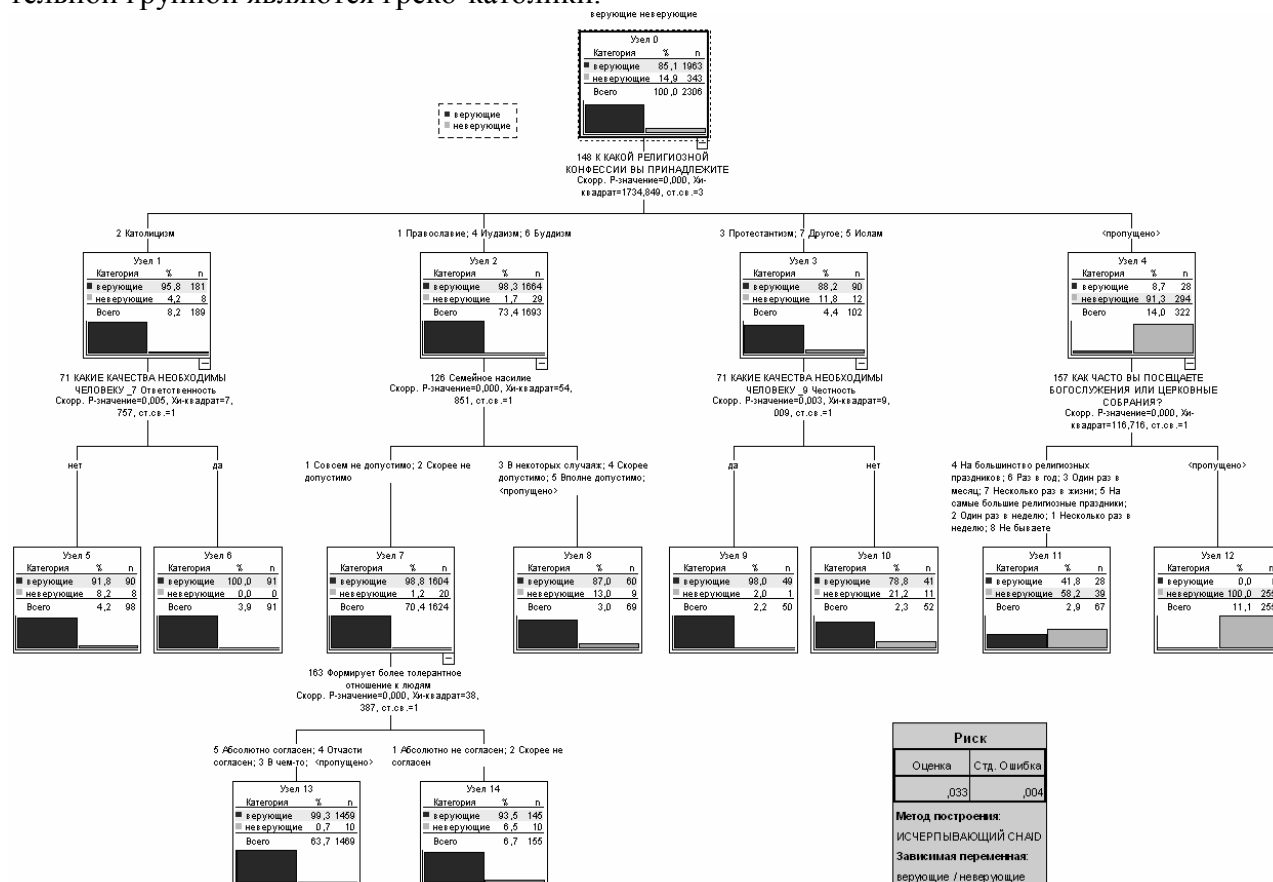

Рис. 4. Дерево классификации верующих и неверующих

Студенчество в целом (независимо от религиозной самоидентификации и конфессиональной принадлежности) положительно оценивает роль религии в современном обществе как на уровне межличностных отношений, так и для отдельной личности. В то же время религиозные поведенческие практики молодых людей характеризуются определенной непоследовательностью и противоречивостью.

Методика исследования «Судьбы людей, лишённых родительских прав»

Козлова Татьяна Захаровна
Институт социологии РАН

Одной из острейших проблем общества является социальное сиротство, которое год от года не уменьшается, а напротив, увеличивается. В стране сейчас 697 тыс. детей-сирот, две трети из них социальные сироты, т.е. сироты при живых родителях: (1) чьи родители лишены родительских прав, (2) оставленные в роддомах, (3) убежавшие из своих семей.

Социальное сиротство таит риски формирования ущербности детей, их личности, здоровья. Исследования отечественных психологов показали, что ребёнок, воспитанный в депривационных условиях, особенно в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознаёт свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружении людей. Около половины выпускников детских домов «пропадает» для общества: одни становятся алкоголиками, другие ведут противоправную жизнь.

В чем причины социального сиротства? Где формируются родители брошенных детей? Прежде всего, в отчем доме. Доминирующие социальные установки усваиваются именно здесь. Поведение молодых людей в создании будущей семьи, в её функционировании, в отношении к своим детям в значительной степени определяется именно родительской семьёй. Благополучная родительская семья является образцом для молодых людей. Если же ребёнок растёт в неблагополучной семье, то у него формируется отрицательный образ семьи. Такой человек во взрослом состоянии или вообще не создаёт семью, или создаёт неадекватную. В результате её распада могут появиться дети-сироты.

Тем не менее, как показывают социологические исследования, и в благополучных семьях формируются будущие родители детей-сирот. Такие случаи не исключение, и их не единицы. Большинство родителей, лишённых родительских прав, выросло в полных благополучных семьях. Как личную драму воспринимают такие родители лишение их детей родительских прав. Некоторые из них по-разному объясняют безнравственное поведение своих детей. Одни родители считают, что они слишком баловали своих дочерей, не отказывали им ни в чём, то есть растили эгоистов и незакалённых к неожиданным трудным ситуациям людей. Отсюда или несерьёзное отношение к своим детям, или срывы (алкоголизм) в связи с уходом мужа. Другие родители слишком жёстко и требовательно относились к дочерям, запрещали им самостоятельно делать выбор мужа. Иногда такое поведение родителей заканчивалось трагически для детей.

Для изучения условий формирования личности людей, лишённых родительских прав, нами (автором этих тезисов) был сформирован коллектив социологов, работающих в 10 регионах страны: в Москве и Московской области, в Ивановской области (город Иваново, средний город Кинешма, районный центр Посад), в Кирове и Кировской области, в Чудово (Новгородская обл.), в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Бурятии. Объект исследования — опекуны своих внуков, предмет — условия формирования людей, лишённых родительских прав.

Органы опеки давали списки опекунов (по письму из Государственной Думы Комитета по вопросам семьи, женщин и детей). Социологи на местах ходили к опекунам и опрашивали их по единой методике «Формализованное интервью», разработанной автором. В каждом из перечисленных поселений опрашивалось по 20 опекунов (после 16 интервью происходит насыщение информации). Основная трудность заключалась в том, что каждый рассказ опекуна был связан с их тяжелыми душевными переживаниями.

Методика «Формализованное интервью» состояла из 3 блоков вопросов: (1) о респонденте и его семье, (2) о родителях опекаемого ребёнка, (3) об опекаемом ребёнке. Остановимся подробнее на каждой части интервью.

Задача первой части интервью «О респонденте и его семье» — выяснение социально-психологического климата в семье, в которой рос ребёнок, который став взрослым впоследствии, был лишён родительских прав. Интервьюеры знакомились с объективными данными опекунов (пол, возраст, место рождения, образование, профессия, если работает в настоящее время, то кем). Опекуны — это немолодые люди; многие из респондентов (например, в г. Иваново), родившись в деревне, в поисках работы или получения образования переехали в город.

Затем следовали вопросы о личной жизни опекуна (чаще всего это была бабушка опекаемого внука). Респондентов интересовала личная жизнь опекуна: как они строили свою семью (по любви или нет), сколько было детей (желанных или нет) и, конечно, социально-психологический климат в семье. Опекунам был предложен набор альтернатив отношений между опекуном и её супругом: «дружеские (доверительные)», «спокойные», «безразличные», «напряжённые», «конфликтные», «другие». Если респондент, миновав первые два варианта, характеризовал свои отношения в семье, как «безразличные» или выбирал следующие два варианта, то было понятно, что в семье этого опекуна был неблагополучный социально-психологический климат.

Во второй части методики «О родителях опекаемого ребёнка» проанализированы условия формирования детей, будущих взрослых, лишённых родительских прав. Вначале этого раздела респонденту предлагался набор альтернатив о взаимоотношениях их с детьми. Этот на-

бор был аналогичен (он приведён выше) набору альтернатив между родителями (опекунами). Если респондент, миновав две первые предложенные альтернативы, характеризовал свои отношения с детьми как «безразличные» или выбирал два последующих варианта, то было понятно, что в семье этого опекуна были неблагополучные отношения между родителями и детьми. Т.е. родителям в то время (когда ещё дети были небольшие) нужно было думать об их будущем, а не пускать их воспитание на самотёк.

Опекунов в этой части методики спрашивали о материальном положении семьи опекуна. Зачастую плохое материальное положение было связано с алкоголизмом мужа или обоих родителей. Их не держали долго на одной работе. Отсюда бедность семьи и, как правило, неблагополучные отношения в ней.

В этой же части методики ряд вопросов был посвящён детям: их здоровью, учёбе, поведению, чертам характера (общительный, замкнутый, злой, добрый). Респондентов спрашивали, как опекуны воспитывали своих детей в строгости, или всё позволяли. Некоторые родители вообще не занимались детьми. Одним было некогда (много работали), другие занимались своей личной жизнью.

Непростой и во многом, определяющий дальнейшую жизнь человека, — возраст после окончания школы. В интервью были заданы вопросы: куда после школы пошли учиться или работать ваши дети. Среди этих вопросов был задан важный вопрос: «Употребляли ли ваши дети спиртное? Если «да», то в каком количестве?»

Следующий подраздел второй части: личная жизнь детей опекунов. Первый вопрос: «Состояла ли ваша дочь (сын) в браке?» Если «нет», то почему?. В связи с диспропорцией в нашей стране количества мужчин и женщин, некоторые опекуны говорили, что их дочерям «никто не предлагал замуж», и она родила ребёнка, не состояв в браке.

Если брак у детей состоялся, то опекуна спрашивали, какие между супругами были отношения, и им предлагался набор из перечисленных выше шести вариантов. Когда респондент, миновав два первых варианта, характеризовал отношения между супругами как «безразличные» или выбирал два последующих варианта, было понятно, что в семье молодых супругов этого опекуна был неблагополучный социально-психологический климат. Опекунам задавали вопрос об употреблении спиртного семейной парой. При неблагополучных отношениях, как правило, молодые супруги употребляли спиртное и больших количествах. В семье родился ребёнок (будущий опекаемый внук), опекуну задавали вопрос: «Желанный был ребёнок или нет?» Иногда ребёнок был нежеланный для матери, так как отец его ещё до рождения его, бросал мать (такие случаи были и в зарегистрированном браке, и в гражданском). Эти поступки отцов были одной из причин, почему женщина начала пить, а впоследствии была лишена родительских прав.

На вопрос «почему распался брак детей», респондентам предлагали следующие варианты: муж (жена) нашёл другую женщину и ушёл; муж (жена) стал пить; мужа (жену) посадили; Другое.

На вопрос опекунам «Почему вашу дочь (сына) лишили родительских прав?» предлагались следующие альтернативы: пила; гуляла; не занималась ребёнком, не любила детей; была ребёнка; другое.

В третьем разделе «Опекаемый ребёнок» заданы вопросы о воспитании опекаемого им внука. Как он учится (если уже школьник)? Какие проблемы есть в опекунской семье? Они могут быть как материальные, так и психологические. В какой помощи нуждается опекунская семья?

Анализ данных показал, что негативными условиями формирования личности родителей детей-сирот явились: неблагополучная родительская семья; благополучная семья, но много позволяли своему ребёнку (баловали); тяжёлая ситуация в стране в 90-е годы (слом традиционных ценностей, отсутствие работы, рост преступности); работа молодого человека (дочери) в казино, пивном ларьке; неудачный брак, развод; бросил любимый мужчина (муж) беременную; гражданский брак; уход родителей в секту.

Индикаторы востребованности выпускников вузов на рынке труда

Колесникова Елена Юрьевна,
Южный федеральный университет

Мониторинг трудоустройства выпускников Южного федерального университета, осуществленный в рамках «Программы развития Южного федерального университета на 2008–2012 гг.» дает представление о реальной востребованности выпускников, динамике, мотивации и характере адаптации выпускников в условиях первичной занятости.

По данным Мониторинга*, полтора года спустя после выпуска, в среднем, востребованность выпускников ЮФУ составляла 62–63 %. Индикатором «востребованности» служит факт трудоустройства выпускников по специальности, полученной в вузе, или по специальности смежной, близкой по содержанию профессиональных ролей и обязанностей. Не по специальности работали четверть выпускников, не трудоустроенными оказались 7 % выпускников. Уровень трудоустройства по разным специальностям не одинаков. Так, юристы и экономисты, о которых часто говорят как об «избыточных», вполне достойно трудоустроены: 90–100 % работают по специальности или по смежной специальности. Почти на 100 % востребованы выпускники по специальностям «Математика», «Механика», «Информатика», «Физика», «Химия», «Биология», «Компьютерные науки», «Архитектура», «Филология и журналистика», «Промышленная электроника», «Радиофизика».

Однако есть группа специальностей, которые слабо востребованы рынком труда. Выпускники, получившие эти специальности в ЮФУ, вынуждены получать второе высшее образование или трудоустраиваться не по специальности.

Модель трудоустройства специалистов включает также уровень адаптации выпускников к первому месту работы. Среди трудоустроенных выпускников ЮФУ наблюдается высокий уровень адаптации к первому месту работы: около 75 % место работы вполне устраивает, только 16 % работа не устраивает, или не совсем устраивает. Две трети выпускников видят перспективы профессионального роста.

Мотивация трудоустройства по специальности включает, кроме развитой и устойчивой профессиональной установки, комплекс социальных мотивов, среди которых доминирует возможность хороших заработков — 79 %, хорошие условия труда — 48 %, социальная защищенность, стабильность — 38 %, возможность решить свои жилищные проблемы — 18 %.

То есть профессиональная установка, как правило, вмонтирована в социальный контекст и успешно реализуется лишь в условиях достижимости его для выпускника в приемлемой перспективе. В этой связи важно выявить степень соответствия компетенций, полученных в вузе, набору востребованных работодателями компетенций. По мнению работодателей наиболее востребованными компетенциями на сегодняшний день являются:

- Владение современными инженерными, научно-техническими, математическими, социальными и гуманитарными технологиями (92 %, отметивших эти качества).
- Способность работать конструктивно и дисциплинировано (86 %).
- Умение грамотно выражать свои мысли (86 %).
- Коммуникабельность, общительность (84 %).
- Инициативность, самостоятельность в принятии решений (84 %).
- Навыки делового общения, умение вести переговоры (82 %).
- Познавательный интерес, способность к саморазвитию, постоянному повышению квалификации (82 %).

Контент-анализ требований к кандидату на 359 вакансий и 359 CV кандидатов, размещенных на сайтах работодателей в Интернете* выявил, что приоритетными знаниями и на-

* Мониторинга включал сплошной опрос выпускников ЮФУ, повторный выборочный опрос, опрос работодателей, систематизация данных Центра занятости населения Ростовской области.

* Исследование проведено студентами 3 курса факультета социологии и политологии Южного федерального университета в декабре 2007 г.

выками являются (по мере убывания): знания ПК (стандарт MS Office, Internet), знание ПК (специализированные программы), знание иностранных языков, коммуникабельность, ответственность и дисциплинированность, умение работать в команде, стрессоустойчивость.

Опрос выпускников показал, что если полученные в вузе чисто профессиональные компетенции соответствуют набору компетенций, востребованных работодателями, то социально-коммуникационные, по оценке выпускников, явно в дефиците.

Сложившаяся ситуация на рынке труда потребовала расширения состава его институтов, появления, в частности, кадровых агентств. Последние ежегодно работают с полумиллионом специалистов, меняющих место своей работы. Причем, эта цифра быстро растет, так как спрос на услуги рекрутеров постоянно увеличивается на 2–5 % в год. Доля компаний-работодателей, использующих рекрутинговые услуги, в некоторых отраслях экономики России уже достигает 45 % и практически 100 % лидеров рынка заказывают персонал в кадровых агентствах. Способами адаптации выпускников невостребованных специальностей к требованиям рыночной экономики становятся работа не по специальности, стремление к получению дополнительного, в том числе, второго высшего образования по совершенно другой специальности.

В целом, анализ трудоустройства выпускников ЮФУ позволил очертить модель трудоустройства в современных условиях, выявил существующую асимметрию между структурой и масштабами подготовки кадров специалистов в ЮФУ и реальным составом и числом имеющихся вакансий специалистов в отраслях экономики, социальной сфере, культуре и управлении; продемонстрировал, что спрос личности на образовательные услуги обусловлен не только потребностью со стороны экономики и управления, но и духовными и социальными запросами личности.

Инерционность социальных механизмов формирования спроса на образовательные услуги, сложившаяся в предшествующий период истории страны, столь высока, что до сих пор не «сигналы» рынка (экономический спрос), а конкурентный социальный спрос абитуриентов (то есть частный, не институциональный спрос) в решающей степени определяет структуру и масштабы подготовки специалистов по многим специальностям.

Мониторинг показал, что выпускники вузов лишь наполовину вписываются в актуальный экономический спрос на специалистов на региональном и национальном рынках труда. Асимметричность спроса и предложения закрепляется необеспеченностью рабочих мест, как правило, необходимым пакетом социальных благ (приемлемой заработной платой, возможностью приобретения жилья, охраной здоровья и т.д.), что ориентирует выпускников на поиск места работы не по специальности, а по критерию социальных ожиданий.

В то же время, проведенное исследование показало, что трудоустройство выпускников — инерционный и относительно длительный процесс: требуется не менее года, чтобы весь контингент выпускников нашел вакансии, устраивающие их по профессиональному или социальному критериям их жизненных притязаний.

Этот механизм воспроизводит нисходящую мобильность, сужает доступ к высоким социальным статусам, резко ограничивая пространство реализации образованием своих структурных функций, что снижает в стратегической перспективе потенциал инновационного развития социума. В частности, структурная модель трудоустройства выпускников Южного федерального университета отражает реальный социальный механизм распределения окончивших вуз специалистов в системе социальных позиций первичной занятости, разбалансированность спроса и предложения в значительных сегментах рынка труда специалистов, структурное несовпадение набора компетенций «на выходе» из вуза и на входе в первичную занятость, а также мотивационную модель трудоустройства, в которой самодостаточную роль играют мотивы достижения по месту работы социального пакета (высокая зарплата, жилье, продвижение по службе). Это свидетельствует о социальной «насыщенности» мотивации трудоустройства и, соответственно, фундаментальной ориентации выпускников на социально-статусные параметры первичной занятости, а не профессионально-функциональные; трудоустройство по специальности является средством (а не целью) для достижения доступа к социальным ценностям.

Позиционирование медицинского персонала и удовлетворенность населения медицинскими услугами в условиях модернизации отечественного здравоохранения

Кулькова Варвара Юрьевна,
Академия управления «ТИСБИ»

Предпринятое в исследование описание практик взаимодействия медицинского персонала и потребителей услуг здравоохранения исходит из перспективы основных положений *implementation research*, в соответствии с которыми успешность реализации социальных реформ во многом обусловлена восприятием и поддержкой их профессиональным сообществом и социальными группами. Представленное исследование является поисковым¹.

Цель исследования — описать институциональные взаимодействия медицинского персонала с пациентами в ходе предоставления услуг здравоохранения на основании полевых материалов, собранных с применением качественных методов социологического исследования в Республике Татарстан. Исследование фокусировалось на следующих вопросах: как воспринимает медицинский персонал модернизацию здравоохранения, как это восприятие влияет на позиционирование медицинского персонала в предоставлении медицинской помощи и как меняется удовлетворенность населения качеством медицинской помощи в условиях модернизации здравоохранения.

На первом этапе были собраны фокусированные интервью с медицинским персоналом по ступенчатой выборке. Вначале были определены лечебные учреждения здравоохранения (выбор был обусловлен техническими причинами: достигнутыми договоренностями на интервьюирование). Выборка охватывала три группы информантов: управленцев высшего звена лечебного учреждения здравоохранения, заведующих отделениями, рядовых врачей.

На втором этапе был проведен опрос в августе–ноябре 2008 г. (N=829) для определения удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи по видам. В выборку вошли жители столицы, двух крупных городов, двух средних городов, двух сельских районов Республики Татарстан. Опрос проводился в стационарах, поликлиниках и на некоторых предприятиях. Таким образом, мы опросили людей, находящихся на стационарном лечении (или в родильном доме), проходящих обследование или лечение в поликлиниках и тех, кто в момент опроса не находился в непосредственном контакте с медиками (эта группа далее называется «население»). Были разработаны анкеты для каждой группы респондентов, содержащие одинаковые основные вопросы и дополнительные специфические вопросы. Анкета была составлена с использованием опросных листов и рекомендаций специалистов ГУ «Фонд обязательного медицинского страхования Республики Татарстан». Анкетеры представлялись как немедицинские работники, пациенты стационаров получали анкеты в конвертах, которые раздавались в запечатанном виде. Обработка результатов анкетного опроса осуществлялась с помощью пакета SPSS.

«Кадры решают все...»

Несмотря на реализованные мероприятия по модернизации здравоохранения, вводимых реформами местного самоуправления и разграничения бюджетных полномочий, переходом к новому, автономному типу государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, реализацией ПНП «Здоровье» и ряда плотных проектов (проект перехода на одноканальное финансирование учреждений здравоохранения; проект, направленный на повышение качества услуг в сфере здравоохранения), внедрением отраслевой стандартизации (ISO 8402-86), состояние медико-социальных аспектов человеческого капитала и ресурсное обеспечение отрасли оставляют желать лучшего и в настоящее время.

Так, оценка демографических показателей в Республике Татарстан позволяет констатировать, что при общей положительной тенденции к снижению отрицательного естественного

¹ См.: Кулькова В.Ю., Мухарямова Л.М. Новые подходы, старые проблемы: формирование стратегии реформирования регионального здравоохранения // Управление здравоохранением. 2009. № 2. С. 44–54.

прироста населения в период 2004–2008 гг. на 2 %, наблюдается превышение смертности над рождаемостью, что характеризует естественную убыль населения. За исследуемый период первичная заболеваемость выросла на 44,8 % (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=+5,9\%$), распространенность болезней расширилась на 205,9 % (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=+14,3\%$).

В этот же период сократилось число и мощность лечебно-профилактических учреждений: число больничных учреждений уменьшилось примерно в 2 раза (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-44\%$), число диспансеров сократилось в 4 раза (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-77\%$), амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ) стало меньше в 2,4 раза (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-59\%$), количество фельдшерско-акушерских пунктов уменьшилось на 27 (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-1,5\%$). Описанные тенденции происходят на фоне сокращения числа посещений врачей на 1 жителя, предусмотренного Программой государственных гарантий предоставления медицинской помощи в РТ (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-19\%$).

Одновременно, по сравнению с ПФО (Приволжским федеральным округом) и Российской Федерацией, в Республике Татарстан отмечено повышенное число посещений врачей АПУ и более низкие показатели обеспеченности койками круглосуточного пребывания.

Сокращается и обеспеченность врачами на 10 тыс. постоянного населения (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-4,3\%$) и средними медицинскими работниками (темп прироста $T^{np}_{2008/2004}=-8,5\%$). При региональных сопоставлениях обнаруживается, что по итогам 2007 года обеспеченность врачами в РТ (39,9) незначительно ниже, чем в ПФО (41,4) и РФ (43,3), а обеспеченность населения медицинскими работниками (102,4) была выше, чем в ПФО (101,6) и РФ (94,9).

Снижение кадровой обеспеченности сопровождается распространением синдрома «двойной занятости» медицинского персонала — работой по совместительству в государственных и частных клиниках: *«В настоящее время помимо основной работы в клинике, я совмещаю в оптике и даже, представьте себе, в ветеринарной больнице... лечу глаза животным»* (детский врач-офтальмолог республиканского учреждения).

В условиях асимметричности отечественного рынка медицинских услуг¹ усиливается позиционирование потребителей в качестве пассивных участников получения медицинской помощи, де-факто, без возможного выбора больницы и лечащего врача, влияния на качество медицинской услуги, сопровождаемое распространением практики «необоснованности» медицинских услуг и медикаментозного лечения. Безусловно, при действии синдрома «двойной занятости» врач может предложить пациенту предоставление медицинской услуги по его второму месту работы, в частной клинике, но уже за плату. При чем, как показывают результаты исследований, оплата зачастую не гарантирует возможность влияния на качество медицинских услуг². Относительно назначений медикаментозного лечения, примечательны результаты ведомственного контроля качества медицинской помощи: среди видов отклонений в качестве медицинских услуг наибольший процент приходится на необоснованное назначение лекарственных препаратов³.

Негативное восприятие проводимых в отрасли трансформаций медицинским профессиональным сообществом раскрывает суть социальной проблемы российского здравоохранения и его кадрового обеспечения. В частности, институт медицинского страхования не пользуется поддержкой ни среди врачей, ни среди населения⁴. Проводимые автором мониторинговое исследование свидетельствуют о пессимистичных настроениях среди врачей и управленцев учреждений здравоохранения: *«Объемы финансирования клиники с переходом на одноканальное финансирование не изменились. А вот ответственность медицинского персонала увеличивается, перед ОМС за каждую копейку приходится отчитываться кровью и по-*

¹ Шейман И. Теория и практика рыночных отношений в здравоохранении. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 21.

² Шилова Л.С. Отношение населения к модернизации здравоохранения // Управление здравоохранением. 2009. № 2. С. 40.

³ Выступление Г.В. Лысенко, начальника Управления качества медицинской помощи и отраслевой стандартизации Министерства здравоохранения РТ на круглом столе «Качество жизни. Качество здравоохранения».

⁴ Пидде А.Л. Проблемы медицинского страхования в современной России // Экономист лечебного учреждения. 2009. № 7. С. 7.

том. Каких то прогрессивных изменений мы не видим» (заместитель главного врача республиканского диспансера). *«Внедрение всех этих пилотных проектов только усложняет работу, не увеличивая зарплату. Зачастую операция занимает меньше времени, чем заполнение истории болезни. С операции выходишь, голова кружится, а тут еще может кто-то пожаловаться из пациентов, что я его не заметила — не устраивает качество обслуживания»* (врач-хирург гинекологического отделения республиканского учреждения). *«Да, какие изменения происходят в здравоохранении: закупили оборудование в отделение, но на зарплату рядового врача они не влияют, а на 10 тысяч с копейками при нескольких ночных дежурствах в месяц не выживешь. С кризисом благодарных больных стало меньше. Желание лечить пропадает»* (детский врач-офтальмолог республиканского учреждения).

Таким образом, низкая заработная плата и отсутствие поддержки новаций в отрасли здравоохранения повышает риски оппортунизма медицинского персонала в предоставлении медицинских услуг, укрепляя позиционирование пациентов в качестве пассивных потребителей. В отечественном здравоохранении, продуцирующего модель пассивного потребителя, пациенты, впадая в зависимость от врача, вынуждены включаться в практику формирования социальных сетей, формирующих отношения «свой врач – свой круг пациентов», не имеющие ничего общего с деятельностью врача общесемейной практики. В подобных институциональных условиях неудивительна высокая удовлетворенность населения качеством медицинской помощи, демонстрируемая официальной фактографией, которая существенно отличается от результатов, полученных в нашем исследовании.

Удовлетворенность медицинской помощи в РТ по результатам проведенного опроса¹

Медицинскую помощь в нашем исследовании оценили как качественную или скорее качественную 63 % опрошенных, а 18 % считают услуги медиков некачественными или скорее некачественными. По данным же МЗ РТ удовлетворены медицинской помощью 72–80 % жителей. Принятие министерством повышенных обязательств (согласно Соглашению между Минздравсоцразвития РФ, Кабинетом министров РТ и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования (ФОМС) по реализации пилотного проекта, направленного на повышение качества услуг в сфере здравоохранения, удовлетворенность должна быть 82%) может привести к желанию «улучшить» результаты. Понятно, что «улучшение» статистики не приводит к улучшению положения вещей, а напротив, может помешать своевременному реагированию на имеющиеся дефекты.

Для нас стало неожиданностью практически равномерное распределение удовлетворенности среди различных групп респондентов: по 64% пациентов стационаров и респондентов, относящихся к «населению», оценили медицинскую помощь как качественную и скорее качественную. Оценивающих помощь как некачественную несколько больше среди населения: 22 % против 14 % в группе пациентов стационаров. Мы полагали, что пациенты стационаров, находящиеся в стенах лечебного учреждения, проявят понятную осторожность и будут выбирать более высокие оценки, а «население», не находящиеся на лечении, напротив, будут выбирать более низкие оценки, ориентируясь не только на собственные впечатления, но и отзывы близких, знакомых, СМИ.

Несмотря на то, что национальный проект ориентирован на укрепление первичного звена здравоохранения, в целом сопоставимый, но более низкий уровень удовлетворенности демонстрируют пациенты поликлиник: здесь удовлетворенность 58 %, каждый четвертый респондент считает медицинскую помощь некачественной или скорее некачественной. Среди проблем медицинского обслуживания респонденты отмечают длинные очереди к участковому врачу (34 %), многодневные очереди на прием к узкому специалисту (26 %), каждый четвертый (24 %) жалуется на очереди или невозможность пройти УЗИ, ЭКГ, каждый шестой респондент недоволен тем, что очередь на сдачу анализов крови достигает несколько дней.

¹ Исследование проведено в рамках проекта № 08-02-00166а при финансовой поддержки РГНФ при участии А.Р. Андреевой, Л.М. Мухарямовой.

Такое положение вещей указывает на некоторые проблемы не только не решенные в рамках ПНП «Здоровье», но и усугубленные им. Во-первых, дефицит помещений в поликлиниках обостряется требованиями выделять дополнительные помещения на реализацию мероприятий по национальному проекту; дефицит усугубляется и низкими темпами строительства в отрасли. В частности, в РТ было установлено 432 единицы нового медицинского оборудования, что потребовало выделения соответствующих помещений; созданы 169 отделений, офисов общеврачебной практики, в которых работают 826 врачей общей практики, что потребовало дополнительного выделения кабинетов. Во-вторых, несмотря на провозглашение в последние 10 лет приоритетности развития первичного здравоохранения, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ) республики возросла всего на 3,5 %, причем рост был обеспечен за счет города, тогда как на селе мощность АПУ снизилась на 11 %.

Проблемы и перспективы изучения отношения к труду рабочих Крайнего Севера (на примере Магаданской области)

Логун Кристина Александровна,
Магаданский филиал РГГУ

В настоящее время, в начале второго десятилетия XXI века, в социологической науке интерес к изучению отношения к труду начал возрождаться. Это объясняется вполне объективными факторами: если в период рыночных реформ концепт «отношение к труду» как предмет социологических исследований потерял свою привлекательность (А.Л. Темницкий¹), то сейчас, спустя 20 лет после развала СССР и образования новой России, тема труда вновь обретает актуальность. В 60-х гг. XX века исследования осуществлялись в рамках социалистической идеологии, после развала СССР стала формироваться постсоциалистическая идеология, соответственно, произошло изменение трудовых ценностей, что, в свою очередь, повлияло на процесс консолидации новой трудовой идеологии².

Традиционно отношения считаются основной движущей силой личности. По мнению В.Н. Мясищева, отношения личности представляют собой «сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности»³.

Результаты многолетних исследований трудовых отношений под руководством А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова нашли своё отражение в работах «Человек и его работа»⁴, «Человек и его работа в СССР и после»⁵, «Становление трудовых отношений в постсоветской России»⁶ и других. В этих исследованиях отношение к труду определяется характером труда (зависит от типа общественных отношений) и содержанием труда (функциональными особенностями конкретного вида трудовой деятельности), а со стороны субъекта этого отношения — типологическими особенностями личности трудящегося. Содержание труда, так же как и тип личности, предопределено тенденциями развития технического прогресса и общественных отношений. С переходом к рыночной экономике появились исследования по изучению адаптационных процессов в сфере труда и изменению отношения к труду (П.М. Козырева⁷). Как

¹ Темницкий А.Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социс. 2005. № 9. (<http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-9/temnitski.pdf>)

² Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144. (<http://www.ecsocman.edu.ru/data/759/175/1217/Magun-statya-MirRoss-98.pdf>)

³ Мясищев В. Н. Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Ин-т практ. псих.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.

⁴ Человек и его работа / Под ред. А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова. М., 1967.

⁵ Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

⁶ Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический Проект, 2004.

⁷ Козырева П.М. Адаптационные процессы в сфере труда: формирование рыночных качеств и отношение к труду // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 12–32.

отмечает С.Г. Землянухина, в период реформирования произошла трансформация отношения к труду, как на индивидуальном уровне, так и на уровне обществе¹.

В социологической литературе имеется достаточно работ, предметом которых является отношение к труду. Например, в работе Г.Г. Татаровой, Г.П. Бессокирной представлены анализ и эмпирическая интерпретация концепта «отношение к труду», однако, как отмечают авторы, «проблемам многомерного анализа, методикам выделения типов работников в зависимости от отношения к труду уделяется незначительное внимание»². Авторами разработана четырёхкомпонентная модель отношения к труду и выделены шесть типов рабочих по их отношению к труду³. По мнению авторов, предложенная методика типологизации может быть использована и для типологического анализа отношения к труду других групп наемных работников. Ее использование позволит более обоснованно судить о существовании социальных типов работников по их отношению к труду и прогнозировать трудовое поведение.

А.Л. Темницкий, рассматривая типологические категории, исследует терминальное и инструментальное в отношении к труду, выделяет инструментальный тип (рабочие рассматривают работу только как способ заработать и не хотят работать, если бы не нуждались в деньгах) и терминальный тип (хотели бы работать даже в том случае, если бы не нуждались в деньгах и не рассматривают работу только как способ заработать) и делает вывод о том, что для рабочих России наиболее характерен инструментальный тип (43 %). Однако по мнению А.Л. Темницкого, «более привлекательной для сегодняшнего настоящего и недалекого будущего является модель отношения к труду, в которой гармонично сочетаются высокий заработок и уровень содержания труда»⁴. Автор отмечает, что в настоящее время «представляется значимым поиск новых факторов повышения терминального отношения к труду как важнейшей основы противодействия переходу к обществу с обедненным содержанием труда, разрушенными связями работника с предприятием и однофакторной (определяемой только заработком) моделью мотивации труда. Вместе с тем мы понимаем, что в реальности это может стать возможным только тогда, когда ценности творческого и высококвалифицированного труда займут не менее значимое место в жизни людей, чем ценности богатства и потребления»⁵.

Изменению мотивации труда рабочих посвящены работы И.М. Поповой и Г.П. Бессокирной⁶. Как отмечают авторы, мотивацией труда в широком, а точнее, в весьма условном смысле принято называть субъективное отношение работника к труду, его заинтересованность/незаинтересованность в процессе и результатах труда, направленность работника на трудовую деятельность, его побуждение к труду, обуславливающее степень вовлеченности в трудовой процесс⁷.

Однако в представленных этих и других исследованиях эмпирической базой чаще всего являются центральные районы страны (ЦРС). Что касается региональных исследований, посвященных районам Крайнего Севера, то в Магаданской области в последние годы проводились исследования, посвященные ценностным ориентациям личности, жизненным стратегиям северян, системе социальной защиты населения, анализу предприятий сферы услуг г. Магадана и другие⁸. Однако проблеме изучения отношений к труду работников предприятий

¹ Землянухина С.Г. Изменение отношения к труду в процессе реформирования российского общества // Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208773149.pdf

² Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ рабочих по их отношению к труду // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 65.

³ Там же.

⁴ Темницкий А.Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социс. 2005. № 9. (<http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-9/temnitski.pdf>)

⁵ Там же.

⁶ Попова И.М., Бессокирная Г.П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? // Мир России. 2005. № 4. С. 105–137.

⁷ Там же.

⁸ Современная региональная социология: методология и направления исследований магаданских социологов. Магадан: Кордис, 2007.

северных регионов России уделяется недостаточно внимания. Между тем, Магаданская область обладает рядом особенностей, которые определяют специфику социологического исследования. Россия — огромная страна, а отдалённые районы, к которым и относится Магаданская область, или Колыма, — это совсем уникальная специфика, отличающаяся от центральных районов страны (ЦРС). По данным проведённых исследований, лишь 18 % жителей региона не планируют менять местожительства, остальные 82 % нацелены на отъезд в ЦРС¹. Особенно стремятся уехать из Магаданской области молодые люди, которые не видят для себя никаких перспектив, оставшись на Колыме, где низкий уровень заработной платы (в сочетании с высокими ценами) и мало возможностей для карьерного, социального, экономического и других видов развития.

На состоявшемся 24 сентября 2010 года в г. Магадане Форуме «Стратегия 2020» губернатор Магаданской области Николай Дудов отметил, что Колыма входит в десятку крупнейших регионов страны по потенциальным ресурсам минерального сырья и обладает значительными прогнозными запасами полезных ископаемых: золота, серебра, нефти, газа, бурого угля, торфа, меди, молибдена, олова, вольфрама, цеолитами, баритами, базальтовыми породами, строительными материалами, минеральными водами, лечебными грязями². Однако получается противоречие: регион должен развиваться, и для этого есть природные ресурсы, но люди стремятся уехать из региона, а из других регионов желающих переехать мало. По данным Магаданстата, численность населения Магаданской области на начало 2010 года составляла 161,2 тыс. чел.³. К сожалению, эта цифра стремительно уменьшается каждый год. Например, только за последние пять лет население Магаданской области уменьшилось на 13,5 тыс. чел., а за последние двадцать лет население сократилось более чем на 230 тыс. чел.: с 391,7 тыс. чел. в 1989 году до 161,2 тыс. чел. в 2010 году⁴.

Рассмотрим производственную сферу региона. Основу производственной сферы Магаданской области составляют горнодобывающая (60 % от общего объема производства), энергетика (до 20 %) и пищевая отрасли⁵. В структуре промышленного производства доминирующее место занимает золотодобывающая отрасль. Рыбная отрасль по значимости и объемам производства занимает второе место в экономике области. Устойчивая работа энергосистемы имеет важнейшее значение для функционирования всех отраслей промышленности и жизнеобеспечения населения. Пищевая промышленность представлена производством молочных продуктов, хлебобулочных изделий, рыбопереработка и другие. Машиностроительная промышленность представлена ОАО «Магаданский механический завод». Поэтому при отборе предприятий мы сходили из того, что в исследовании должны быть представлены различные сферы: горнодобывающее производство (ОАО «Полиметалл», ЗАО «Омолонская золоторудная компания», ООО «Русская компания феррометаллов», ОАО «Колымская угольная компания»), добыча и переработка рыбы (группа компаний «Морской Волк», ОАО «Усть-Магаданский рыбозавод»), энергетика (ОАО «Магаданэнерго»), пищевая отрасль (ОАО Городской молочный завод «Магаданский», хлебозавод «Магаданский»), машиностроительная отрасль (ОАО «Магаданский механический завод»). В основном это предприятия, относящиеся к среднему и малому бизнесу. Отметим, что на предприятиях горно- и рыбодобывающей отраслей в основном используется вахтовый метод организации труда.

¹ Обзор работы форума «Стратегия 2020» на Колыме // 49. 2010. 28 сентября (№33).

² Форум «Стратегия 2020» в г. Магадане, 24.09.2010 г. // Портал администрации Магаданской области. Магадан, 2010. Режим доступа: <http://www.magadan.ru/ru/government/News/2010/09/24/1285292140338.html>

³ Основные демографические показатели // Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Магаданской области. Магадан, 2010. Режим доступа: <http://www.magadanstat.ru/digital/region1/DocLib/Основные%20демографические%20показатели.htm>

⁴ Там же.

⁵ Экономика Магаданской области. Общие экономические сведения // Портал администрации Магаданской области. Магадан, 2011. Режим доступа: <http://www.magadan.ru/ru/government/Economy/overview.html>

Изучению вахтового метода посвящены исследования В.А. Боровикова¹, Н.С. Давыдовой², Н.А. Маслакова³ и др. Применение вахтового метода организации трудовой деятельности обусловлено производственной необходимостью, возникающей при выполнении работ в отдаленных и вновь осваиваемых районах и на рассредоточенных объектах при территориальной разобщенности: населенных пунктов проживания работников и места приложения труда. Этот способ организации труда позволяет расширить возможности освоения ресурсов и избежать больших капиталовложений в незаселенных местах, сократить сроки проведения работ, обеспечить более равномерную в течение года занятость рабочих на основном производстве. Вахтовый метод особенно применим для организации труда на территориях Крайнего Севера, поскольку северный климат суров и негативно влияет на состояние здоровья человека. Известно, что экстремальная среда Севера предъявляет к физическим возможностям организма человека повышенные требования. Результаты специальных медицинских исследований позволяют сегодня говорить о возможности сохранения здоровья человека в таких суровых климатических условиях, как Крайний Северо-Восток России, при условии выполнения специального комплекса оздоровительных мероприятий: лечебной физкультуры, закаливания, соблюдения особого режима питания и т.д.⁴ У людей, проживающих на территориях Крайнего Севера, отчетливо формируется тенденция усугубления депрессивных состояний (см., например, работу В.А.Лобовой⁵). К сожалению, в настоящее время уже становится общепринятым называть районы Крайнего Северо-Востока России кризисно-депрессивными.

В свете вышеизложенного, становится очевидной актуальность проведения специальных социологических исследований по проблемам изучения отношения к труду рабочих Крайнего Северо-Востока России в современных условиях. Основной методологией исследования является типологический анализ как метаметодика анализа данных (Г.Г. Татарова). Типологический анализ — метаметодика анализа данных, совокупность методов изучения социального феномена, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов, характеризующиеся типологическими признаками, природа которых различна, и интерпретируемых как носители различных типов существования феномена⁶. Изучение отношения к труду рабочих Крайнего Северо-Востока России на основе типологического анализа позволит выявить специфику северного труда, раскрыть особенности отношения к труду рабочих-вахтовиков, прогнозировать развитие северных регионов нашей страны, и, в целом, будет способствовать дальнейшему совершенствованию социологической науки и практики.

Граффити как средство визуального протеста (на примере г. Кургана)

Маисеева Елизавета Владимировна,
Курганский государственный университет

Исследования граффити в России имеет небольшую историю. С.А. Высоцкий и А.А. Медынцева видят в граффити источник важных сведений об истории, культуре, письменности и анализируют местонахождение надписей и рисунков, реконструируют социальную принадлежность авторов, классифицируют граффити по тематическим группам, соотно-

¹ Боровиков В.А. Институционализация социально-трудовых отношений при вахтовом методе организации труда в условиях Крайнего Севера России: на примере нефтегазового комплекса: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.

² Давыдова Н.С. Социальные особенности эффективной деятельности малых форм производственных организаций: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.

³ Маслаков Н.А. Социальные механизмы управления вахтовыми предприятиями на Севере: дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004.

⁴ Белобородов Г.С., Белобородова В.Ф. Здоровье и Север: адаптационные возможности человека в условиях Севера. Магадан: Кордис, 2008.

⁵ Лобова В.А. Социально-психологические закономерности генезиса депрессивных состояний у населения Крайнего Севера: дис. ... докт. психол. наук. М., 2007.

⁶ Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Новый учебник, 2004.

сят их коммуникативные задания с назначением средневековых надписей и рисунков¹. И.И. Толстой рассматривает граффити по хронологии и по тематическому содержанию как явление научно-важное для лингвиста, для историка и для культуры вообще².

На сегодняшний день в отечественной науке существует лишь три диссертационных работы, посвященных проблеме граффити. В исследовании М.И. Гуарамия дается лингвистический анализ немецких граффити; в работе Н.И. Тюкаевой представлена языковая характеристика адресанта и адресата граффити; в психологическом исследовании И.А. Белкина надписи и рисунки рассматриваются как средство конструирования социокультурной реальности, так называемой психосемиотической системы, формирующей сознание индивидов, попадающих в сферу ее влияния³.

В рамках данной статьи освещено выражение визуального протеста на примере граффити г. Кургана, по состоянию на 2010 год. Все районы города были сгруппированы по критерию уровня преступности в них, который наглядно отражен в местных печатных СМИ («Курган и курганцы», «Новый мир», «Меридиан») и сводках новостей телекомпаний Регион-45 и Курганской Городской Телерадиокомпании (КТГТРК). Выделены три группы районов: центр города, благополучные районы (Заозерный, Шевелевка, Швейная фирма), неблагополучные районы (Восточный, Северный, КЗКТ, район Некрасовского рынка).

Выборочная совокупность сформирована из генеральной совокупности, путем отсеивания несодержательных граффити, которые невозможно было отнести ни к одному из типов в рамках выбранных классификаций. В результате такого отбора выборка составила 965 граффити, из которых 15 % от общего числа приходилось на благополучные районы, 36 % на неблагополучные и 48 % граффити были найдены в центре города. Выборка репрезентирует городскую популяцию граффити по районам города.

Существует множество классификаций граффити, но для анализа граффити в рамках данного исследования были отобраны 6 типологий. Д. Бушнелл определяет граффити как средство коммуникации молодежной субкультуры, посредством которого молодежные группировки, с одной стороны, осуществляют внутреннюю коммуникацию, с другой создают коммуникативный барьер между собственным сообществом и остальным миром⁴. В фокусе исследования причины массового появления граффити на стенах советских городов, которые автор связывает с фундаментальными социальными изменениями в советском обществе времен перестройки. Граффити молодежных субкультур, по классификации Бушнелла, включают граффити футбольных фанатов, музыкальные (у Бушнелла «рок-н-рольные») и контркультурные.

Основой фанских граффити является эмблема футбольной команды, используемая и в качестве символа поддержки данной команды, и в качестве маркера данной группировки фанатов. Эмблема может быть включена в позитивный или негативный контекст. Существует универсальный набор инструментов, позволяющих придать эмблеме любого спортивного клуба как позитивный, так и негативный смысл. Положительная оценка, к примеру, выражается путем «коронации» эмблемы. Позитивные и негативные коннотации выражаются также с помощью слов, и, наконец, враждующие группировки просто зачеркивают чужие эмблемы и сверху рисуют свою.

В музыкальные граффити входят названия рок-групп, имена певцов и тексты песен. Показательно практически полное отсутствие граффити, связанных с поп-музыкой. Среди рок-граффити можно встретить надписи почитателей «Битлз», имеющие иногда антимилитаристский характер и сопровождаемые символом пацифика. Значительную часть составляют

¹ Мединцева А.А. Древнерусские надписи новгородского софийского собора XI–XIV века. М., 1978; Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII веков). Киев, 1976.

² Волобоев А.Н. Теоретические подходы к изучению графических изображений в подростково-молодежной среде // Вестн. ун-та. М.: Изд-во ГУУ, 2009. № 6. С. 25–26.

³ Там же. С. 27.

⁴ Бушнелл Д. Грамматика настенных надписей // Психологические особенности самостоятельных подростково-юношеских групп. М., 1990. С. 93–106.

граффити металлистов, а также названия групп, играющих альтернативную музыку. Контркультурные, по Бушнеллу, граффити включают символику и слоганы хиппи, панков, фашистов, скинхедов и других молодежных субкультур.

Согласно типологии Д. Бушнелла, применительно к курганским граффити можно сделать следующие выводы: контркультурные граффити наиболее распространены в г. Кургане (65 %), причем наибольшее число таких граффити приходится на неблагополучные районы (30 %) и центральную часть города (28 %). Наиболее ярко выражают протестное содержание молодые националисты в своих трафаретах, которые в 2010 году приобрели наибольшую популярность. Часто можно увидеть на стенах такие надписи: «Скажи нет заразе!», «Хватит бухать!», «Кури, бухай, рожай уродов!», «Кто бухает, тот уже не решает!», «Бухло не решает!» и др. со ссылкой soprotivlenie.su.

Свое мнение о музыкальных группах и направлениях райтеры запечатлели преимущественно на стенах зданий центральной части города (15 %) и домов благополучных районов (10 %). Это надписи такого содержания: «В. Цой жив!», «Rock not dead», «The Beatles» и др.

Выделенные Д. Бушнеллом в отдельную группу граффити футбольных фанатов не нашли широкого распространения среди курганцев и составили 6 %, из которых наибольшая часть приходится на неблагополучные районы (2 %). Среди таких граффити часто встречались трафаретные изображения общего содержания: «Все на футбол!», реже надписи «Зауралье чемпион», «Локомотив чемпион», «ЦСКА», «Мостовик!».

Если ранжировать граффити по классификации предложенной Дж.М. Гэдсби¹, то применительно к современным уличным рисункам и надписям, можно сделать следующий вывод. Граффити социальной ориентации (81 %) значительно преобладают над политическими (19 %). Чуть меньше половины от всего числа анализируемых единиц приходится социально ориентированные граффити центральной части города (40 %).

Обобщая все вышесказанное, следует сказать, что граффити современного города все больше принимает на себя функцию визуальных форм протеста, посредством которых, жители выражают свое мнение, отношение к существующему политическому строю, социальным проблемам и т.д.

Ф. Боса и Р.М. Помар предлагают следующую схему тематического корпуса граффити: политические (внешне- и внутривнутриполитические); неполитические (эротические, религиозные, наркотические, музыкальные, скатологические (с употреблением грязных, непристойных слов и изображений) остальные)². По этой классификации преимущество оказалось на стороне неполитических граффити (74 %). Наибольшее количество политических изображений и надписей были обнаружены в историческом центре города (17 % от всей выборки). Это те граффити, которые можно воспринимать как способ коммуникации в современном городе. Некоторые из них, такие как трафаретные граффити soprotivlenie.su, носят явный нацистский характер, быстро распространились по городу. Некоторые, которые наносились на стены зданий в предвыборный период («Богомоллов — вор», «Сабакин — друг Чубайса!», «Банду Богомоллова под суд!»), закрашивались, либо забеливались. Есть и несколько надписей внешнеполитического характера (12 %) «Нет НАТО!», «НАТО = война!».

Среди неполитических лидируют граффити, названные авторами наркотическими, однако этот класс граффити требует уточнения: наряду с явно «наркотическими» («Кури гандубас»), к нему отнесены граффити и «антинаркотического» содержания: «Хватит бухать», «кто бухает, тот не выбирает», «Курган — город без наркотиков» и др. Наиболее распространены подобные граффити в неблагополучных районах (24 % от всего количества отобранных единиц анализа), где велик уровень преступности (Восточный поселок, Район уголовно-исправительного учреждения №4). В то время, как в центре города зафиксировано лишь 8 % антинаркотических граффити, а в благополучных районах 1 %.

¹ Gadsby 1995 Gadsby J.M. (1995). Looking at the Writing on the Wall: A Critical Review and Taxonomy of Graffiti Texts. Internet, <http://www.graffiti.org/faq/critical.review.html>. 1996.

² Kozłowska D. Postmodernizm kulturowy w Polsce na przykładzie Pomarańczowej Alternatywy i graffiti: Polska specyfika zjawisk i ich konteksty światowe: MA thesis. Warszawa, 1992.

Д. Козловска представляет современные граффити как феномен культуры постмодернизма, как манифестацию постмодернистского деструктивного и игрового отношения к реальности, снятие оппозиции между частным и общественным, центром и периферией, высоким и низким, искусством и повседневностью. В работе о польских граффити Д. Козловска выделяет следующие тематические группы: метатекстуальные (о граффити, их авторах и месте надписей); экологические и пацифистские; политические и социальные (портреты политиков, «вождей», комментарии к актуальным политическим проблемам, о церкви и религии); молодежные (субкультурные, о наркотиках, о школе), эротические; юмористические; граффити-нонсенс; символические; экзистенциальные, граффити-диалоги, художественные; граффити о поп-культуре.

По этой классификации к метатекстуальным относятся преимущественно теги (подписи райтеров) и иные надписи, не носящие строго политического или социального значения (например, «стена на Гипере»); они составляют 46 % от всех зафиксированных нами граффити в г. Кургане по состоянию на 2010 год. Второе место по распространенности занимают художественные граффити (23 %), которые можно подразделить по стилю шрифта: бомбинг, тэгинг, райтинг, стретчинг, троуап и др.

Таблица

Распределение видов граффити по классификации Д. Козловска по районам г. Кургана (2010 год), %

Виды граффити	Благополучные районы	Неблагополучные районы	Центр города	Итого
метатекстуальные	5,9	15,7	24,6	46,1
художественные	2,9	10,4	9,6	22,9
социальные	0,5	5,3	2,6	8,4
молодежные	2,1	1,2	3,4	6,7
политические	0,7	0,9	2,5	4,2
любовно-эротические	0,6	1,1	1,6	3,3
символические	—*	—	2,6	2,6
юмористические	0,8	0,7	0,9	2,5
граффити-диалоги	1,4	0,1	0,2	1,7
экзистенциальные	0,2	0,4	0,4	1,0
пацифистские	0,1	0,1	—	0,2
граффити-нонсенс	—	0,2	—	0,2
о поп-культуре	0,2	—	—	0,2
Итого	15,4	36,2	48,4	100,0

* «—» показывает отсутствие.

Наибольшее количество молодежных и эротических граффити: «Я люблю тебя, солнышко», «С днем рождения ежик» обнаружено в центре города. Однако в рамках данного исследования следовало бы несколько изменить предложенную Д. Козловска типологию и заметить эротические граффити на «любовно-эротические», исходя из содержания анализируемых граффити г. Кургана. Социальные граффити преобладают в неблагополучных районах (5 %). Граффити-диалоги («Мы здесь были 04.07.2008, здесь тусит школа № 7 20.05.2008», «Тусеньш — золотце, Настюша — милашка, Лизочка — красotka, Ирочка — солнышко, Натюля — лапочка, Юленька — Светик, Симана — зайнька, Ирустик — мышонок, Ванюша — тигренок 22.09.07» и т.д.) чаще встречаются в благополучных районах вблизи учебных заведений: школ, техникумов и училищ.

При всем разнообразии концепций и классификаций, исследователи сходятся на определении граффити как средства коммуникации. В качестве основополагающих черт граффити в этом отношении называют публичный и неофициальный характер этого явления.

Как неофициальная форма массовой коммуникации, граффити находится за рамками социальных институтов и цензуры, является своего рода альтернативой официальному дискурсу. В связи с этим отмечается, что места, где чаще всего можно встретить граффити, это, как правило, маргинальные зоны городского пространства, скрытые за парадным фасадом города. Местами скопления граффити являются подземные переходы, бетонные барьеры автотрасс, территория железнодорожных вокзалов и т.п. В любом городе есть свои «стены», на которых райтеры периодически обновляют граффити. В Кургане два таких общеизвестных места: «Стена на Гипере», длинный бетонный забор, находящийся напротив уголовно-исправительного учреждения № 4 и стена у железнодорожных путей в районе Некрасовского моста.

Как студенты воспринимают учебные курсы?

Малахова Наталья Алексеевна, *НИУ ВШЭ*

Как студенты воспринимают учебные курсы? Есть ли среди них предметы, которые кажутся похожими или совершенно разными? Имеются ли какие-то основные характеристики, по которым оцениваются данные курсы? На эти и некоторые другие вопросы мы постараемся ответить в данной работе.

Для получения ответов на вышеназванные вопросы, студентам был предложен набор карточек с предметами, которые они изучали на 1–3 курсах. Их попросили распределить данные предметы по группам, так чтобы в одну группу попали близкие по их мнению друг к другу предметы. Всего в анализе участвовало 34 объекта (см. список предметов в Приложении 1). Всего было опрошено 15 студентов третьего курса факультета социологии НИУ ВШЭ. Опрос проводился в 2010 году. Была построена матрица близостей таким образом, что если пара курсов попадала в одну группу, к степени их близости добавлялся 1 балл. Следовательно, если у всех 15 респондентов курсы попадали в 1 группу, у них была самая большая близость, равная 15. Если курсы ни разу не встречались вместе, их близость была равна 0. Полученная матрица близостей была проанализирована с помощью многомерного шкалирования в пакете SPSS и методом кластеризации в пакете R¹.

При кластеризации было получено 3 кластера, при использовании многомерного шкалирования — 4 группы. Предметы, оказавшиеся близкими (в одной группе), в многомерном шкалировании также оказывались близкими при кластеризации. Схожесть решений была статистически подтверждена¹ (см. результаты в Приложениях 2 и 3).

Также мы постарались определить, на основе чего была получена подобная структура. Все курсы, которые читаются студентам-социологам, относятся к определенным кафедрам. На факультете социологии НИУ ВШЭ 3 кафедры: теория социологии, экономическая социология или методы социологических исследований. Кроме того студенты проходят предметы, которые читаются не в рамках факультета социологии (мы объединили их в группу «общее-университетские курсы»). Содержание курсов зависит от того, в рамках какой кафедры они читаются, поэтому студенты при группировании предметов могли ориентироваться именно на кафедру, к которой относится тот или иной курс. Итак, первым нашим предположением было то, что курсы разгруппированы на основании кафедры в рамках которой они читаются. Статистическая проверка показала, что наше предположение неверно². Ни результаты многомерного шкалирования, ни результаты кластеризации не показали значимой статистической связи распределением курсов по кафедрам.

¹ Использовался коэффициент Лямбда между переменными принадлежности предмета к определенной группе после использования многомерного шкалирования и кластеризации.

² Использовался коэффициент Лямбда между переменными принадлежности предмета к определенной группе после использования многомерного шкалирования / кластеризации и переменной принадлежности курса к кафедре и к определенному направлению.

Также было проведено несколько нестандартизированных интервью со студентами факультета социологии, по результатам которых была выдвинута еще одна гипотеза: студенты оценивают курсы относительно того какой базис у того или иного курса (математический, теоретический или экономический). На математических курсах студентам приходится использовать математический аппарат, решать различные задачи, учить формулы и т.д., в рамках теоретических курсов — читать большой объем литературы, обсуждать прочитанную литературу на семинарах. На курсах экономической направленности студенты изучают различные экономические и экономико-социологические теории, разбирают различные кейсы в рамках данных теорий. Данная гипотеза нашла подтверждение на статистическом уровне.

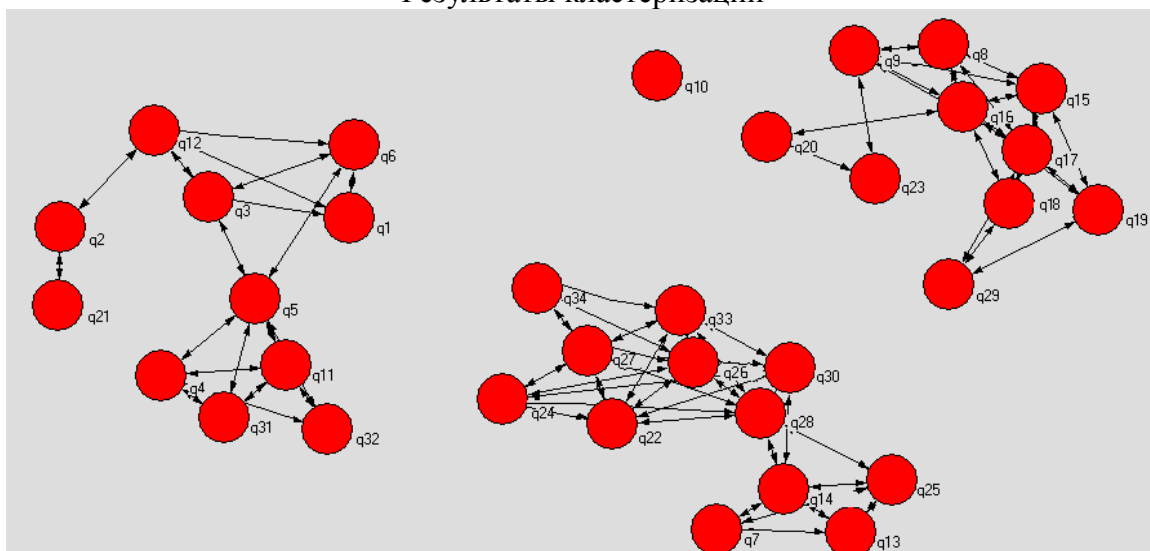
Итак, в рамках данного проекта нами была найдена довольно устойчивая структура отношения студентов к изучаемым ими курсам, а также найдена основа полученной структуры. Основой является базис курса: математический, теоретический или экономический.

Приложение 1

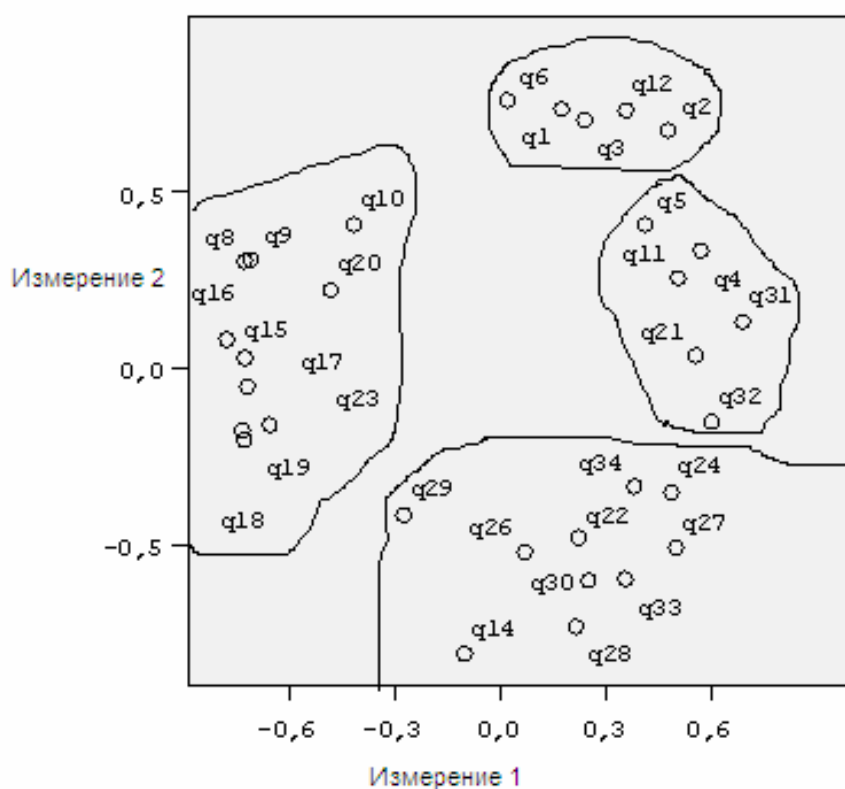
Список предметов

1. Отечественная и мировая история
2. Психология
3. Русский язык и культура письменной речи
4. Общая социология
5. Философия
6. Логика
7. Экономическая теория (микроэкономика)
8. Алгебра и анализ
9. Дискретная математика для социологов
10. Прикладное программное обеспечение
11. История социологии
12. Теория права
13. Экономическая теория (макроэкономика)
14. Институциональная экономика
15. Теоретико-вероятностные модели в социологии
16. Математико-статистические модели в социологии
17. Анализ социологических данных¹
18. Методы социологических исследований
19. Практикум по методам социологического исследования
20. Демография
21. Социальная психология
22. Экономическая социология
23. Социальная статистика
24. Социальная и экономическая антропология
25. Экономика труда
26. Социология потребления
27. Социология труда и занятости
28. Социология финансового поведения населения
29. Практикум по экономической социологии
30. Социология деловых организаций и инноваций
31. Современные социологические теории
32. Классики социологии: текстуальный анализ
33. Социология хозяйственного развития
34. Социальная структура и социальная стратификация

Результаты кластеризации

Результаты многомерного шкалирования

Интеграция немецкого социологического сообщества (1960–2000-е гг.)

Мануильская Ксения Максимовна,
Институт социологии РАН

Интеграция и дифференциация — органические составляющие развития науки, в том числе и социологии. До XX века доминирующим являлся процесс *дифференциации*, когда постепенно возникали все новые науки, изучающие отдельные области действительности. Научные дисциплины развивались, как правило, параллельно. С началом XX века ситуация меняется: появляются и начинают развиваться так называемые стыковые дисциплины (биофи-

зика, биохимия и т.д.). Для решения ряда научных задач требуется комплексный подход; знаний, накопленных одной наукой, становится недостаточно. В связи с этим на первое место в развитии наук выходят *интеграционные процессы*.

Процессы интеграции и дифференциации в социологии проявляются в различных контекстах. Во-первых, в контексте научного знания, где они находят отражение в разработке теоретико-методологических оснований и понятийного аппарата науки; в характере и направлениях эмпирических исследований. Во-вторых, в контексте научного сообщества, а именно в способах и формах его организации (самоорганизации). Интеграция и дифференциация научного знания и научного сообщества — взаимообусловленные процессы. Немецкое исследовательское сообщество в настоящий момент достигло высокого уровня интеграции. Этому предшествовал долгий путь: интеграционные процессы были зафиксированы еще в XIX веке¹, наиболее активно они стали развиваться с 60-х годов XX века². Рассмотрим, основные особенности интеграции исследовательского сообщества в Германии.

Основными материалами, на которые мы опирались при изучении интегративных процессов исследовательского сообщества Германии, стали различные немецкоязычные источники, а также данные экспертных интервью с ведущими немецкими специалистами по истории эмпирических исследований. Экспертный опрос был проведен в 2006 году и включал два этапа: онлайн-опрос, в результате которого было получено восемь интервью, и персональные интервью: было проведено четыре беседы с экспертами в Институте коммуникативных исследований университета Мюнстера, в Институте демоскопии в Алленсбахе, а также в Центральном архиве в Кельне. Так же при анализе мы опирались на труды М. Каазе, В. Отта, И. Шойха, Э. Ноэль-Нойман, Д. Кауфманна, Д. Франке, Й. Шариота, Т. Петерсена, А. Шолля.

Почему интегративные процессы в исследовательском сообществе стали активно развиваться именно с 1960-х годов? Стремление к интеграции было обусловлено особенностями послевоенного развития эмпирических исследований. Во-первых, для страны в целом была характерна тенденция отказа от нацистского прошлого. Эта тенденция коснулась и эмпирических исследований: прошлые наработки не принимались во внимание, многие из них были утрачены. Эти процессы обусловили вторую особенность послевоенного развития эмпирических исследований, происходит переориентация на опыт других стран, прежде всего США. Исследования начинают развиваться в духе *американской эмпирической традиции*, что, в свою очередь, привело к третьей особенности — к появлению новой сферы *маркетинговых исследований*, развитие которых происходит во вновь возникших *частных исследовательских институтах*. Таким образом, в первые послевоенные годы происходит размежевание исследовательского сообщества, происходит его разделение на два поля: частные институты и университетские исследовательские центры. Наиболее известными частными исследовательскими институтами того времени были *DIVO-институт*, *Институт маркетинговых и социальных исследований*, *Институт демоскопии*; среди университетских следует упомянуть исследовательские центры в *Кельне* и *Мангейме*, *Институт социальных исследований во Франкфурте*³. Сотрудничество между ними не было налажено, и проводимые исследования не координировались ни тематически, ни в плане методики и техники.

Исследователи, прежде всего представители университетской среды, довольно быстро осознают дуализм развития. Ими предпринимаются попытки к диалогу и обмену мнениями. Наиболее ярким примером стремления к объединению и интеграции стало Социологическое заседание 1951 года в Вайнхаймере⁴. На Заседании присутствовали представители более тридцати крупных исследовательских институтов, как частных, так и университетских. Обсуждались наболевшие вопросы исследовательской практики, методологические и организаци-

¹ Мануильская К.М. Становление и развитие эмпирических исследований в немецкой социологии // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 78–92.

² Scheuch E. Infrastrukturen fuer die sozialwissenschaftliche Forschung. Bonn: IZ Sozialwiss., 2004.

³ Kaase M. Wahlsoziologie Heute. Opladen, 1977. S. 453 и по данным экспертного интервью с М. Каазе.

⁴ Kaase M., Ott W., Scheuch E. (Hrsg.). Empirische Sozialforschung in der modernen Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1983.

онные вопросы, статус социологи. Это была попытка наладить конструктивное взаимодействие между представителями университетов, внеуниверситетских центров и частных институтов. К сожалению, эта цель не была достигнута. Однако, как показало изучение последующих этапов развития эмпирических исследований, это Заседание сыграло в дальнейшем немаловажную роль. Во-первых, представителями обеих «фракций» исследовательского сообщества была осознана необходимость интеграции; во-вторых, были заданы дальнейшие вектора развития, прежде всего методического; в-третьих, хоть и не регулярно подобные заседания стали проводиться и в дальнейшем.

Анализ немецкоязычной литературы свидетельствует о том, что попытки интеграции были уже заметны с середины 1950-х годов, когда возникают первые объединения и союзы исследователей. Например, ADM — Рабочая группа немецких маркетинговых и социальных институтов, ASI — Сообщество социально-научных институтов. Развивалось сотрудничество с международными организациями: ESOMAR, WAPOR, CESSDA, IFDO, ICPSR¹.

К началу 1960-х годов уже большинство немецких социологов-практиков видят основную задачу исследовательского сообщества в интеграции и консолидации. Подобные настроения были характерны в первую очередь для университетской среды. Именно в ней зародилась идея создать *Инфраструктуру социологического исследования*², сыгравшая решающую роль в интеграции немецкого социологического сообщества. Для понимания особенностей процессов интеграции обратимся к истории ее создания и анализ деятельности.

Университетские исследования в первые послевоенные десятилетия имели довольно шаткие позиции. Если маркетинговые исследования и исследования общественного мнения в Германии к 1960-м годам вне университетской среды уже стали привычным явлением, то академической науке приходилось бороться за легитимацию опроса как метода. От науки ждали получение главным образом практически значимой информации, могущей служить инструментом контрпропаганды. Ученые-эмпирики вынуждены были тратить большие усилия на то, чтобы отстоять свои позиции. В подобных обстоятельствах создание объединяющей организации, гарантирующей определенный уровень и качество проводимых исследований, представляется вполне логичным.

Создание *Инфраструктуры* началось с организации Центрального Архива в Кельне в 1960 году и, прежде всего, связано с именами Ирвина Шойха и Гюнтера Шмольдерса. Первый является ее фактическим основателем, второй — основным идеологом и руководителем³. Базовой идеей ее создания стала установка, что наука прогрессирует через сравнение и обмен опытом. Главная цель составляющих ее подсистем в информационно-организационном плане — обеспечение процесса социального исследования. По замыслу Шойха, *Инфраструктура для социального исследования* тесно сотрудничает с частными институтами и организациями государственной статистики. Первые полезны, так как обладают широким предметным полем, вторые поставляют материал для сравнительного анализа общества⁴. *Инфраструктура* в том виде, как она функционирует и по сей день, сформировалась к 1980-м годам. Сейчас в *Инфраструктуру* образуют следующие организации:

— Центральный архив эмпирических социальных исследований (Zentralarchiv fuer Empirische Sozialforschung (ZA)), где хранятся эмпирические данные, включая методические материалы, проведенных социальных исследований. Центральный архив положил начало созданию *Инфраструктуры*. Он был основан в 1960 г. Гюнтером Шмольдерсом. Согласно концепции, заложенной в него создателями, это был бы не просто архив данных, но и система регулярного предоставления информации о проведенных и текущих исследованиях. Для достижения этой цели были запланированы ежегодные опросы немецких социальных исследователей о проектах, в которых они принимают участие. В 1969 г. появился соответствующий

¹ Scheuch E. Infrastrukturen fuer die sozialwissenschaftliche Forschung. Bonn: IZ Sozialwiss., 2004. S. 80.

² Это понятие ввел И. Шойх, см.: Scheuch E.K. Infrastrukturen fuer die sozialwissenschaftliche Forschung. Bonn: IZ Sozialwiss., 2004.

³ Ibid. S. 104.

⁴ Scheuch E. Infrastrukturen fuer die sozialwissenschaftliche Forschung. Bonn : IZ Sozialwiss., 2004. S. 11.

отдел. Впоследствии он трансформировался в самостоятельную организацию инфраструктуры — Информационный центр социальных наук в Бонне.

— Информационный центр по социальным наукам (1969 г., Informationszentrum Sozialwissenschaften (IZ)) призван собирать информацию о планируемых и проводимых исследованиях. С этой целью проводится ежегодный опрос исследователей. Со временем стала очевидной необходимость фиксации не только завершенных исследований, но текущих и запланированных проектов. Это привело к созданию в 1974 году в Манхайме *Центра опросов, методов и анализа*.

— Центр опросов, методов и анализа (1974 г., Zentrum fuer Umfragen, Methoden und Analyse (ZUMA)) разрабатывает стандарты проведения исследования, помогает в организации методической и полевой работы. ZUMA активно сотрудничает с различными исследовательскими институтами, в том числе и частными. Он призван оказывать помощь на всех этапах исследования: от рекомендаций по операционализации целей и задач опроса, дизайна анкет до статистической обработки результатов.

Постепенно назрела потребность в координации и централизации деятельности и финансирования существующих организаций. В 1987 году было основано Общество социально-научных организаций Инфраструктуры — Gesellschaft Sozialwissenschaftlicher Infrastruktureinrichtungen (GESIS) — головная организация инфраструктуры. По замыслу создателей основная цель ее работы отслеживать динамику развития эмпирических исследований, обеспечивать доступность собираемой информации.

К концу 1980-х годов Инфраструктура была окончательно сформирована, и с этого момента можно говорить об институционализированной интеграции исследовательского сообщества. Отличительной особенностью *Инфраструктуры* является комплексный подход к исследовательскому процессу. Предоставление информации о текущих, запланированных и проведенных исследованиях и оказание поддержки исследователям является важным стимулом и фактором интеграции социологического сообщества и знания. Важной составляющей интеграции стал толерантный подход и общедоступность информации. Разумеется, в начале пути никто не думал о таком понятии как «Инфраструктура» и о том, какие перспективы открываются за ним. Изначально речь шла о создании архива эмпирических данных социальных исследований. Он был призван обеспечить социальным ученым доступ к данным высокого качества, в том числе и для их вторичного анализа.

Постепенно *Инфраструктура* стала площадкой, обеспечивающей интеграцию исследовательского сообщества в единую сеть, слаженная деятельность составляющих ее организаций создала общее информационное пространство. Сильно изменился образ исследовательского сообщества, изменился подход к проведению исследований. В частности, создание и функционирование *Инфраструктуры* привело к увеличению внимания к методическим проблемам. Естественным результатом активного развития исследовательской отрасли становится *методическая дифференциация*. Благодаря интегративной деятельности Инфраструктуры и необходимости комплексного решения большинства социальных и маркетинговых задач, это не привело размежеванию социологического сообщества и концентрации исследовательских групп на тех или иных методах, а стало поводом для научной и методической рефлексии, поводом для осознания и решения методических проблем.

Интеграция немецкого исследовательского сообщества происходила не только в рамках развития *Инфраструктуры*. Появлялись и другие объединяющие организации. Важной вехой в развитии интегративных процессов и свидетельством перехода на новый уровень развития исследовательского сообщества стало Социологическое Заседание в Гейдельберге (1981 г.), на котором была критически проанализирована исследовательская деятельность за последние тридцать лет. Его проведение своеобразный маркер интеграции. В качестве одной из актуальных ставилась задача повысить доверие общества к результатам эмпирических исследований, которые на момент Заседания подвергались серьезной критике, их значимость оценивалась гораздо ниже значимости естественнонаучных исследований. Предпосылки для успешного развития существуют и заключаются в первую очередь в готовности к открытому

обмену мнениями и сотрудничеству внутри и между различными направлениями. Под направлениями подразумеваются частные и университетские исследовательские институты.

С 1980-х годов начинается новый этап в развитии эмпирических исследований с преобладанием тенденций дифференциации: происходит расширение предметных областей исследований, появляются новые теоретико-методологические подходы. Эти процессы приводят к *атомизации* научного сообщества, однако постулируется *стремление к открытости и доступности материалов исследований*, что рассматривается как неременное условие повышения их качества. Первичные данные часто размещаются в открытом доступе, они могут подвергаться свободной критике. Это практикуется в интернете и ряде социологических журналов. Эти действия делают исследовательский процесс более прозрачным, способствуют обсуждению и критике результатов, что является свидетельством наличия интегративных тенденций в исследовательском сообществе.

В 1990–2000-х гг. сохраняется дуализм развития эмпирических исследований и исследовательского сообщества, по-прежнему отмечаются как процессы интеграции, так и дифференциации. Многообразие исследовательских тем, методов анализа, исследовательских подходов, то есть структурная дифференциация создают новый уровень интеграции исследовательского сообщества, которую обеспечивает, прежде всего, наличие инфраструктуры и единого информационного пространства. Можно утверждать, что происходит выход на новый уровень интеграции, о чем свидетельствует стремление к научной и методической рефлексии.

Анализ качества опросника для измерения умения студентов управлять своим временем¹

Маслак Анатолий Андреевич,
Лях Александр Сергеевич,
*Славянский-на-Кубани государственный
педагогический институт*

Большинство исследуемых переменных в социальных системах являются латентными (скрытыми, ненаблюдаемыми), т.е. не измеряются в явном виде как длина или вес в физике. Примерами латентных переменных являются «уровень учебных достижений», «уровень патриотизма», «уровень толерантности», «уровень здоровья», «уровень компетентности» и многие другие. Латентные переменные проявляются через так называемые индикаторные переменные. Целью работы является анализ качества опросника для измерения компетентности студентов во времени (time management), в котором предусматривалась возможность на каждое утверждение выбирать один из трех вариантов ответа: 2 – да; 1 – иногда; 0 – нет², см. таблицу 1.

Для измерения латентной переменной — компетентности во времени — использовалась диалоговая система RUMM2020³. И уровень компетентности студентов во времени, и сами индикаторные переменные измерялись на одной и той же шкале. Анализ качества опросника проведен на основе статистических характеристик индикаторных переменных⁴. В таблице 2 индикаторные переменные упорядочены по их местоположению на шкале «уровень компетентности во времени» от минимального (–4,954 логита) до максимального значения (1,789 логита).

Для иллюстрации рассмотрим наиболее отличительные индикаторные переменные:

— наиболее легкую индикаторную переменную, характеризующую наименьший уровень компетентности во времени;

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 08-06-00694а на выполнение научного проекта Разработка методики анализа качества опросников для измерения латентных переменных.

² Калинин С.И. Тайм-менеджмент: Практикум по управлению временем. СПб.: Речь, 2006.

³ Andrich D., Sheridan B., Luo G. RUMM2020: Rasch Unidimensional Measurement: Models software and manual. Perth: RUMM Laboratory, 1997–2005.

⁴ Маслак А.А. Измерение латентных переменных в социально-экономических системах: теория и практика. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2011.

Таблица 1

Индикаторные переменные, характеризующие уровень компетентности во времени

№ пп	Индикаторы
<i>i1</i>	В любой работе я стараюсь иметь запас (резерв) времени, выделяю своего рода «неприкосновенное время» на всякий случай
<i>i2</i>	Я четко знаю свои долгосрочные цели, постоянно держу их в уме и периодически обдумываю способы их достижения
<i>i3</i>	Я регулярно использую делегирование, поручая другим людям выполнение важных для меня задач
<i>i4</i>	Я подробно планирую шаги, этапы достижения своих целей
<i>i5</i>	Я понимаю, что общение с друзьями в рабочее время – помеха, и стараюсь избегать таких ситуаций
<i>i6</i>	Я уважаю и ценю свое время и стараюсь добиться уважения к своему времени и от других людей
<i>i7</i>	Для планирования своего времени я использую записи
<i>i8</i>	Каждый рабочий день я начинаю с того, что нужно сделать в первую очередь
<i>i9</i>	В своих делах я строго придерживаюсь установленных мною же сроков
<i>i10</i>	Я хорошо знаю собственные биоритмы и планирую свои дела с учетом своих «внутренних часов»
<i>i11</i>	Я умею и стараюсь коротко говорить по телефону
<i>i12</i>	Я довольно настойчивый человек и обычно, несмотря на помехи и отвлечения, продолжаю работать по плану
<i>i13</i>	Перед началом любой работы я тщательно обдумываю ее планирую, что мне может понадобиться, сроки и этапы работы и т.п.
<i>i14</i>	Я умею говорить «нет» неожиданным делам и людям
<i>i15</i>	В конце рабочего дня я анализирую все, что произошло, обдумываю, что мне мешало, а что помогало вовремя выполнить работу
<i>i16</i>	Рутинные дела я стараюсь делать крупными блоками, быстро, словно «поток»
<i>i17</i>	Я регулярно работаю с органайзером, записной книжкой и т.п. средствами, помогающими лучше управлять своим временем
<i>i18</i>	Я умею браться за любую работу быстро и решительно, без лишней «раскачки»
<i>i19</i>	Даже случайные потери времени (вроде стояния в очереди) я стараюсь использовать с пользой
<i>i20</i>	Я считаю, что отдых – это смена деятельности, его также надо планировать и продумывать
<i>i21</i>	Мне легко просить помощи у других людей, в особенности, если это поможет мне лучше распределить и спланировать мое время
<i>i22</i>	Обычно я легко понимаю, какие из моих дел являются наиболее важными, и их нужно выполнить в первую очередь
<i>i23</i>	Я имею четкое представление о своей будущей карьере
<i>i24</i>	Я раньше интересовался различными системами и методами управления временем
<i>i25</i>	У меня есть собственная система управления личным временем

— наиболее трудную индикаторную переменную, характеризующую наибольший уровень компетентности во времени;

— наиболее адекватную модели измерений индикаторную переменную;

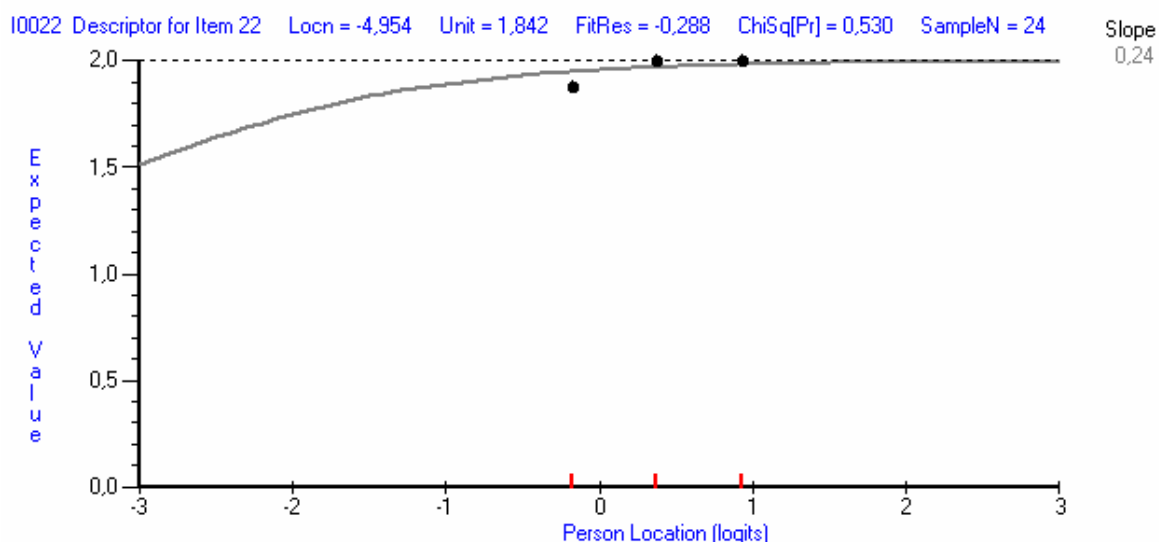
— наименее адекватную модели измерений индикаторную переменную.

Согласно табл. 2, самой **легкой** индикаторной переменной является *i22* «Обычно я легко понимаю, какие из моих дел являются наиболее важными, и их нужно выполнить в первую очередь»; ее характеристическая кривая представлена на рис. 1.

Таблица 2

Характеристики индикаторных переменных «уровень компетентности во времени»

Номер индикаторной переменной	Значение индикаторной переменной (логиты)	Стандартная ошибка (логиты)	Значение статистики Хи-квадрат	Уровень значимости статистики Хи-квадрат
<i>i22</i>	-4,954	1,144	1,269	0,530
<i>i6</i>	-1,217	0,395	2,716	0,257
<i>i4</i>	-0,840	0,339	0,832	0,660
<i>i2</i>	-0,665	0,314	3,174	0,205
<i>i8</i>	-0,453	0,280	0,469	0,791
<i>i13</i>	-0,314	0,300	2,328	0,312
<i>i14</i>	-0,161	0,273	0,454	0,797
<i>i21</i>	-0,100	0,266	1,390	0,499
<i>i10</i>	-0,095	0,259	0,759	0,684
<i>i12</i>	-0,083	0,263	0,399	0,819
<i>i20</i>	0,004	0,239	0,766	0,682
<i>i1</i>	0,078	0,267	1,127	0,569
<i>i11</i>	0,206	0,252	7,051	0,029
<i>i15</i>	0,216	0,263	0,504	0,777
<i>i9</i>	0,329	0,325	2,016	0,365
<i>i5</i>	0,364	0,268	0,966	0,617
<i>i16</i>	0,367	0,234	3,271	0,195
<i>i18</i>	0,408	0,250	0,112	0,946
<i>i19</i>	0,521	0,269	2,241	0,326
<i>i25</i>	0,731	0,237	2,131	0,345
<i>i23</i>	0,853	0,244	0,742	0,690
<i>i24</i>	0,875	0,242	0,053	0,974
<i>i17</i>	0,888	0,282	1,576	0,455
<i>i7</i>	1,251	0,319	4,426	0,109
<i>i3</i>	1,789	0,372	0,063	0,969

Рис. 1. Характеристическая кривая для индикаторной переменной *i22*.

Этот и другие рисунки с характеристическими кривыми имеют следующую структуру. По оси абсцисс отложены значения уровня компетентности во времени (в логитах). По оси ординат откладывается вероятность ожидаемого значения индикаторной переменной (Expected Value). В верхней части рисунка расположена следующая информация:

— код индикаторной переменной (I0022);

- название индикаторной переменной (здесь названия заданий выбраны по умолчанию, в данных случаях это Descriptor for Item 22);
- характеристическое значение индикаторной переменной ($Locn = -4,954$);
- суммарное отклонение данных индикаторной переменной от ожидаемых на основе модели Раша ($FitRes = -0,288$);
- степень соответствия индикаторной переменной модели Раша ($ChiSq[Pr] = 0,530$);
- объем выборки объектов ($Sample N = 24$).
- наклон характеристической кривой в середине диапазона ожидаемых значений ($Slope=0,24$).

Здесь наибольший интерес представляет степень соответствия индикаторной переменной модели Раша ($ChiSq[Pr]$), поскольку именно этот показатель позволяет определить пригодность рассматриваемой индикаторной переменной для измерения уровня компетентности студентов во времени. Адекватность индикаторной переменной модели измерения определялась следующим образом. Испытуемые по полученным оценкам уровня управления своим временем (представленные в виде верхней гистограммы на рис. 5) делились на несколько групп. Число групп выбрано равным трем. Далее для каждой группы вычисляется среднее значение измеряемой латентной переменной (умение управлять своим временем). Эти значения на рис. 1-4 представлены точками. Характеристическая кривая индикаторной переменной строится на основе модели Раша исходя из ее трудности (местоположения на шкале латентной переменной) в зависимости от компетенции испытуемых. Далее на основе критерия Хи-квадрат определяется степень близости этих трех экспериментальных точек характеристической кривой.

Поскольку индикаторная переменная *i22* является наиболее легкой (ее характеристическое значение равно $Locn = -4,954$), ее характеристическая кривая расположена выше остальных, т.е. все испытуемые получили высокие значения по этому индикатору. Эта индикаторная переменная лучше всего дифференцирует испытуемых с наименьшим уровнем компетентности во времени.

Самой **трудной** индикаторной переменной является *i3* «Я регулярно использую делегирование, поручая другим людям выполнение важных для меня задач», см. рис. 2.

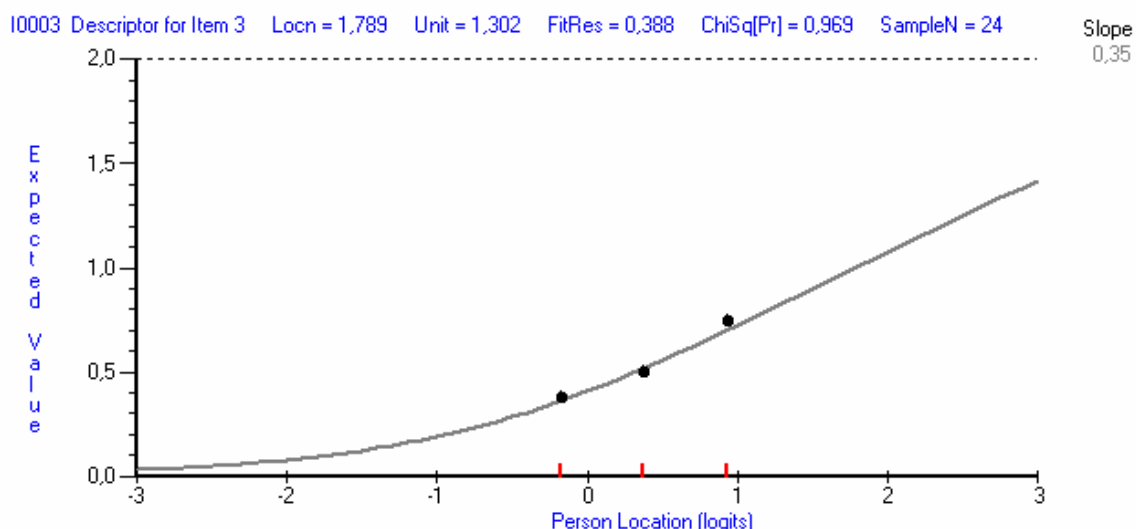

Рис. 2 Характеристическая кривая для индикаторной переменной *i3*.

Данная индикаторная переменная лучше других дифференцирует испытуемых с высоким уровнем компетентности во времени; соответственно, ее характеристическая кривая расположена ниже остальных.

Наиболее адекватной индикаторной переменной является *i24* «Я раньше интересовался различными системами и методами управления временем», см. рис. 3. Для индикаторной переменной *i24* значение статистики Хи-квадрат равно 0,053 (табл. 2). Эмпирический уровень

значимости этой статистики при $(3-1)=2$ степенях свободы равен $\text{ChiSq}[\text{Pr}] = 0,974$. Это иллюстрируется тем, что эмпирические точки практически лежат на характеристической кривой (рис. 3).

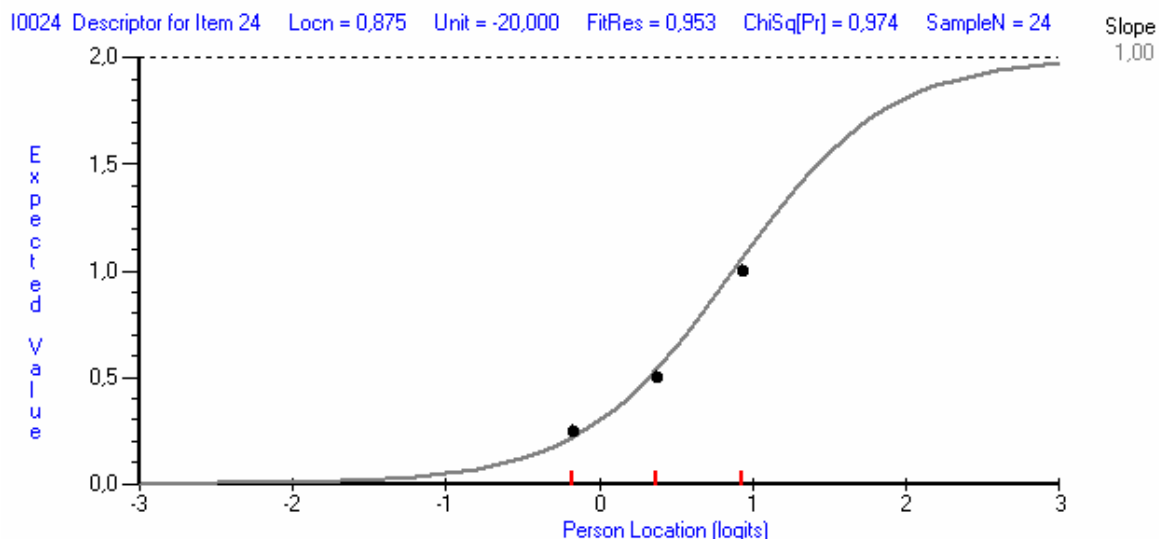

Рис. 3. Характеристическая кривая для индикаторной переменной *i24*.

Наименее адекватной модели измерения является переменная *i11* «Я умею и стараюсь коротко говорить по телефону», см. рис. 4.

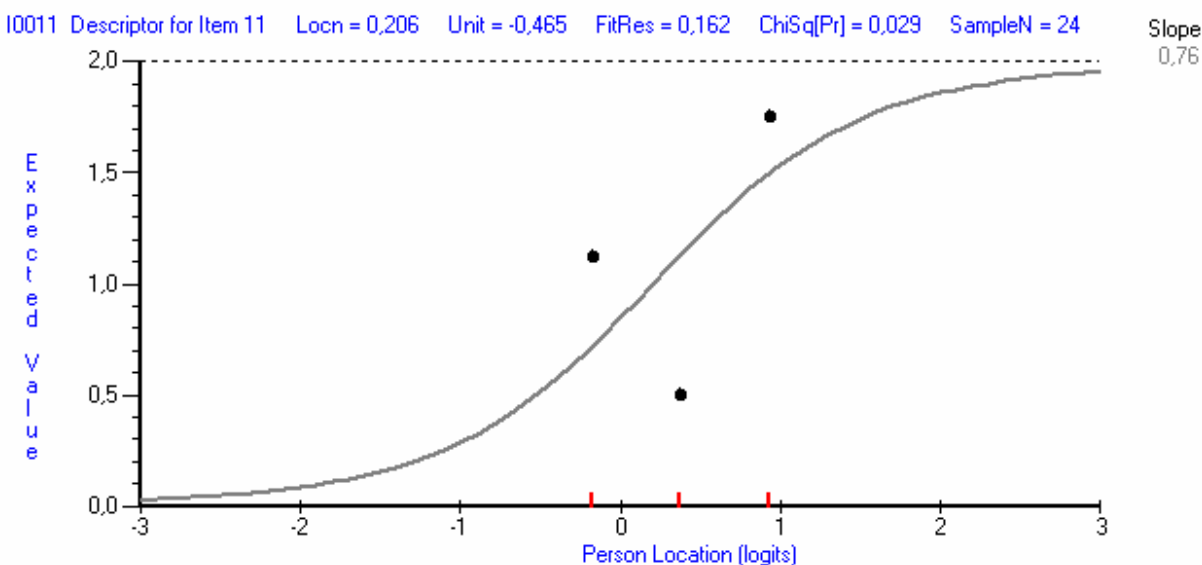

Рис. 4 Характеристическая кривая для индикаторной переменной *i24*.

Для индикаторной переменной *i11* значение статистики Хи-квадрат равно 7,051 (табл. 2). Эмпирический уровень значимости этой статистики при $(3-1)=2$ степенях свободы равен $\text{ChiSq}[\text{Pr}] = 0,029$. Это иллюстрируется тем, что эмпирические точки расположены далеко от характеристической кривой (рис. 4). Латентная переменная «уровень компетентности во времени» и информативность индикаторных переменных измеряется на одной и той же линейной шкале: в верхней части рис. 5 находится гистограмма, показывающая распределение испытуемых по уровню компетентности во времени, в нижней части рисунка показано распределение индикаторных переменных на той же самой шкале. Здесь *persons* соответствуют испытуемым, а *items* — индикаторным переменным. Показано, что:

— уровень компетентности испытуемых во времени близок к нормальному распределению, хотя диапазон варьирования испытуемых достаточно небольшой — 2 логита (от $-0,4$ до

1,4 логита); это свидетельствует о том, что выбранный набор индикаторных переменных дифференцирует испытуемых;

— набор индикаторных переменных также распределен по нормальному закону; индикаторные переменные варьируются в большем диапазоне (от $-5,0$ до $1,8$ логита).

— между двумя этими наборами (испытуемыми и индикаторными переменными) есть незначительное смещение: различие между соответствующими средними равно $0,378$ логита.

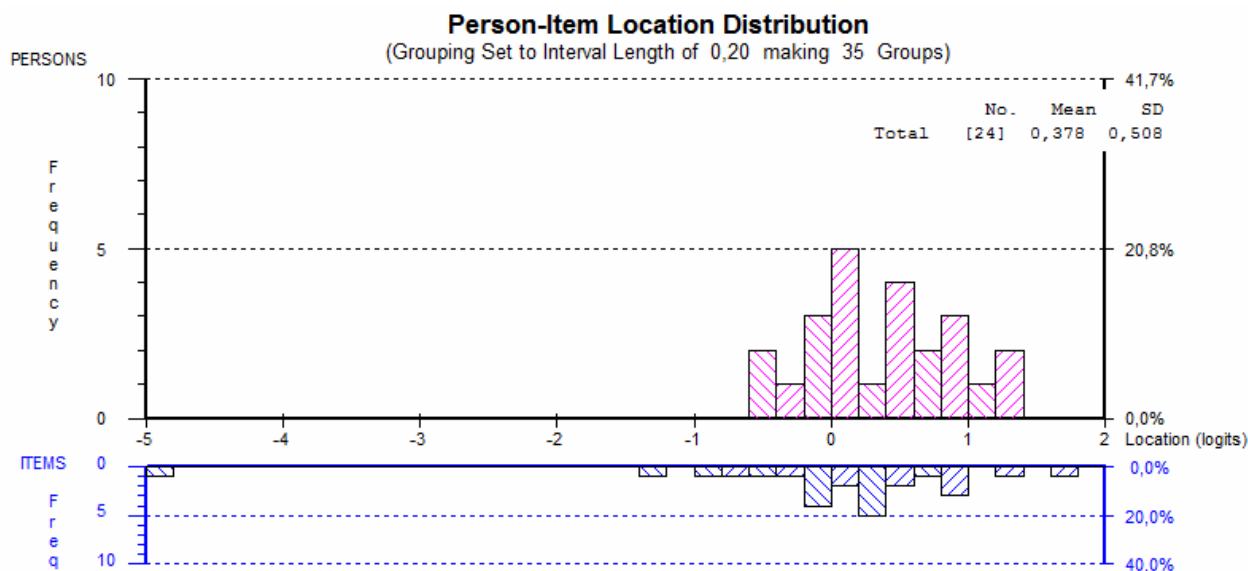

Рис. 5. Соотношение между уровнем компетентности во времени и индикаторными переменными.

Выводы

1. На основе методики измерения латентных переменных проведен анализ качества опросника для измерения уровня компетентности во времени. Трудность опросника соответствуют уровню сформированности измеряемой компетенции. Опросник достаточно хорошо (в пределах двух логит) дифференцирует студентов по измеряемой компетенции. Практически все индикаторные переменные совместимы, это означает, что они измеряют одну и ту же латентную переменную.

2. Уровень компетентности во времени определяется операционально. Корректируя индикаторные переменные, можно уточнять смысл измеряемой латентной переменной «компетентность во времени».

Социология устойчивого развития: информационная интерпретация данных переписей населения

Мунин Павел Иванович

Московская государственная академия
делового администрирования

Информационная интерпретация пирамид

Основу социологии устойчивого развития составляют результаты Комиссии Брундтланд¹, полученные на основе анализа массивов социальной, экономической и экологической информации. Устойчиво развивающееся общество лаконично определяется как общество, которое удовлетворяет свои текущие потребности без ущерба для способности будущих поколений удовлетворить свои потребности. Для устойчивого развития требуется (1) стабилизировать численность населения и (2) обеспечить наилучшие условия для развития способно-

¹ World Commission on Environment and Development, Our Common Future. Oxford: Oxford University Press, 1987.

стей будущих поколений путем воспитания, просвещения и образования, то есть передачи информации из поколения в поколение.

Реализуемость стабилизации численности населения, следует из общемировой тенденции, получившей название «демографический переход», графическим образом которого обычно служит «логистическая» кривая (рис. 1):

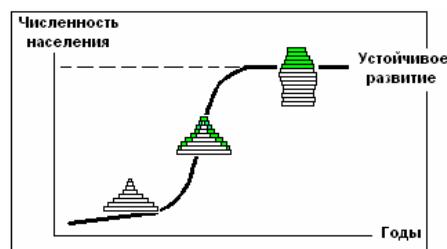

Рис. 1. Демографический переход и пирамиды численности.

На рис. 1 изображена схема демографического перехода населения выделенной территориальной единицы или мира в целом из состояния с низкой численностью, высокими рождаемостью и смертностью в состояние с высокой численностью, низкими рождаемостью и смертностью. Также показана трансформация пирамиды численности, сопровождающая этот переход. Эти пирамиды составлены из горизонтальных прямоугольников, площадь которых пропорциональна численности когорт соответствующего возраста, так, что площадь пирамиды, в свою очередь, оказывается пропорциональной общей численности населения. Изменения площади когорт, происходящие в процессе демографического перехода, дополнительно отмечены цветом.

Таким образом, общая численность населения, равная сумме численностей когорт и характеризующая пирамиду в целом, по способу своего вычисления может быть названа аддитивным индексом. Темп роста этого индекса обычно используется в качестве одной из важнейших характеристик для ранжирования государств по степени развитости.

Развивающиеся государства продолжают наращивать численность своего населения сравнительно высокими темпами. Развитые государства, стабилизировавшие численность своего населения или даже перешедшие к ее снижению, реализовали первое необходимое условие перехода к устойчивому развитию.

Второе условие этого перехода, заключающееся в обеспечении наилучших условий для развития способностей будущих поколений, «зашифрованное» в разнообразии связей между когортами, характеризует сложность социальных отношений в современном обществе.

Этому разнообразию связей можно поставить в соответствие произведение численностей когорт выбранной пирамиды, нормирование на произведение численностей когорт, которые получились бы при равномерном («идеальном») распределении общей численности населения выбранной пирамиды. Поскольку равномерное распределение обладает максимальным значением разнообразия при заданной численности, то нормированное произведение, в дальнейшем мультипликативный индекс развития (МИР), характеризует степень близости формы выбранной пирамиды к ее «идеалу». Значения МИР близкие к единице говорят о том, что пирамида уже обрела прямоугольную форму, которая свойственна пирамидам населения развитых стран. Близость величины МИР к нулю характеризует ее форму как «треугольную» с широким основанием, что присуще населению развивающихся стран.

Более того, нормирование избавляет от необходимости принимать во внимание существующую в сообществе, соответствующем выбранной пирамиде, технологию реализации общественных связей. Такое исключение «технологических» затраты позволяет считать персональные затраты на жизнеобеспечение членов выбранного сообщества постоянными. Вот почему «равномерный идеал» обладает уникальным сочетанием свойств, а именно: максимальным удельным (персональным) разнообразием связей при минимальных затратах на реализацию «единицы» разнообразия.

Этот минимакс вполне оправдывает перевод международного термина «sustainable development» как «устойчивое развитие»! Равномерное распределение численности населения при

этом становится одной из целей перехода к устойчивому развитию¹. Минимум равномерного распределения приводит к балансу между количеством детей и родителей во всех когортах, что означает наличие двух (в среднем) детей в семье. В этом случае обеспечивается наилучший информационный обмен между поколениями.

Мультипликативный индекс развития (МИР)

Результаты оценки индекса МИР для мира в целом за период 1980–2050 гг. для ряда пирамид², усеченных по старшим когортам, начиная с возраста (65–69) лет и заканчивая возрастом (85–89) лет, приведен на рис. 2.

Общая тенденция для приведенных на рис. 2 графиков состоит в монотонном росте равномерности распределения численности населения по всем когортам, начавшемся около 1985 года, когда появилась идея стабилизации численности населения мира путем планирования семьи. Идея возникла как результат осознания необходимости перехода к устойчивому развитию, одной из целей которого служила эта стабилизация.

Можно также сказать, что общество «почувствовало» настоятельную необходимость перехода к устойчивому развитию и оформило ее в виде доклада «Наше общее будущее» Комиссии Брундтланд и последующих решений саммита «Рио-92».

Максимальное разнообразие равномерного распределения, исходя из отмеченной тенденции и следуя синергетическим представлениям, можно назвать *аттрактором*.

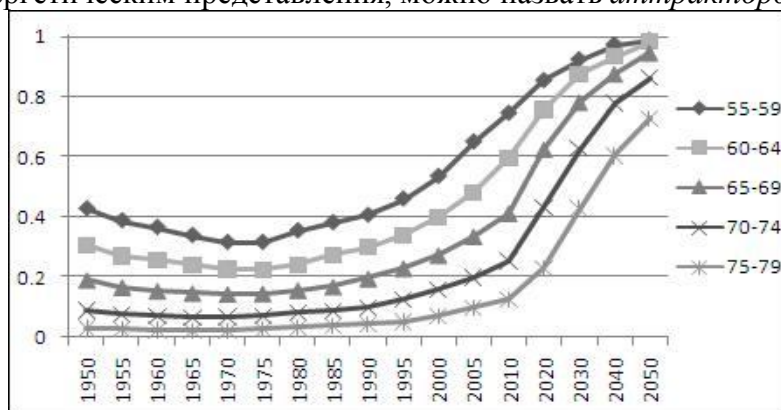

Рис. 2. МИР мира в 1950–2050 гг.

Мультипликативный индекс развития Швеции, Японии и России

Этот аттрактор особенно ярко проявляется на примере трансформации пирамид численности населения Швеции (рис. 3), на котором отображены изменения мультипликативного индекса развития Швеции в период 1995–2050 гг. для того же ряда старших когорт от (65–69) до (85–89). Указанные тенденции особенно заметны после 2010 года в старших когортах (75–79), (80–84) и (85–89), что связано, видимо, с ростом ожидаемой продолжительности жизни в Швеции.

Значительно менее благополучной (в смысле приближения к аттрактору), выглядит прогноз для Японии для периода с 2010 по 2040 гг. (рис. 4), когда численность старших когорт превысит численность младших поколений, и возрастная пирамида населения окажется «перевернутой». Возвращение Японии к аттрактору можно осуществить только путем стимулирования иммиграции в духе так называемого «третьего демографического перехода»³ для восполнения численности младших когорт.

¹ Обоснование выявленного минимакса, полученное путем использования принципа неопределенности, см.: Мунир П.И. Теория устойчивого развития: Информационные основы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

² Пирамиды построены по данным IDB: International Date Base [Report]. [s.l.]: US Census Bureau, 2009 // <http://www.census.gov/ipc/www/idb/region.php>

³ «...третий демографический переход затрагивает последний компонент... характеризующий население, а именно его состав... И если нынешняя тенденция сохранится до конца столетия, то главным фактором, влияющим на характеристики населения, будет миграция, а не разница в рождаемости коренного населения и мигрантов»; см.: Коулмен Д. Третий демографический переход // Демоскоп Weekly. 2007. №299–300. Сентябрь, 03–16

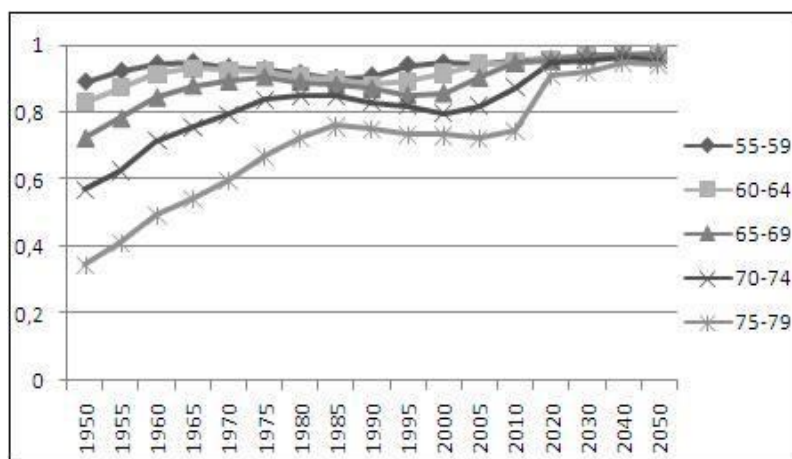

Рис. 3. МИР Швеции в 1950–2050 гг.

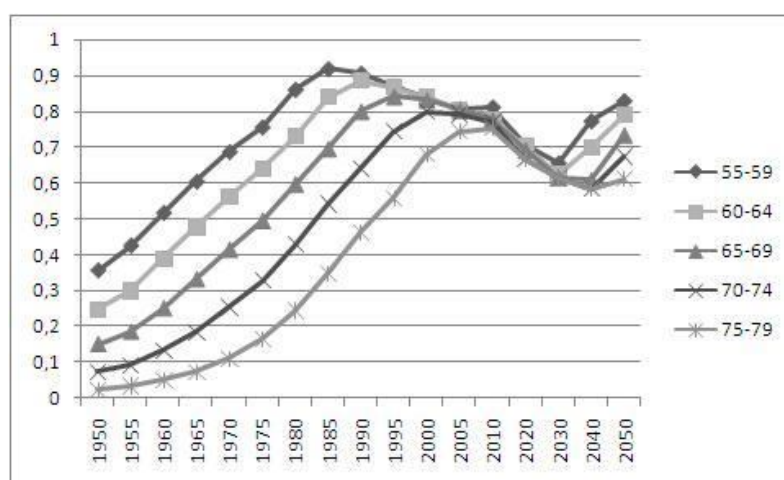

Рис. 4. МИР Японии в 1950–2050 гг.

Отметим, что тотальное падение рождаемости, известное как второй¹ и третий демографический переход», способствуют росту разнообразия сообществ, трансформируя исходные пирамиды в прямоугольники. При этом значительное падение рождаемости компенсируется сравнительно слабым ростом численности старших когорт или повышением их предельного возраста, что приводит к существенному увеличению индекса МИР.

Подобные выводы и решения справедливы и для России. Оценки индекса МИР по данным за 1989–2009 гг. для тех же, что и в предыдущих случаях, когорт² представлены на рис. 5.

Видно, что вплоть до 2010 года явного прогресса в переходе к устойчивому развитию в РФ не наблюдается, хотя некоторый подъем в старших когортах после 2002 г. присутствует, что вызвано, скорее всего, ростом продолжительности жизни в этот период.

Определенный оптимизм и веру в благоприятное дальнейшее развитие событий в России вселяет прогноз изменения индекса МИР на период 2010–2050 гг., который на этом же рис. 5 совмещен с ретроспективными его оценками, вычисленными на основе данных из IDB³.

После окончания спада в 2009 году, который особенно отразился на когорте (65–69), в следующем десятилетии начнется новый подъем по всем когортам, правда, исключая когорту

[<http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php3>]

¹ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 139.

² Орлов Ю.Н. Методы математической демографии: современное состояние, проблемы, точные результаты // <http://theorphys.fizteh.ru/mezhpr/reservrassylka/mezprs30sept2009a.html>

³ US Census Bureau, 2009 // <http://www.census.gov/ipc/www/idb/region.php>

(75–79), которую ожидает бурный рост в 2020–2030 гг. Особенно равномерным будет распределение численности населения ближе к 2040 году.

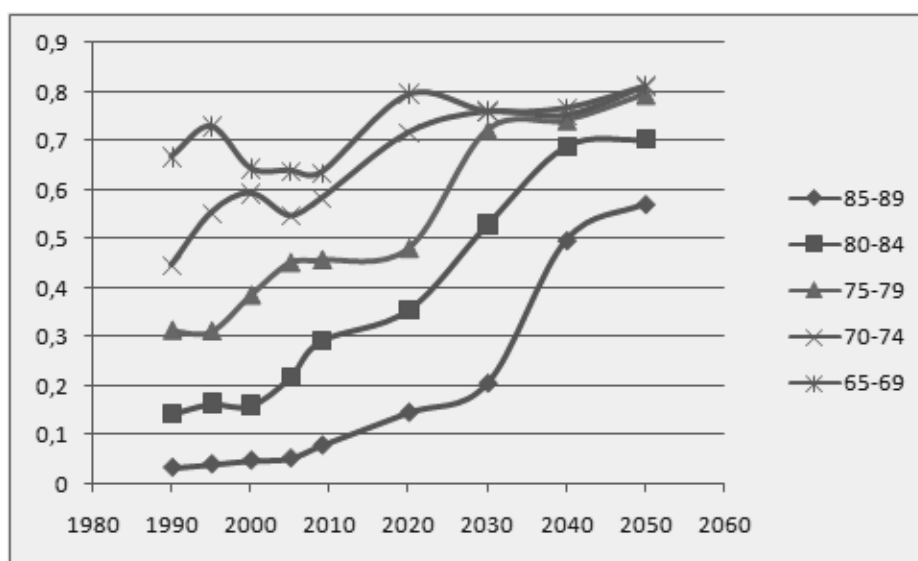

Рис. 5. МИР России в 1989–2050 гг.

Выводы

1. Монотонное возрастание мультипликативных индексов мира в целом может служить иллюстрацией перехода мирового сообщества к устойчивому развитию.
2. Решение «демографической проблемы века», заключающееся в объяснении природы второго и третьего демографических переходов, находит логическое обоснование в аттрактивности процесса рандомизации населения по возрастным когортам.
3. Решение актуальной для России проблемы депопуляции состоит на современном этапе в переходе к устойчивому развитию в стабилизации численности ее населения путем повышения рождаемости и увеличения средней продолжительности жизни.

Репрезентация лидерами общественного мнения имиджа Приморского края: опыт контент-анализа

Попиль Василина Андреевна,
Дальневосточный федеральный университет

Наибольшее развитие тема имиджа и привлекательности территории получила в области маркетинга и экономики. Заинтересованность специалистов этих сфер понятна: повышение аттракции региона способствует улучшению инвестиционного климата, увеличению потока туристов, возможности более эффективно лоббировать свои интересы, обеспечивать привлекательность региональных товаров. В данном исследовании мы рассматриваем один из возможных способов создания аттракции территории — использование влияния лидеров общественного мнения — деятелей культуры и искусства («звезд») и политических деятелей — на формирование ее позитивного имиджа. Эти лица влияния являются «универсальными» распространителями мнений. Задачей нашего исследования явилось выявление словесных характеристик сформированного лидерами мнения¹ имиджа Приморского края, относительно его современного состояния и тенденций к изменению.

Выбор метода контент-анализа СМИ объясняется ограниченностью доступа к рассматриваемым группам (зачастую у них нет ни времени, ни желания отвечать на вопросы социологического интервью или участвовать в анкетировании). В интервью со «звездами», опубликованных в СМИ, одним из заключительных вопросов корреспондентов является «мнение о

¹ Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Омега-Л, 2009.

Приморье или Владивостоке», а политические деятели раскрывают свою точку зрения о регионе через интервью со СМИ, поздравления жителей с праздниками и публичные выступления, анонсированные в прессе. Предварительно нами был разработан бланк контент-анализа (Рис. 1)

1. Издание _____	
2. Дата публикации _____	
3. Жанр материала _____	
4. Заголовок материала _____	
(следующие за этим субъекты и категории рассматриваются параллельно)	
5. Упоминаемые субъекты (лидеры мнений):	6. Категории
5.1. Деятели культуры и искусства: 5.1.1. актеры (ФИО) _____ 5.1.2. музыканты (ФИО/группы) _____ 5.1.3. писатели (ФИО) _____ 5.1.4. режиссеры (ФИО) _____ 5.1.5. другие лидеры данной группы (ФИО) _____ 5.2. Политические деятели: 5.2.1. Президент РФ Д. Медведев _____ 5.2.2. Премьер-министр РФ В. Путин _____ 5.2.3. Губернатор ПК С. Дарькин _____ 5.2.4. Мэр Владивостока И. Пушкарев _____ 5.2.5. другие лидеры данной группы _____	6.1. Определения: 6.1.1. Приморье – это... 6.1.2. Владивосток – это... 6.2. Климат и общий вид края. 6.3. Будущее края. 6.4. Жители края.

Рис. 1. Бланк контент-анализа высказываний лидеров общественного мнения о Приморском крае.

Приморский край — это разноплановый регион с огромными возможностями, уникальным геополитическим расположением, насыщенной культурной жизнью и активными целеустремленными жителями. Этот набор характеристик объясняет заданный список категорий (множество слов, объединенных вместе по тому или иному признаку)¹, по которым производился поиск определений и ассоциаций деятелей культуры и политики, возникших в дискурсе СМИ и предвыборных кампаниях.

В результате контент-анализа высказываний в СМИ были выявлены лексемы, описывающие феномен аттракции региона и проведено сравнение релевантных лексем из высказываний деятелей культуры и искусства, с одной стороны, и политических деятелей, с другой. Затем мы проанализировали лексемы, встречающиеся в высказываниях экспертов обеих категорий, интегрирующих в себя особенности феномена аттракции Приморского края.

Материалом для анализа послужили публикации о Владивостоке и Приморском крае за 2004–2010 гг. следующих газет:

- ежедневники: «Владивосток», «Золотой Рог», «Известия», «Приморская газета», «Комсомольская правда», «Телевизор», «Восточный базар»;
- еженедельники: «Московский Комсомолец во Владивостоке», «Российская газета», «Дальневосточные ведомости», «Тихоокеанский Комсомолец».

Кроме того, нами были проанализированы новости на сайтах times.ua и www.internovosti.ru.

Общий объем высказываний о Приморском крае и его столице составил 450 статей. В процессе исследования был использован метод основного массива. Мы старались рассмотреть большую часть источников печатных СМИ (как ежедневников, так и еженедельников), отвечающих заданным параметрам:

¹ Шалак В.И. Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологи, экономики, рекламы / Ин-т философии РАН. М.: Омега-Л, 2004.

- 1) наличие в статье высказывания лидера общественного мнения (в нашем случае «звезды» или политика),
- 2) наличие в статье высказывания лидера общественного мнения о Приморском крае или Владивостоке,
- 3) наличие определенных категорий, описывающих регион (определения, климат и общий вид края, будущее края, жители края).

В случае с анализом Интернет-публикаций выборка проходила несколько иным способом:

- 1) составили список из «звезд» шоу-бизнеса, посещавших наш регион в период с 2004 по 2010 года, отзывы которых нам не удалось найти в печатных СМИ,
- 2) произвели поиск этих отзывов в сети Интернет по ключевым словам («ФИО «звезды» или название группы», «дата выступления», «Владивосток», «Приморский край», «Приморье»),
- 3) произвели выборку высказываний, основанную на наличии категорий, определенных для анализа высказываний в печатных СМИ.

Кроме того, отбор статей для контент-анализа проводился по принципу наличия таких высказываний, которые впоследствии могли бы стать основой для формирования уникальных атрибутов позиционирования Приморского края.

Репрезентация аттракции Приморского края в высказываниях «звезд»

Контент-анализу высказываний, подчеркивающих особенности Приморского края, так называемых «звезд» шоу-бизнеса в СМИ подверглись 17 статей, содержащих 17 высказываний, с 2004 по 2010 года. Все это время Приморский край активно посещали представители культуры и искусства, но, к сожалению, комментарии о регионе оставили не все. В ряде статей-интервью, посвященных анонсу предстоящего или прошедшего концерта/фильма/встречи, СМИ не уделили должного внимания вопросам о Приморье и его столице, а в некоторых опубликованных интервью «звезды» отвечали заученными и универсальными фразами (например, «Спасибо за то, что вы любите настоящую музыку», Марко Миннеманн, музыкант¹).

Особенности Приморья и Владивостока в частности отмечали как представители шоу-бизнеса, имеющие связь с нашим регионом, так и гости края, представляющие разные сферы культуры: Сергей Степанченко, Рок Бриннер, Илья Лагутенко, музыканты американской хип-хоп группы OPUS AKOBEN и финской рок-группы Rasmus, Клаус Майне (солист группы Scorpions), Евгений Гришковец, Юрий Шевчук, Антон Макарский, Сергей Урсуляк (режиссер фильма «Исаев»), Бранислава Такахаша (писательница), Жерар Депардьё, Дмитрий Хворостовский, Михаил Задорнов и певец DIO (Таблица 1).

Все высказывания относительно города можно разделить на две позиции:

- 1) определение объекта через другой объект: земля, обаяние, чуткая душа, такой город;
- 2) определение объекта через характеристику-прилагательное: поразительно красивый, светлый, одухотворенный, необычный, далекий, портовый.

Определения края и города преимущественно эмоциональные, рассмотренные нами лидеры общественного мнения используют олицетворения и «вкладывают душу» в Приморский край: верный друг, с чуткой душой, одухотворенный, дышит особенно, обаятельный.

Описание климата и общего вида складывается преимущественно из «женственной осени», тумана и моря, а также в сравнении: «леса зеленее, краски ярче, солнце теплее». Причем Приморский климат, так часто отпугивающий потенциальных гостей края, в опубликованных высказываниях «звезд» оказывается довольно благоприятным: роскошная погода, жара, удивительная осень. И даже упоминание тумана скрашивается появляющимся после теплым солнцем. Будущее края глазами представителей шоу-бизнеса видится в развитии кинематографа, туризма, инфраструктуры и улучшения качества жизни. Особенно лестно сравнение Жераром Депардьё будущего Владивостока с городами Средиземноморья. Особое внимание данная категория лиц общественного мнения уделила жителям Приморского края (в основном Владивостока). Именно они, по мнению Г. Шаталова, являются носителями внутреннего

¹ Кукарачу давай! // Московский комсомолец во Владивостоке. 2010. №40 (675).

имиджа региона¹. По мнению «звезд», жители Приморья особо душевные, особые, независимые и внутренне свободные, встречают на президентском уровне и любят своих кумиров. Кроме того, представители мужского пола отмечают, что у нас много красивых женщин, и они самые красивые в мире.

Таблица 1

Приморский край в цитатах деятелей культуры и искусства

Приморье — это	Владивосток — это	Климат и общий вид края	Будущее края	Жители края
«это мое все» «ощущение, что верный друг тебя встречает с трапа»	«поразительно красивый город с чуткой душой» «светлый, одухотворенный город» «это земля, которая дышит особенно» «обаяние, которого не было у других городов» «город очень необычный» «такой город и он далеко» «далекий портовый город»	«здесь и леса зеленее, и краски ярче, и небо ближе и роднее, и солнце теплее» «Владивосток встретил роскошной погодой, жарой и водой в море-океане выше двадцати градусов по Цельсию» «осень у вас удивительная, женственная, с желтыми, красными волосами деревьев» «туман, туман, туман, а потом вдруг со-о-олнце такое» «у вас фантастическое море» «во Владивостоке такая вкусная рыба! Морепродукты там совершенно сногшибательные!»	«Владивосток будет значимой фигурой на кинематографической картине мира!» «у города большой потенциал в смысле развития туризма» «Владивосток станет чем-то похож на города Средиземноморья» «через 50 здесь все изменится - и качество жизни, и инфраструктура»	«люди, с которыми я общался, особо душевные, такое ощущение, что здесь живут особые люди» «здесь очень много красивых женщин» «владивостокцы независимы и внутренне свободны». «у вас самые красивые женщины в мире» «нас в Приморье встречали на президентском уровне» «все-таки любят меня во Владивостоке! Это так приятно ощущать» «водителя любят японские автомобили, пешеходы разговаривают по мобильным телефонам, молодежь не знает истории, а все женщины одеты как в пропиаренных глянцевого модных журналах»

На наш взгляд, на такую положительную оценку жителей края «звездными» представителями влияет три фактора:

- 1) кратковременность контакта, в ходе которого замечаются преимущественно положительные черты;
- 2) общение деятелей культуры с определенными слоями общества (поклонниками, местной культурной и политической элитой);
- 3) стремление этих местных слоев общества показать себя с наилучшей стороны.

Пожалуй, единственную отрицательную характеристику жителям Приморья дал Михаил Задорнов. За манеру одеваться владивостокских женщин пародист назвал «женщинами легкого поведения». Данная реплика не заставила себя долго ждать: на сатирика подала в суд

¹ Шаталов Г. Образ, имидж, бренд и репутация региона — что это такое? // <http://www.regionpr.ru>

журналистка Мария Соловьянко. Таким образом, к качествам жителей Приморского края можно добавить еще одно – не прощают обид.

Репрезентация аттракции Приморского края в высказываниях политиков

Рассматривая вторую группу лиц влияния, политических деятелей, мы произвели контент-анализ 24 статей, которые содержали 30 высказываний политиков, с 2004 по 2010 года. Из них большинство высказываний принадлежит губернатору Приморского края С. Дарькину (7 высказываний) и мэру Владивостока И. Пушкареву (4 высказывания). Кроме того, был рассмотрен контент агитационных материалов кандидатов на пост мэра Владивостока в 2004 году (листовки В.В. Николаева, А. Передни и Ю. Копылова).

Кроме вышеупомянутых политических деятелей, о Приморье говорили Д. Медведев, В. Путин, В. Ишаев, В. Фетисов, С. Миронов, И. Шувалов, Б. Грызлов, мэры Хабаровска, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Магадана и другие политики. Оценку Приморскому краю дали и зарубежные представители: Посол ЮАР господин Беки Уинстон Джошуа Ланга и Президент сената штата Аляска Гэри Стивенс.

По сравнению с представителями «звезд» шоу-бизнеса политические деятели проявили больше внимания к Приморскому краю за 2004–2010 года. В столице Приморья, говоря словами губернатора С. Дарькина, «культура жила»¹, проходили всевозможные мероприятия (бьеннале, конкурс танцев, недели тематических фильмов, кинофестиваль Pacific Meridian и яркие празднования Дня города). Но главный акцент на стратегии развития края был сделан в 2004 году с началом активной подготовки к грядущему саммиту АТЭС. Ежеквартальные проверки состояния строек (архитектурные проекты, планирование Тихоокеанского университета, который в последствии было решено назвать Дальневосточным федеральным, строительство магистралей и мероприятия на острове Русский) не остались без внимания СМИ.

В процессе контент-анализа все выделенные лексемы были распределены по тем же категориям, что и лексемы деятелей культуры и искусства. Но в цитатах политиков категория «будущее края» во многом связана с категорией «жители края» (Таблица 2).

В количественном отношении по сравнению с представителями культуры политики больше говорят о Приморском крае (в нашей таблице это категория «Приморье — это...»). Кроме того, эта группа лидеров мнений заостряет внимание на «будущем края», причем, как уже было отмечено выше, связывают его с комфортным проживанием, повышением уровня жизни и, как следствие, приростом населения (как за счет естественного прироста, так и за счет притока мигрантов).

Рассмотрим каждое из направлений. Среди определений «Приморье — это...» наглядно выделяется «часть от целого»: «**один из** самых динамично развивающихся субъектов Российской Федерации», «**одна из** самых динамично развивающихся территорий Дальнего Востока». Также сюда можно включить определение «символ всех грандиозных перспектив...», поскольку говорится о развитии всей страны. Кроме того, выделяется «функциональное» определение: «мост, который объединил культурное пространство...», «доступный курорт».

Все высказывания политических деятелей о городе, можно разделить на три позиции (две позиции аналогичны позициям из цитат «звезд», третья — функциональная):

- 1) определения объекта через другой объект: «похож на город, где я родился», благодатное место, форпост, жемчужина, гордость, окно, центр, третья консульская столица;
- 2) определение объекта через характеристику-прилагательное: очень красивый;
- 3) определение объекта через его функции: «соединяет нас с...», «по которому судят о стране в целом».

В отличие от определений, данных представителями шоу-бизнеса, определения края и города политиков преимущественно рациональные. Эти лидеры общественного мнения ставят ударение на функциональных утилитарных характеристиках региона, делающих его уникальным для страны в целом.

¹ Мне нравятся хорошие фильмы // Владивосток. 2004. 3 сентября.

Таблица 2

Приморский край в цитатах политических деятелей

Приморье — это	Владивосток — это	климат и общий вид края	будущее края	жители края
«символ всех грандиозных перспектив и масштабных изменений, которые должны произойти в нашей стране»	«чем-то похож на тот город, где я родился» (один из городов ЮАР) «такое благодатное место. Лучшего я не знаю»	«везде виден позитив на фоне великолепных природных ландшафтов» «на юге Приморья самый лучший климат на всём Дальнем Востоке»	«сама идея развития Дальнего Востока до 2050 года привязывает внимание к этому региону» «президент и правительство Российской Федерации возлагают на регион большие надежды» «районы, прежде считавшиеся неперспективными для жилищного строительства, <...>, становятся весьма привлекательными»	«молодые, красивые, образованные» «много дружелюбных людей, нам понравилась атмосфера, которая здесь царит» «терпеливые люди с закаленным характером» «главное сокровище Приморья» «трудолюбивые, инициативные и целеустремленные» целеустремленные
«один из самых динамично развивающихся субъектов Российской Федерации, уверенно представляющий ее интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе»	«город, который в прямом смысле соединяет нас с «материком», с другими регионами страны и зарубежьем» «форпост России, ее главный город на Тихом океане, по которому судят о стране в целом»		«из города индустриального будем становиться городом туристов и гуманитариев»	
«одна из самых динамично развивающихся территорий Дальнего Востока»	«жемчужина Дальнего Востока»		«наша задача - сделать Владивосток городом, в котором хочется жить»	
«полный энергии и больших амбиций край»	«гордость нашего региона»		«наверняка город у моря станет еще краше и удобней для проживания»	
«регион крупнейших строек»	«очень красивый город»		«стройки сделают жизнь приморцев более комфортной»	
«своеобразный мост, который объединил культурное пространство Европы и Азии»	«окно России в Азиатско-Тихоокеанский регион»		«это будет город с качественно новым уровнем жизни населения»	
«самый доступный курорт для хабаровских жителей в летние месяцы»	«центр активных международных контактов» «третья консульская столица в России»		«чтобы Дальний Восток стал удобным, привлекательным местом для жизни людей»	
			«я уверен, что Владивосток вновь станет привлекательным для проживания»	
			«все населенные пункты юга Приморского края будут связаны в единую агломерацию с населением от полутора до трех миллионов человек»	
			«уже в ближайшие годы мы увидим большой приток населения в Приморье, и все эти люди будут с гордостью говорить: «Нам здесь жить!»	

На климате региона политики не заостряют особого внимания, говоря больше о будущем региона. Край не просто «привлекает внимание», а становится объектом «надежд президента и правительства РФ». Благодаря стройкам, которые упоминаются в направлении «Приморье — это...», в крае появляется больше районов, привлекательных для инвесторов и жителей. Последние политиками названы молодыми, красивыми, образованными, дружелюбными, терпеливыми, трудолюбивыми, инициативными и целеустремленными. Такими и должны быть жители края, который постепенно справляется с проблемами (политические скандалы, криминал, проблемы ЖКХ) и превращается в перспективный регион.

Сравнение высказываний «звезд» и политиков

Следующим этапом анализа явилось сравнение лексем двух групп лидеров мнений (Таблица 3).

Таблица 3

Сравнение лексем «звезд» и политиков деятелей

Деятели культуры и искусства	Политические деятели
определения Приморья и Владивостока	
Преимущественно эмоциональные, «олицетворяющие», в Приморский край вкладывается душа, и приписываются человеческие характеристики.	Преимущественно рациональные, раскрывающие функциональные утилитарные характеристики. Приморский край – важный регион для всей России.
климат и общий вид края	
Поиск уникальных характеристик для пространственных объектов: теплое солнце, роскошная погода, женственная осень, леса зеленее.	Общие выражения (великолепные природные ландшафты) или констатация факта (на юге Приморья самый лучший климат на всем ДВ).
будущее края	
• развитие кинематографа • развитие туризма	• привлекает внимание • становится объектом надежд президента и правительства • развитие районов Приморья • прирост населения
общее в «будущем края»:	
• развитие инфраструктуры • улучшение качества жизни	
жители края	
• особо душевные • особые • независимые • внутренне свободные • встречаются на президентском уровне • много красивых женщин • одеты как женщины легкого поведения	• молодые • красивые • образованные • дружелюбные • терпеливые • трудолюбивые • инициативные • целеустремленные

Цель данного вида обработки информации — изучение характеристик региона, данных деятелями культуры и политики и отраженных в СМИ, для определения параметров навешенного имиджа Приморья и дальнейшего применения этих характеристик в процессе разработки рекомендаций по эффективному позиционированию края.

Как видно из их схемы, при описании Приморского края (по всем рассмотренным нами категориям) деятели культуры и искусства, будучи в своем большинстве артистами, используют яркие эпитеты, олицетворения, сравнения. Политические же деятели, как уже было отмечено ранее, делают акцент на функциональных характеристиках края. В первую очередь здесь отмечается его место во внешней политике, находящее отражение в выражениях «форпост», «окно в АТР», «центр международных контактов». При оценке будущего Приморского края обе группы лидеров общественного мнения опираются на развитие инфраструктуры, полагая, что от этого напрямую зависит улучшение качества жизни населения в крае (и прирост населения, который Приморью так необходим).

Говоря об идентификации жителей края, стоит подчеркнуть, что рассмотренные нами группы лидеров мнений выделяют разные характеристики (единственное, что можно приравнять с некоторыми поправками, это «особая душевность» в упоминании первой группы и «дружелюбность» — второй). Так, например, как и в случае с описанием Приморья и его столицы, деятели культуры и искусства в большей степени обращают внимание на «душевность». Стоит отметить, что научного определения «душевности» не существует. Словарь синонимов русского языка предлагает нам следующий список слов со значением «душев-

ный»: «добрый», «духовный», «сердечный», «чуткий»¹. Значит, если жители формируют внутренний имидж территории, то в нашем случае, по мнению «звезд», он складывается из душевности, гостеприимства и красоты женщин. Политики в данной категории, как и в категориях «определения», выделяют так называемые «функциональные» качества, помогающие жителям края в жизни и карьере: образованность, терпеливость, трудолюбие, инициативность и целеустремленность.

Проделанный контент-анализ высказываний о Приморском крае групп лидеров общественного мнения имеет ряд преимуществ по сравнению с другими методами сбора информации. Это относительная дешевизна, доступность данных. Основное его преимущество — это бесконтактность (мнения лидеров мнений изучается на расстоянии, через СМИ). Метод контент-анализа дает ученому, не имеющему доступ к группам, играющих важную роль в исследовании, возможность получить необходимую информацию.

Очевидны и недостатки этого метода: во-первых, анализируя высказывания лидеров мнений, мы должны стараться интерпретировать их содержание в определенном контексте. Например, при изучении высказываний политических деятелей необходимо обладать информацией о направленности СМИ (проправительственные или независимые), а при изучении высказываний деятелей культуры и искусства — о жителях края, с которыми они общались и по которым вынесли суждения обо всех жителях данной территории. Во-вторых, это ограниченность сообщений, относящихся к интересующей нас информации, особенно если мы из общего объема высказываний о нужном нам объекте выбираем тексты с конкретными признаками. Данный недостаток имеет наглядное подтверждение: из 450 статей о Приморском крае только 41 статья соответствовала заданным нами требованиям. И, в-третьих, при анализе высказываний лидеров общественного мнения в СМИ мы не можем составить их полный социально-демографический портрет, максимум, что можно узнать наверняка, основываясь только на методе контент-анализа СМИ, это должность и половую принадлежность объекта исследования.

Таким образом, метод контент-анализа оптимально использовать параллельно с другими социологическими методами или уточнять полученную в его ходе информацию с помощью экспертного опроса и интервью.

Автобиографический метод в исследовании процесса социализации молодежи

Попова Ирина Викторовна,

Касаткин Александр Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Несмотря на то, что в центре внимания качественной социологии находится индивидуальное сознание и поведение, это не снимает центральной задачи социологии: выявлять типичное в социальной действительности. Идея настоящего исследования заключается в том, чтобы через исследование автобиографических очерков «Я и общество», написанных студенческой молодежью, проследить трансформацию общества в свете изменений общественных структур, чтобы увидеть следующие важные моменты:

- получить оценку индивидуального жизненного пути как последовательности состояний человека, которые меняются в связи с меняющимися общественными событиями;
- проследить динамику процесса социализации новых поколений в условиях радикальных общественных изменений;
- увидеть что такое официальная история и собственная жизнь конкретного человека;
- понять сложные аспекты внутреннего мира субъекта;
- проанализировать процесс разделения собственного образа от образа окружающего мира, каково восприятие себя как субъекта собственной истории жизни, отличающегося от социальной среды.

¹ Словарь синонимов. М.: ТОМ, 1997.

Началось исследование в 1991 г. среди студентов специальности «Социальная работа», а с 2003 г., работы стали писать студенты специальности «Журналистика». Изменилось и условие написания работ: они стали анонимными, что отразилось на содержании текстов. Суть этой разницы хорошо передана в одной из работ: «Здорово, что анонимная работа! Как будто не про себя пишешь, поэтому не на показ. Постараюсь, чтобы каждое слово было честным. Простите, что поток мыслей!».

В целом анализ собранного материала показал, что жизненный путь человека — это многоаспектный процесс. Он складывается из многих взаимосвязанных жизненных сфер. Изначально задание ориентировалось на описания жизненного пути не столько хронология событий, сколько социально-психологическое состояние людей, живущих в условиях трансформирующегося общества. Особенностью данного исследования является также и то, что в нем изменения институциональной среды рассматривается не глазами информантов, а глазами исследователя, который на протяжении многих лет накапливает информацию о каждом следующем возрасте акторов. Автобиографические работы позволяют понять, как происходило становление поколения 1990-х годов, когда страна находилась в условиях глубокого социально-экономического кризиса и политической нестабильности. Именно такое качественное исследование дает нам возможность отследить процесс преломления общественных событий в индивидуальном сознании.

Одна из работ, написанных в 1992 году, дает представление о том, как молодые люди оценивали переломный момент в массовом сознании общества, выходящего из авторитарной системы и не готового к свободе: «Многие люди сейчас замкнуты в себе, и их очень трудно понять. Сейчас боятся всего: людей, хорошего к ним отношения. Люди не идут на контакт с социологами, так как раньше это имело серьезные последствия. И хотя этого уже нет, но прошлый опыт очень хорошо запомнился людям. Люди не знают, что будет завтра, они готовы ко всему, и они стараются не связываться с анкетами и опросниками. Мне кажется, что нужно первым делом дать понять людям, что время сталинских репрессий прошло, мы живем в свободном государстве, в том смысле, что мы должны говорить все, что думаем, не боясь того, что за тобой придут. Только когда люди будут уверены в этом, они будут искренне отвечать на все вопросы. Когда будет стабильность в завтрашнем дне, только тогда люди будут жить более спокойно».

Как происходит переход от общественного к индивидуальному, как можно понять процесс отделения собственного образа от окружающего мира видно из работ: «В школе я занимала активную жизненную позицию — работала в штабе «Поиск», походы, семинары, поездки, комитет комсомола. Лет в 15 поняла, что это никому не нужно, кроме тех, кто этим занимается. Мне повезло, что я родилась во времена застоя, а живу во время перестройки. Я почувствовала себя человеком, а душу обрела в августе 1991 года. Вот так и живу: раньше на меня влияли родители и учителя, а еще барабаны, флаги, различная советская символика, с 15 лет я перестала на это обращать внимание и главное место в моей жизни заняли друзья и хорошая музыка». Или такая работа: «Не знаю, что повлияло на выбор моей профессии, не хочу обманывать и говорить, что возможность участвовать в общественной жизни и влиять на ее ход. Думаю, что в возрасте 15–16 лет такие мысли не могут даже возникать в сознании, потому что сначала человек живет в доме (в семье), потом в своей «группе» (в школе, институте), а уже позже перебирается в общество (общественная жизнь). Никто не может перепрыгивать через эти «ступеньки», ведь каждая — ключ к следующей. И, следовательно, чтобы задумываться о пользе всему обществу, нужно сначала задуматься о пользе своей «группе». Скорее всего, это определило будущую профессию: сначала стенгазета в школе, потом работа на телевидении. Сейчас получается, что я как бы «застрял» между второй и третьей ступенькой: уже ушел от интересов «группы», но еще нет четкой общественной позиции. Это стало понятно на примере ситуации с выборами. То ли потерялся от обилия имен и фамилий кандидатов, не зная, кто, куда, зачем? То ли, вообще, были сомнения в честности: сейчас вспоминаю, что где-то за неделю до голосования ехал в такси, и разговорился с водителем о выборах на пост мэра. Таксист ткнул пальцем в столб с желто-огуречной листовкой и сказал: «Я и то знаю, он победит, а ты журналист и не знаешь!»

В одной из работ очень точно передано состояние этого поколения: «С 1994 года перестали принимать в пионеры, я как раз перешла в пятый класс. Каково же было разочарование, когда отменили это долгожданное событие, это же всегда подавалось как одно из ярчайших событий в школьные годы. Для меня лично это было достаточно драматично. Так мы прощались с советской властью, по моим ощущениям, болезненно, и чуть не с мясом ее от нас отрывали. Потом отменили школьную форму. Это стало поворотным моментом в моей жизни. Если до этого социальному положению в школе значения не придавали, то с отменой школьной формы мы перестали быть равными. По тому, кого как одевали родители, все стало очевидно. Моя мама не могла покупать мне новые вещи, в семье совсем не было денег. Я donaшивала вещи маминой молодости. Постепенно и по нарастающей начались издевки одноклассников».

Характерной особенностью работ, написанных в 2003–2006 гг., является оценка последствий перестройки как с индивидуальной, так и с социальной позиции. Если говорить об индивидуальном, то это большое количество работ, в которых говорится о распаде семьи, о тяжелом материальном положении семьи, о пьянстве отцов. Унаследованные от прошлого моральные ценности приобрели характер анахронизмов: «В моей семье много учителей, мама, папа, тетя, бабушка. После 90-х социальный статус родителей очень изменился. Интеллигенция потеряла много социальных преимуществ. В процессе воспитания я впитала установку на образованность и определенный набор ценностей советского времени. Хорошие такие ценности и идеалы. Начиная с 90-х, к ведущим статусным ценностям нередко стали относить богатство человека, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность красиво жить. Вообще это нормальное стремление, плохо, когда оно выходит на первый план и становится культом».

Реалии подвергают нравственность испытаниям на прочность: «Моя автобиография — печальная история о том, как медленно, но верно общество уничтожало в человеке все его лучшие качества: правдивость, справедливость, веру в торжество добра. С того времени, как Россия встала на «путь капитализма» я только и слышу «экономика, финансы, валютный фонд, карьерный рост, достойная зарплата, условные единицы, вилла на Лазурном берегу» и т.д. и т.п. Неужели это то, к чему должен стремиться нормальный человек?! В таком случае я объявляю себя «ненормальной» и во всеуслышание кричу: «Любовь! Дружба! Милосердие! Уважение! Добро! Сострадание!» В качестве эпиграфа не только моей работы по социологии, но и моей жизни я взяла бы слова Р.У. Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной».

Влияние формулировки вопросов о религиозности на ответы респондентов

Пруцкова Елена Викторовна,
*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*

В настоящее время есть множество открытых источников данных социологических исследований. Среди крупнейших международных исследовательских программ укажем «Всемирное исследование ценностей» (WVS, World Values Survey)¹ «Европейское исследование ценностей» (EVS, European Values Study)², Европейское социальное исследование (ESS, European Social Survey)³, «Международная программа социальных исследований» (ISSP, International Social Survey Program)⁴. Для социологов-компаративистов массивы данных ука-

¹ Официальный сайт: URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 26.06.2010).

² Официальный сайт: URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 31.10.2010). Доступ к данным: European Values Study: GESIS. URL: <http://www.gesis.org/en/services/data/survey-data/european-values-study/> (дата обращения: 31.10.2010).

³ Официальный сайт: URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 26.06.2010).

⁴ Официальный сайт: URL: <http://www.issp.org/> (дата обращения: 26.06.2010). Доступ к данным: ISSP: GESIS. URL: <http://www.gesis.org/en/services/data/survey-data/issp/> (дата обращения: 26.06.2010).

занных исследовательских проектов часто являются основным источником информации. Тема религиозности присутствует во всех указанных исследованиях. Операционализация понятия «религиозность» в каких-то случаях совпадает, в каких-то различается. В связи с этим, встает вопрос о том, насколько сопоставимы данные по религиозности, полученные в ходе разных международных исследовательских проектов.

Для анализа мы взяли два исследования — ISSP и EVS, — позволяющие фиксировать влияние формулировок вопросов о религиозности на ответы респондентов, поскольку:

1) вопросы о религиозности, задававшиеся в рамках этих исследований, в значительной степени совпадают по смыслу, различаясь по формулировке;

2) указанные исследования были проведены примерно в одно и то же время — 2008 год;

3) списки стран, в которых проводились оба исследования, в значительной степени пересекаются;

4) логика построения выборки совпадает: общенациональные, многоступенчатые (в большинстве стран), стратифицированные вероятностные выборки, репрезентирующие взрослое население (18+, для некоторых стран 16+).

Мы можем сравнивать данные по следующим странам: Австрия, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия (Зап.), Германия (Вост.), Ирландия, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Россия, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Украина, Великобритания, Сев. Ирландия¹. Для сопоставимости данных при расчете процентов используется взвешивание, обеспечивающее выравнивание по поло-возрастной структуре, в некоторых странах по размеру населенного пункта.

Анализ подобного рода проводился и ранее, однако был ограничен вопросами общей религиозности. Из недавних публикаций по данной теме выделим статью П. Брешона, в которой сравниваются данные о вероисповедании, полученные в ходе EVS (1999 г.), ISSP (1999 г.) и ESS (2003 г.). В частности, оказалось, что формулировка вопроса о вероисповедании с фильтром в EVS дает чуть меньший процент верующих во многих европейских странах, чем формулировка без фильтра, используемая в ISSP².

При измерении религиозности в настоящее время наиболее часто применяется иерархический подход, который заключается в выделении двух уровней анализа: уровня общей религиозности и уровня частных проявлений (в психологии религии — уровни диспозиционной и функциональной религиозности)³. Кроме того, присутствует идея о многомерности религиозности в смысле несводимости ее к какой-либо одной шкале (однако выделяемые оси не всегда ортогональны).

В ISSP и EVS религиозность также фиксировалась на двух уровнях — общем и частном. В операционализации *общей религиозности* присутствуют самоидентификация респондента с определенным вероисповеданием и оценка степени собственной религиозности; *частные проявления религиозности* содержат два измерения: верования (вера в Бога, в жизнь после смерти, а реинкарнацию, в рай, ад и т.д.) и практики (посещение религиозных служб и молитва)⁴. Мы остановимся на вопросах, касающихся религиозных верований, и рассмотрим только те объекты веры, которые присутствуют в анкетах обоих исследований; формулировки вопросов приведены в таблице 1⁵.

¹ Северная Ирландия рассматривается отдельно от Великобритании, а Германия делится на Западную и Восточную, поскольку ситуация по религиозности в них значительно отличается.

² Bréchon P. The measuring of confessional membership and non-membership in major European surveys (La mesure de l'appartenance et de la non-appartenance confessionnelle dans les grandes enquêtes européennes) // Social Compass. 2009. Vol. 56. No 2 (June). P. 168.

³ Hill P.C., Hood R.W. Jr. Measures of Religiosity. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999.

⁴ Подробно см.: Пруцкова Е.В. Религиозность: способы операционализации и количественной оценки. Материал семинара №2010-5 // Количественные исследования религии. Международная практика. М.: ПСТГУ, Декабрь 2010. URL: <http://socrel.pstgu.ru/wp20105> (дата обращения: 22.12.2010)

⁵ Формулировки вопросов приводятся в том виде, в котором они присутствуют в анкетах за 2008 год на русском языке. Нумерация вариантов ответа соответствует их нумерации в анкетах.

Сопоставимые вопросы о религиозной вере

Вопрос анкеты ISSP	Вопрос анкеты EVS
Какое из следующих высказываний точнее всего отражает ваше отношение к Богу сегодня и в прошлом? (Дайте один ответ) 1. Я не верю в Бога сейчас и никогда прежде не верил 2. Сейчас я не верю в Бога, но раньше верил 3. Сейчас я верю в Бога, но раньше не верил 4. Верю в Бога сейчас и всегда верил 8. Трудно сказать	Верите ли вы или во что-нибудь из того, что я сейчас назову? В Бога? 1. Да 2. Нет 8. Затрудняюсь ответить 9. Отказ от ответа
Верите ли вы в жизнь после смерти? 1. Да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 8. Затрудняюсь ответить	Верите ли вы или во что-нибудь из того, что я сейчас назову? В жизнь после смерти? 1. Да 2. Нет 8. Затрудняюсь ответить 9. Отказ от ответа
Верите ли вы в существование рая? 1. Да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 8. Затрудняюсь ответить	Верите ли вы во что-нибудь из того, что я сейчас назову? В существование рая? 1. Да 2. Нет 8. Затрудняюсь ответить 9. Отказ от ответа
Верите ли вы в существование ада? 1. Да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 8. Затрудняюсь ответить	Верите ли вы или во что-нибудь из того, что я сейчас назову? В существование ада? 1. Да 2. Нет 8. Затрудняюсь ответить 9. Отказ от ответа
Верите ли вы в переселение душ (реинкарнацию)? 1. Да 2. Скорее да 3. Скорее нет 4. Определенно нет 8. Затрудняюсь ответить	Верите ли вы: в переселение душ, т.е. в то, что после смерти мы опять рождаемся в другом облике? 1. Да 2. Нет 8. Затрудняюсь ответить 9. Отказ от ответа

Для сопоставимости распределений ответов все вопросы мы приводим к дихотомическому виду (да/нет). В вопросе о вере в Бога в исследовании ISSP мы:

- просуммировали проценты по вариантам «3 – сейчас я верю в Бога, но раньше не верил» и «4 – верю в Бога сейчас и всегда верил» и получили показатель, аналогичный ответу «да» в EVS,

- просуммировали проценты по вариантам «1 – я не верю в Бога сейчас и никогда прежде не верил» и «2 – сейчас я не верю в Бога, но раньше верил» и получили показатель, аналогичный ответу «нет» в EVS.

В вопросах ISSP о вере в жизнь после смерти, рай, ад и переселение душ:

- просуммировали проценты по вариантам ответа «1 – да» и «2 – скорее да» и получили показатель, аналогичный ответу «да» в EVS,

- просуммировали проценты по вариантам «3 – скорее нет» и «4 – определенно нет» и получили показатель, аналогичный ответу «нет» в EVS.

Вера в Бога

Доля верящих в Бога и затруднившихся ответить на вопрос о вере в Бога оказались мало-сопоставимы между двумя рассматриваемыми исследованиями: расхождения не только ста-

статистически значимы по большинству стран, но и существенны с содержательной точки зрения. Доля верящих в Бога, полученная при помощи дихотомического вопроса в EVS, заметно превышает показатель ISSP, сочетающий веру в Бога в настоящем и в прошлом. При этом различия по одним странам компенсируются отрицательными ответами, по другим — отсутствием ответа. Мы считаем, что такой эффект обусловлен *твердостью в вере*.

Таблица 2

Вера в Бога

	EVS				ISSP				Разность % между EVS и ISSP		
	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета
Австрия	72	18	9	1510	-	-	100	1020	-	-	-
Хорватия	86	10	4	1498	77	9	14	1201	9*	1	-9*
Кипр	96	2	2	999	80	6	14	1000	15*	-4*	-12*
Чехия	29	53	18	1793	24	61	15	1512	5*	-8*	3*
Дания	58	34	7	1507	42	36	23	2004	17*	-1	-15*
Финляндия	56	25	19	1134	42	28	30	1136	15*	-3	-11*
Франция	50	45	5	1501	37	44	19	2454	13*	1	-14*
Германия (З.)	67	24	9	1048	62	23	15	1182	4*	1	-6*
Германия (В.)	20	74	7	1003	19	72	9	524	1	2	-3
Ирландия	85	10	5	982	77	11	12	2049	8*	-1	-7*
Латвия	69	21	9	1506	53	34	13	1069	16*	-13*	-3*
Нидерланды	55	40	5	1552	43	42	15	1951	12*	-2	-10*
Норвегия	54	43	3	1087	38	39	23	1072	16*	4	-20*
Португалия	81	13	5	1553	85	11	4	1000	-4*	2	1
Россия	69	21	10	1490	56	13	31	1015	14*	8*	-21*
Словакия	74	17	9	1509	66	23	11	1138	8*	-5*	-3*
Словения	62	32	5	1366	51	30	19	1065	12*	2	-13*
Испания	72	23	5	1497	69	23	8	2373	3*	0	-3*
Швеция	35	41	24	1174	30	42	28	1235	5*	0	-4*
Швейцария	68	23	9	1271	57	30	13	1229	11*	-7*	-4*
Турция	99	1	1	2326	96	3	2	1453	3*	-2*	-1*
Украина	85	9	6	1507	73	11	16	2036	12*	-2	-10*
Великобритания	58	32	11	1549	42	35	23	1986	16*	-4*	-12*
Сев. Ирландия	83	8	9	495	77	12	11	1089	5*	-4*	-1

*Здесь и далее звездочкой в таблицах отмечена разница процентов, статистически значимая на уровне $p \leq 0,05$.

Респонденты, уверенные в своем ответе, дают однородные ответы при разных формулировках вопроса, тогда как колеблющиеся, в ситуации, когда необходимо задуматься и проанализировать дополнительные характеристики своей веры, как, например, в данном случае — хронологическую составляющую, — чаще дают отрицательный ответ либо затрудняются с ответом.

Сходными оказались лишь доли не верящих в Бога (более чем в половине рассматриваемых стран разница статистически незначима). Единственной страной, в которой разница превышает 10 %, оказалась Латвия: в ISSP процент не верящих в Бога оказался на 13 % выше, чем в EVS. Россия же оказалась единственной страной, в которой доля не верящих в Бога по данным EVS заметно (на 8 %) превышала результат ISSP (таблица 2).

Вера в жизнь после смерти

Данные по вопросу о вере в жизнь после смерти достаточно хорошо сопоставимы между двумя рассматриваемыми исследованиями. Хотя по многим странам различия статистически значимы, лишь в пяти странах из двадцати четырех рассматриваемых разница процентов по данному вопросу превысила 10 %. При этом значимые различия процентов в большинстве случаев компенсируются не противоположными вариантами («да» / «нет»), а вариантом «затрудня-

уюсь ответить». Дихотомическая формулировка вариантов ответа (в EVS) дает немного меньший процент верящих в жизнь после смерти, чем шкала из четырех пунктов (в ISSP).

Таблица 3

Вера в жизнь после смерти

	EVS				ISSP				Разность % между EVS и ISSP		
	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета
Австрия	52	34	15	1510	52	33	15	1020	0	0	0
Хорватия	50	37	13	1498	54	35	11	1201	-4*	2	2
Кипр	53	22	25	999	64	26	11	1000	-11*	-3	14*
Чехия	24	55	21	1793	25	68	7	1512	-1	-13*	14*
Дания	33	57	10	1507	33	54	13	2004	0	3	-3*
Финляндия	34	37	29	1134	40	45	15	1136	-6*	-8*	14*
Франция	39	54	7	1501	38	48	15	2454	1	6*	-8*
Германия (З.)	39	47	14	1048	46	41	13	1182	-6*	5*	1
Германия (В.)	15	72	13	1003	14	78	7	524	1	-7*	6*
Ирландия	60	24	17	982	73	19	8	2049	-13*	5*	9*
Латвия	40	43	17	1506	41	51	7	1069	-1	-9*	9*
Нидерланды	46	44	10	1552	45	38	17	1951	0	6*	-7*
Норвегия	45	50	5	1087	41	45	14	1072	4*	5*	-9*
Португалия	41	44	14	1553	43	48	9	1000	-2	-3	5*
Россия	34	43	23	1490	32	42	26	1015	2	1	-3
Словакия	55	32	13	1509	55	35	10	1138	0	-4	3*
Словения	32	58	10	1366	41	49	10	1065	-9*	9*	0
Испания	41	44	15	1497	44	47	10	2373	-3	-3*	6*
Швеция	34	40	26	1174	37	49	14	1235	-3	-9*	12*
Швейцария	45	40	15	1271	54	40	6	1229	-9*	0	9*
Турция	92	6	2	2326	94	5	2	1453	-1	1	0
Украина	38	37	25	1507	38	37	25	2036	0	0	0
Великобритания	44	40	16	1549	46	42	12	1986	-2	-2	4*
Сев. Ирландия	62	19	19	495	69	20	11	1089	-7*	-1	8*

Вера в ад

Вера в ад оказывается менее устойчивым показателем, чем вера в жизнь после смерти и вера в рай. По данному показателю в девяти странах разница процентов по содержательным ответам («да» и «нет») превышает 10 %.

Дихотомическая формулировка вариантов ответа в EVS, как и в случае веры в жизнь после смерти, дает немного меньший процент верящих, чем шкала из четырех пунктов (в ISSP). На первый взгляд, ситуация кажется противоположной тому, что мы наблюдали при анализе показателей веры в Бога (там дихотомическая формулировка давала больший процент верящих). Однако здесь, с точки зрения интерпретации, ситуация оказывается иной. В случае веры в Бога шкала, состоящая из четырех пунктов, задавала дополнительное основание (сейчас и ранее), а в случае веры в переселение душ, в ад, рай и реинкарнацию шкала из четырех пунктов, используемая в ISSP, задает только степень уверенности в ответе. Здесь мы выдвигаем другую гипотезу: сомневающиеся чаще выбирают отрицательный вариант ответа, если им дать всего два варианта («да» / «нет»). В случае, когда мы даем респонденту больше возможности отразить в ответе свое сомнение («да» / «скорее да» / «скорее нет» / «определенно нет»), положительных ответов оказывается больше.

Вера рай

Что касается веры в рай, то по большинству рассматриваемых стран расхождения процентов также оказываются не очень большими с содержательной точки зрения (хотя большие объемы выборок позволяют говорить об их статистической значимости). Наиболее заметные различия касаются в основном отсутствия ответа, а не содержательных вариантов — лишь в

четырёх странах из двадцати четырёх разница процентов между EVS и ISSP по содержательным вариантам («да» / «нет») ответа превышает 10 %.

Таблица 4

Вера в ад

	EVS				ISSP				Разность % между EVS и ISSP		
	да	нет	нет ответа	База	да	нет	нет ответа	База	да	нет	нет ответа
Австрия	24	64	12	1510	29	53	19	1020	-5*	12*	-7*
Хорватия	40	48	12	1498	47	42	11	1201	-7*	7*	1
Кипр	45	33	23	999	57	30	13	1000	-12*	2	10*
Чехия	15	67	18	1793	17	77	6	1512	-2	-9*	11*
Дания	9	87	4	1507	10	75	15	2004	-2	12*	-11*
Финляндия	17	59	24	1134	21	61	18	1136	-4*	-2	6*
Франция	17	81	3	1501	16	70	15	2454	1	11*	-12*
Германия (З.)	19	71	10	1048	25	60	15	1182	-6*	11*	-5*
Германия (В.)	6	89	5	1003	9	83	8	524	-2	5*	-3*
Ирландия	42	42	16	982	49	41	10	2049	-7*	0	6*
Латвия	27	55	19	1506	34	59	6	1069	-8*	-4*	12*
Нидерланды	15	81	4	1552	18	64	18	1951	-3*	16*	-13*
Норвегия	15	82	3	1087	14	71	15	1072	1	11*	-12*
Португалия	31	57	12	1553	36	54	9	1000	-6*	3	3*
Россия	32	43	25	1490	35	39	26	1015	-3	4*	-1
Словакия	39	45	16	1509	47	43	10	1138	-8*	2	6*
Словения	17	74	9	1366	32	55	13	1065	-15*	19*	-4*
Испания	27	63	10	1497	29	62	9	2373	-1	1	1
Швеция	8	73	20	1174	11	75	14	1235	-4*	-3	6*
Швейцария	18	72	10	1271	26	70	4	1229	-7*	2	5*
Турция	97	2	1	2326	96	3	1	1453	0	-1	0
Украина	40	36	25	1507	38	36	25	2036	1	-1	0
Великобритания	29	61	11	1549	28	57	15	1986	1	4*	-5*
Сев. Ирландия	65	18	18	495	62	28	9	1089	2	-10*	8*

Вера в переселение душ

По вере в переселение душ (реинкарнацию) разница, превышающая 10 % по ответам «да» или «нет», в рассматриваемых исследованиях наблюдается в 6 странах из 24. Разница касается в основном отрицательного варианта ответа и отсутствия ответа.

Исключение составляет Турция, где по данным EVS 27% верят в реинкарнацию, а 68% — не верят, в то время как по данным ISSP ситуация обратная: 89% верят, 9% — не верят. Исходно в массиве данных ISSP в вопросе о вере в реинкарнацию распределение ответов было следующим: на вариант ответа «да» приходилось 83%, «скорее да» — 6%, «скорее нет» — 2%, «нет» — 7%. Возможны два варианта объяснения значительных расхождений в данных между ISSP и EVS.

Поскольку основная религия в Турции, ислам, отрицает возможность реинкарнации, ошибка может быть связана с тем, что в анкете ISSP шкала была дана в обратном порядке. К сожалению, проверить данную гипотезу нам не удалось, поскольку анкета на турецком языке, доступная для скачивания на сайте исследования, не является реально использовавшимся инструментарием, а представляет собой лишь перевод вопросов английской анкеты на турецкий язык. В этой анкете варианты ответа приведены один раз для блока, состоящего из семи вопросов, оцениваемых по данной шкале (и их порядок совпадает с порядком английской версии шкалы).

Второе возможное объяснение состоит во влиянии формулировки вопроса. Обратимся к формулировке вопроса о вере в реинкарнацию в двух рассматриваемых исследованиях. В турецкой анкете EVS вопрос сформулирован следующим образом: «Верите ли Вы в то, что по-

сле смерти человек возвращается в этот мир в образе человека или животного»¹. В ISSP реинкарнация на турецкий язык была переведена как «возрождение после смерти», что могло быть понято респондентами и не как реинкарнация, а как синоним «жизни после смерти»². Таким образом, наиболее вероятно, что именно формулировка вопроса обуславливает столь значительные расхождения результатов в двух рассматриваемых исследованиях.

Таблица 5

Вера в рай

	EVS				ISSP				Разность % между EVS и ISSP		
	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета
Австрия	36	52	12	1510	41	41	18	1020	-5*	11*	-6*
Хорватия	52	36	11	1498	54	35	12	1201	-1	2	0
Кипр	52	27	22	999	60	28	12	1000	-9*	-1	10*
Чехия	19	63	18	1793	21	72	6	1512	-3	-9*	12*
Дания	19	75	7	1507	26	60	14	2004	-7*	15*	-8*
Финляндия	34	42	24	1134	36	48	16	1136	-2	-5*	8*
Франция	32	66	3	1501	25	60	14	2454	6*	5*	-12*
Германия (З.)	35	53	12	1048	37	50	13	1182	-2	4	-1
Германия (В.)	12	80	8	1003	16	76	8	524	-4*	4	0
Ирландия	67	21	12	982	77	16	6	2049	-10*	5*	6*
Латвия	33	51	16	1506	36	58	6	1069	-3	-7*	10*
Нидерланды	37	56	6	1552	36	46	18	1951	2	10*	-11*
Норвегия	39	58	3	1087	32	52	17	1072	7*	6*	-13*
Португалия	41	48	11	1553	46	45	9	1000	-4*	2	2
Россия	33	43	24	1490	35	39	26	1015	-2	3	-1
Словакия	46	39	15	1509	53	37	10	1138	-7*	2	5*
Словения	29	62	9	1366	35	53	12	1065	-6*	9*	-3*
Испания	41	48	10	1497	42	51	8	2373	-1	-2	3*
Швеция	19	59	22	1174	23	61	15	1235	-4*	-3	7*
Швейцария	39	52	9	1271	47	50	4	1229	-7*	2	5*
Турция	97	2	1	2326	97	2	1	1453	0	0	0
Украина	44	31	25	1507	40	36	25	2036	4*	-4*	0
Великобритания	46	43	11	1549	41	45	14	1986	5*	-2	-3
Сев. Ирландия	74	11	15	495	76	16	8	1089	-1	-5*	7*

Выводы

По вопросу о вере в Бога в достаточной степени сопоставимыми в рассматриваемых исследованиях оказались лишь доли не верящих в Бога. Доля верящих в Бога и затруднившихся ответить на вопрос о вере в Бога оказались малосопоставимы.

По блоку вопросов о вере в жизнь после смерти, рай, ад и реинкарнацию можно сделать вывод о том, что данные двух исследований в высокой степени сопоставимы, за исключением веры в реинкарнацию в Турции.

В случае веры в Бога шкала из четырех пунктов, используемая в ISSP, задавала дополнительное основание (вера сейчас и ранее). Доля верящих в Бога, полученная при помощи дихотомического вопроса в EVS, заметно превышает соответствующий показатель, полученный с использованием шкалы из четырех пунктов в ISSP. Колеблющиеся респонденты в ситуации,

¹ «Öldükten sonra, BU DÜNYAYA tekrar, insan veya hayvan, başka bir canlı olarak dönlüdüğüne inanır mısınız?». EVS 2008 – Turkey Field Questionnaire, p.12. URL:<http://info1.gesis.org/dbksearch13/download.asp?id=18331> (дата обращения: 30.12.2010).

² «Şimdi sayacaklarima inanır misiniz? ... Ölümünden sonra hayat ... Ölümünden sonra dirilme». Turkey ISSP-2008 – Religion III Questionnaire, p.4. URL:http://info1.gesis.org/dbksearch/file.asp?file=ZA4950_q_tr.pdf (дата обращения: 30.12.2010).

когда необходимо задуматься и проанализировать дополнительные характеристики их веры, будут склонны чаще давать отрицательный ответ, либо затрудняться с ответом.

Таблица 6

Вера в реинкарнацию

	EVS				ISSP				Разность % между EVS и ISSP		
	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета	База	да	нет	нет от-вета
Австрия	24	62	14	1510	31	51	19	1020	-7*	12*	-5*
Хорватия	13	74	13	1498	19	66	15	1201	-6*	8*	-2
Кипр	15	67	18	999	10	75	16	1000	5*	-8*	3
Чехия	15	71	14	1793	14	77	9	1512	1	-6*	5*
Дания	17	75	8	1507	17	69	14	2004	0	7*	-7*
Финляндия	17	58	25	1134	16	66	18	1136	0	-8*	7*
Франция	22	74	4	1501	20	64	16	2454	2	10*	-12*
Германия (З.)	23	63	14	1048	23	62	15	1182	0	1	0
Германия (В.)	7	77	16	1003	9	83	8	524	-2	-6*	8*
Ирландия	25	58	18	982	26	58	16	2049	-1	-1	2
Латвия	33	49	18	1506	34	57	9	1069	0	-9*	9*
Нидерланды	19	75	6	1552	22	59	19	1951	-3*	16*	-13*
Норвегия	17	79	3	1087	15	67	18	1072	3	12*	-15*
Португалия	27	60	13	1553	32	57	10	1000	-5*	3	2
Россия	26	52	22	1490	23	46	31	1015	3	6*	-9*
Словакия	12	73	15	1509	18	65	17	1138	-6*	9*	-2
Словения	18	72	10	1366	26	61	12	1065	-9*	11*	-2
Испания	20	66	14	1497	20	69	11	2373	0	-3	3*
Швеция	17	57	26	1174	17	66	17	1235	-1	-9*	10*
Швейцария	24	61	16	1271	29	64	6	1229	-5*	-4*	9*
Турция	27	68	5	2326	89	9	2	1453	-62*	59*	3*
Украина	28	49	23	1507	21	46	33	2036	8*	2	-10*
Великобритания	23	62	15	1549	24	61	15	1986	-1	1	0
Сев. Ирландия	19	62	19	495	17	69	13	1089	1	-7*	6*

В случае веры в переселение душ, в ад, рай и реинкарнацию шкала из четырех пунктов, используемая в ISSP, задает степень уверенности в ответе. Сомневающиеся респонденты чаще будут выбирать отрицательный вариант ответа, если даны всего два варианта («да» / «нет»). В случае, когда колеблющийся респондент имеет возможность отразить в ответе свое сомнение («да» / «скорее да» / «скорее нет» / «определенно нет»), положительных ответов будет несколько больше.

Методологические подходы к исследованию национальных различий в заработной плате

Родионова Лилия Анатольевна, *НИУ ВШЭ*

По данным Всероссийской переписи населения в 2002 году в России проживали представители более 160 национальностей. При наличии в стране высокой степени этнического разнообразия возникают вопросы: что происходит на рынке труда, нет ли дискриминации в отношении национальных меньшинств? Недопустимость дискриминации по этническому признаку является общепризнанной в международно-правовой практике¹. В соответствии с Конвенцией МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» (принята 25.06.1958) под дискриминацией понимается «всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национально-

¹ Всеобщая декларация прав человека. 1948. Ст. 7.

го происхождения или социальной принадлежности, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий. Любое различие, недопущение или предпочтение в отношении определенной работы, основанное на специфических требованиях таковой, не считается дискриминацией».

Различия в заработной плате, дискриминация и сегрегация на рынке труда интенсивно изучаются во всем мире с 1960-х годов; особенное внимание уделяется гендерной и расовой дискриминации. Родоначальником исследований в области расовой дискриминации принято считать Г. Беккера¹, который впервые оценил всевозможные формы и региональные разновидности расовой дискриминации в США и многих других странах мира. На основе аналитических моделей он обосновал экономическую невыгодность расовых предрассудков. Впоследствии много работ было посвящено построению и интерпретации показателей дискриминации².

Общепринятый эконометрический подход к измерению дискриминации в заработной плате был предложен А. Блайндером и Р. Оаксакой³. В его основе лежат логистическая регрессия и предположение о том, что при отсутствии дискриминации коэффициенты влияния других характеристик работников на их заработные платы будут одинаковы для всех групп; дискриминация имеется, если коэффициенты имеют разные значения.

В последние годы множество работ было посвящено этнической дискриминации в заработной плате. В Канаде обнаружилась значительная дифференциация в доходах не только между белыми и меньшинствами, но и внутри меньшинств⁴. В Бразилии уровень заработной платы «коричневых» и афроамериканцев существенно отличался от зарплаты белых⁵. В ходе полевого эксперимента в США Исследователи рассылали фиктивные резюме компаниям, предлагающим вакансии на рынке труда. Резюме содержали идентичные параметры соискателей (навыки, уровень образования, стаж работы и пр.) и отличались только именами, которые случайным образом были записаны авторами. Результаты свидетельствуют о том, что заявители с именами «белых» получили на 50 % больше откликов, чем соискатели с именами «черных»⁶. Аналогичный эксперимент на шведском рынке труда показал, что заявители со шведскими именами получили на 50 % больше откликов, чем заявители с «ближневосточные» именами⁷. Сходная тенденция выявлена в полевом эксперименте в Нью-Йорке на рынках труда с низкой заработной платой⁸.

Этническая и расовая дискриминация широко обсуждалась в странах с *переходной* экономикой. Ключевым фактором дифференциации в заработной плате на рынке труда в Украине по данным за 2003–2004 гг. было знание языка⁹. На рынках труда Эстонии и Латвии обнаруживалась дискриминация против славян¹⁰.

¹ Becker G. The Economics of Discrimination. Chicago: University of Chicago Press. 1957.

² Aigner D.J., Cain G. Statistical Theories of Discrimination in Labor Markets // Industrial and Labor Relations Review 1977. Vol. 30. № 2. P. 175–187; Bloom D., Killingsworth M. Pay discrimination research and litigation: The use of regression // Industrial Relations 1982. Vol. 21. P. 318–339.

³ Blinder A. Wage Discrimination: Reduced Form and Structural Estimates // The Journal of Human Resources. 1973. Vol. 8. No. 4; Oaxaca R. Male-Female Wage Differentials in Urban Labour Markets // International Economic Review, 1973. Vol. 14. P.693–709.

⁴ Pendakur K., Pendakur R. The Color of Money: Earnings Differentials among Ethnic Groups in Canada // The Canadian Journal of Economics. 1998. Vol. 31. № 3. P. 518–548.

⁵ Arcand J., D'Hombres B. Racial discrimination in the Brazilian labour market: wage, employment and segregation // Journal of International Development. 2004. Vol. 16. № 8. P. 1053–1066.

⁶ Bertrand M., Mullainathan S. Are Emily and Greg More Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination // NBER Working Paper. 2003. No. 9873.

⁷ Carlson M. Evidence of ethnic discrimination in the Swedish labour market using experimental data // Labour Economics. 2007. Vol. 14. P. 716–729.

⁸ Pager D., Western B., Bonikowski B. Discrimination in a Low-Wage Labor Market: A Field Experiment: IZA Discussion Paper No. 4469. 2009.

⁹ Constant A., Kahanec M., Zimmermann F. The Russian-Ukrainian Earnings Divide: IZA Discussion Paper No. 2330. 2006.

¹⁰ Aasland A., Flotten, T. Ethnicity and Social Exclusion in Estonia and Latvia // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 7. P. 1023–1049.

Однако не все исследования демонстрируют этническую дискриминацию. Например, у индейцев в Мексике низкий доход объясняется низким человеческим капиталом по сравнению с другими рабочими, а не тем, что они получают меньшее вознаграждение за равную работу¹. Исследование грузинского рынка труда по данным за 2004–2007 г. также не выявило дискриминации против этнических меньшинств, а различие в заработной плате объяснялось индивидуальными различиями и способностями².

Классическое объяснение дискриминации в заработной плате дал Г. Беккер (1957). Согласно его модели, работодатели, служащие и/или потребители имеют субъективное отношение (необоснованные положительные или отрицательные чувства) к определенным группам людей: женщинам, иммигрантам или этническим меньшинствам. Работодатель готов нести издержки, чтобы воздержаться от экономического взаимодействия с индивидами, отличающимися от него расой, полом или этнической принадлежностью. Неприязнь к некоторым группам приводит к дискриминации по заработной плате.

Второй подход к объяснению дискриминации — информационные асимметрии и статистическая дискриминация, предложенный Л. Туроу и Фелпсом³. Статистическая дискриминация объясняется следующим образом: Когда работодатель не имеет достаточной информации о навыках претендента, то потенциального работника он оценивает в большей степени по средним характеристикам группы, к которой тот относится, чем на основании его собственных характеристик. В результате работодатель принимает решение о найме работников с учетом таких критериев, как раса, пол, возраст.

Третий подход к изучению теории гендерной и этнической дискриминации — теория сегрегации рынка труда. Под сегрегацией понимают неравномерное распределение работников разного пола или национальности между отраслями экономики, профессиями и видами деятельности. Например, сегрегация может быть вызвана уровнем образования. Если группа имеет низкий уровень образования, то впоследствии ее представители смогут занимать рабочие места только низкой квалификации, т.е. иметь профессию с более низкой заработной платой. В ряде работ⁴ показано, что сегрегация является причиной неравенства в доходах мужчин и женщин. Таким образом, теория предоставляет различные объяснения дифференциации заработной платы между мужчинами и женщинами, между этническими меньшинствами и коренными жителями.

Для эмпирической проверки теории дискриминации на рынке труда существует два широко используемых метода. Один из них — оценка уравнения регрессии, в котором зависимой переменной выступает профессиональный статус или доход, независимыми — образование, опыт, срок работы на последнем месте, возраст и т.д., фиктивными переменными — принадлежность к расе, полу, этнической группе. Когда коэффициенты для дамми-переменных являются статистически значимыми и имеют отрицательный знак, это может быть потенциальным показателем наличия дискриминации на рынке труда. Такую модель применили Д. Кард и Т. Лемье⁵ в исследовании структуры заработной платы в США. Эконометрическая модель, используемая авторами, имеет вид:

$$w_{it} = b_t + D_i \alpha_t + x_{it} \beta_t + \varepsilon_{it}$$

где w_{it} — ставка почасовой заработной платы индивида i в момент времени t . Заработная плата является функцией наблюдаемых характеристик индивида, таких как возраст, образо-

¹ Trejo S. Why Do Mexican Americans Earn Low Wages? // The Journal of Political Economy. 1997. Vol. 105. № 6. P. 1235–1268.

² Skhirtladze S. Does a Liberal Labor Law Increase Discrimination? The Evidence from Georgia // Policy Research of ISET (International School of Economics at Tbilisi State University). 2008.

³ Thurow L. C. Generating Inequality. New York, 1975. P. 178; Phelps E. The Statistical Theory of Racism and Sexism // The American Economic Review. 1972. Vol. 62. № 4. P. 659–661.

⁴ Groshen E.L. The Structure of the Female/Male Wage Differential: Is It Who You Are, What You Do, or Where You Work? // Journal of Human Resources. 1991. Vol. 26. №3. P. 457–472; Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда // Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 250–297.

⁵ Card D., Lemieux T. Changing Wage Structure and Black-White Wage Differentials // The American Economic Review. 1994. Vol. 84. № 2. P. 29–33.

вание, опыт, обозначенных вектором x_{it} ; D_i — фиктивная переменная, характеризующая принадлежность к определенной расе, ε_{it} — случайный член.

Другой широко используемый метод — разложение Блайндера–Оаксаса¹. Эта процедура позволяет установить, до какой степени неравенство между двумя группами вызвано различиями в человеческом капитале; насколько неравенство обусловлено различиями в вознаграждении одинаковых способностей и умений; различия в вознаграждении обычно интерпретируются как признак дискриминации. В общем случае, пусть имеются данные по доходам и характеристики работников, которые разделены на две группы: привилегированная группа («звездочка» сверху) и обычная группа («звездочка» снизу). Для каждой группы уравнение для заработной платы (уравнение Минцера) можно записать отдельно:

для привилегированной группы: $\ln w^* = X^* \beta^* + u^*$,

для обычной группы: $\ln w_* = X_* \beta_* + u_*$,

где w — вектор заработной платы, X — матрица объясняющих переменных (возраст, образование, опыт и т.д.), u — вектор случайных ошибок. Наборы объясняющих переменных одинаковы для обеих групп.

С помощью метода наименьших квадратов ищутся оценки для коэффициентов β^* и β_* , которые обозначим b^* и b_* соответственно. Среднее различие в оценках логарифмов заработков представляется как:

$$\overline{\ln w^*} - \overline{\ln w_*} = \overline{X^*} b^* - \overline{X_*} b_*.$$

Различие в оценках коэффициентов для двух групп: $\Delta b = b^* - b_* \rightarrow b_* = b^* - \Delta b$.

После преобразований получается уравнение, показывающее, что среднее различие в логарифмах заработка двух групп может быть разложено на две составляющие:

$$\overline{\ln w^*} - \overline{\ln w_*} = b^* (\overline{X^*} - \overline{X_*}) + \overline{X_*} \Delta b.$$

Первое слагаемое в правой части — эффект различий в средних характеристиках этих групп; второе слагаемое в правой части — эффект от дискриминации, которая выражается в различии между оцененными коэффициентами регрессии.

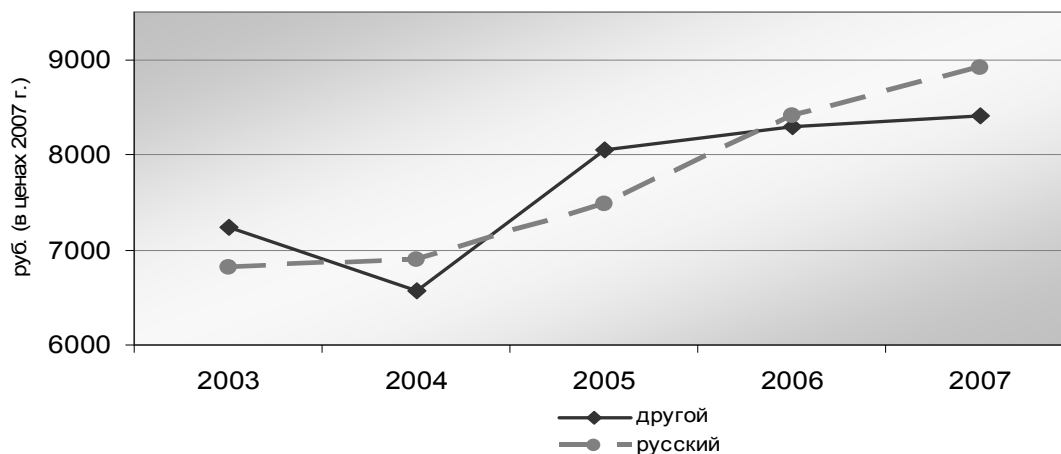

Рис. 1. Динамика средней заработной платы русских и других этнических групп в РФ по данным РМЭЗ за 2003–2007 гг.

Для проверки гипотезы о наличии экономической дискриминации на рынке труда этнических меньшинств, живущих на территории России, использовалась база данных Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ)². Анкета мониторинга содержит вопросы о национальности респондента («Кем вы себя считаете по национальности?»), его заработной

¹ Берндт Э.Р. Практика эконометрики: классика и современность: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 175–259.

² См.: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

плате и других социально-демографических характеристиках. Одна из проблем, возникающая при оценивании уравнения заработной платы, связана с малочисленностью этнических групп, представленных в РМЭЗ. Ввиду ограниченности данных вся выборка была разбита на две подгруппы: русские и другие национальности. Для анализа различий в заработной плате денежные переменные были приведены к уровню цен 2007 г. на основе индекса потребительских цен. На рис. 1 приведена динамика средней заработной платы русских и других этнических групп за 2003–2007 гг.

Различия в заработной плате между русскими и представителями других национальностей не имеют устойчивого характера, что рис. 1 и иллюстрирует. По параметрам личного капитала данные РМЭЗ также показывают (табл.), что русские и представители других национальностей имеют примерно одинаковый уровень образования, продолжительность опыта работы несколько больше у представителей других национальностей.

Таблица

Средние характеристики человеческого капитала и заработной платы для русских и других национальностей по данным РМЭЗ за 2006–2007 гг.

	Возраст, лет	Опыт работы, лет	Число лет обучения	Заработная плата (дефлирована к 2007г.), руб.
русские	47.54	8.8	15.8	8644.28
другая национальность	45.72	10.2	15.4	8353.20

Таким образом, на данных РМЭЗ построение уравнения регрессии с фиксированными эффектами и процедуры Блайндера–Оаксаса не показали экономической дискриминации этнических меньшинств, а незначительную дифференциацию в заработной плате можно объяснить различиями в индивидуальных характеристиках и способностях человека.

Актуальная реальность и история в учебной литературе: опыт контент-анализа¹

Саганенко Галина Иосифовна,
Социологический институт РАН

1. Учебный материал и форматы обучения: адекватность социальному времени

Интерес к адекватности содержания учебного материала и форматов российского обучения характеру современной эпохи уровню развития современных учащихся определяется актуальной ситуацией в системе российского образования: перманентными процессами модернизации, которые уже многие годы запускаются без достаточного обоснования и концептуального осмысления. При этом в модернизационных инновациях совершенно не представлены некоторые принципиальные моменты: в частности, почти полное отсутствие критического взгляда на корпус содержательных материалов обучения и обучающие форматы во многих гуманитарных дисциплинах, зачастую полное отсутствие привязки к современной эпохе, а также, что не менее важно, отметить неудовлетворительную роль, которая выделяется «финальным» субъектам образовательного процесса — учащимся. Все указанные моменты связаны друг с другом и в конечном итоге определяют в значительной степени неэффективность модернизационных усилий. Попробуем представить некоторые аргументы.

Система российского образования находится в процессе перманентных изменений. Так до 2003 года Болонский процесс не был еще актуальной отечественной перспективой, разные субъекты образовательных систем смутно представляли, что оно есть такое. Дискурс в обществе по проблематике образования тогда выстраивался вокруг оплаты учителей, загруженности школьников и учителей, социальных факторов неравенства в сфере образования, все расширяющегося спроса на высшее образование, рыночных механизмов в системе образова-

¹ Статья подготовлена на материалах проекта «Социальная реальность в системах российского образования. Адекватность содержания учебного материала и форматов российского обучения характеру современной эпохи и уровню развития современных учащихся», выполненного при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант №08-03-00578а).

ния, доступности и качества высшего образования. Эпизодически артикулировалась проблема кризиса российского образования, необходимость его модернизации.

С 2003 г., с момента подписания Россией Болонской декларации, тематика обсуждения принципиально изменилась; сейчас основную массу публикаций, конференций, круглых столов посвящают Болонскому процессу и российским образовательным новациям в связи с включением страны в европейскую образовательную интеграцию. Поменялись спектр и тональность обсуждений, интенсивность дискурса. Наблюдается некое шапкозакидательство: немножко усилий и мы окажемся в гуще европейского образования. Россия «семимильными шагами» двинулась в Болонский процесс с намерением утвердиться в европейской образовательной табели о рангах. Это, несмотря на то, что пока только МГУ им. Ломоносова попадает в первую сотню престижных университетов мира (на 76-м месте в мире и 23-м в Европе), следующий по значимости вуз, СПбГУ, только в третьей сотне.

Для проекта мы выбираем проблему, плохо артикулируемую при обсуждении российского образования: соотношение между содержанием и форматами обучения в различных дисциплинах, взаимоотношение обучения с социальной реальностью. Представляется, что российское образование (речь по большей части будет идти о гуманитарном образовании) все более и более выхолащивается, все более теряет связь с жизнью, становится только учебным «материалом», все более абстрактным и трудно воспринимаемым учащимися и студентами, вызывающим нередко отчуждение и неприязнь к отдельным дисциплинам и процессу обучения в целом. Представляется, что свои социальные и образовательные потери отечественное образование «компенсирует» все повышающейся учебной нагрузкой, все большими академическими строгостями, все более усложненными формами заданий, все большими претензиями на высокие академические стандарты и пр. Российское обучение сопровождается полным игнорированием учащихся (и школьников, и студентов) как партнеров образовательного процесса.

По поводу содержания учебного материала. Однажды мы попытались проанализировать множество отечественных учебников по социологии и понять, какого типа тексты и материал в них обнаруживается. Было выявлено много любопытных характеристик, но определенно никакой актуальной социальной реальности мы там не обнаружили: там не было (ни прямо, ни косвенно) ни проблем реального общества, ни проблем реального современного человека, тем более живущего в таком сложном обществе, которое представляет сейчас Россия и тем более проблем такого мегаполиса, как Петербург.

Отечественные социологи не справляются и с глобальными социальными коллизиями. В учебниках по социологии сплошь и рядом нет даже единичных примеров. В разделах/книгах по методологии и методам исследований нет также никаких признаков социального времени. Получается, что исследования как бы вершатся на небесах, не зависят ни от денег, ни от людей, ни от страны, ни от эпохи, что возможности изучить определенную социальную проблему, реализовать достойный исследовательский проект остались прежними, качество разработок оценивается лишь формальной логикой исследования (с чем, однако, трудно согласиться).

Еще одна обнаруженная при анализе практики школьного обучения коллизия: реальная жизнь реального общества, реальные коллизии и проблемы «человека обучающегося» не являются предметом рефлексии ни в каких учебных курсах. А ведь они вполне могли быть материей для освоения родного языка, коллизий обществоведения, географии, истории, культуры и др. В итоге наблюдается такая серьезная и глобальная ситуация в обществе. Каждый человек проводит в системе образования огромную долю своей жизни, в сумме набирается огромный объем времени, соответственно, огромный объем личностного потенциала, психической энергии, денег и иных средств, затраченных на деятельность в образовательной системе, в значительной степени ориентированной на достижение в определенном смысле «корпоративных», «внутренних» целей самого образования.

При этом оказывается, что проблемы реального общества не интересуют ни одну учебную дисциплину — ни социологию, ни литературу, ни обучение родному языку, ни историю, ни

психологию и пр. Обществом в целом хорошо разработаны только подсистемы патронажа, занимающиеся уже состоявшимися девиациями: больницы, милиции, тюрьмы, институты социальной помощи и др., которые действительно «интересуются» проблемами реального, конкретного человека, но уже как вылетевшего на обочину жизни.

Все свои жизненные представления о самих себя и о современном обществе, в котором мы живем, мы получаем «кустарным образом», чисто «эмпирически», в повседневности, методом проб и ошибок. Получается, что реальная жизнь малозначима и несущественна для учебного процесса, и отсюда в конечном итоге глубоко проникают в каждого человека представления о малой значимости и несущественности своей собственной жизни, как следствие не возникает чувства ответственности за свою жизнь, тем более, развернутых и глубоких представлений об этой жизни и ответственности.

Актуальность рассмотрения данной проблемы состоит в том, что огромные массы учащихся поставлены перед произволом придуманных, имеющих слабый познавательный и развивающий эффект методик и правил, изнуряющих силы детей и родителей заданий, изматывающих учебных манипуляций. Они в конечном итоге приводят к отчуждению детей от процесса познания, да и от собственной жизни. Поэтому важно систематически и доказательно проанализировать содержание и существующие форматы обучения, чтобы сделать принципиальные выводы. Система образования становится все более «академической», вводит все более жесткие форматы обучения, якобы определяемые логикой изучения предмета и общественными потребностями.

II. Результаты эмпирического изучения учебников

В этой части статьи мы представим анализ трех учебников. Общая задача, которую мы здесь поставили, — обнаружить характер и масштабы актуальной реальности, представленной в учебном тексте с учетом всего освещаемого исторического периода. В отношении учебника «Обществознание» задачи у нас более серьезные: провести систематический анализ всего разнообразного материала учебника и выявить, какие цели и задачи решает данный учебник, какое знание получают школьники, осваивая предложенный материал и разнообразные задания.

Эмпирико-аналитическая часть строится на использовании метода контент-анализа. Заодно у нас будет возможность поспорить с традиционными способами презентации этого метода в учебной социологической литературе.

В принципе все три учебника, так или иначе, касаются исторических коллизий и строятся на историческом материале. Будем считать историографию совокупностью исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе, и, упрощая ситуацию, как совокупность исторического материала, представленного в определенном целостном научном продукте, в частности в учебнике.

Мы интересуемся несколькими моментами в учебниках: (а) непосредственно представленным в учебниках самим историческим материалом, (б) и тем, насколько и каким образом включена и актуальная социальная реальность в учебный продукт.

Мы исходим из посылки: *чтобы учащиеся могли понимать прошлое, они должны хорошо понимать настоящее, хорошо в нем ориентироваться*. Ибо настоящее — это то, что учащиеся (дошколята, школьники, студенты) осязают, видят, осознают, в контексте которого приобретают свой жизненный и учебный опыт, и потому им проще строить свое познание не на умозрительных схемах, а иметь конкретный «оригинальный» материал «под рукой». Выстроив базу из актуального знания, потом будет проще уходить в более отдаленные эмпирии, приобретать более осмысленное и эффективное знание.

Рассмотрим три учебника, которые имеют историографическую базу и непосредственно задевают актуальную реальность:

(1) *Культурология* / Под ред. В.П. Большакова, С.Н. Иконниковой. СПб.: Питер, 2010.

В учебнике есть буквально современная глава: «Российская культура в XX – начале XXI веков».

(2) Ермолаева Л.К., Лебедева И.М. Краеведение: Страницы жизни нашего края с древнейших времен до современности: Для 5 класса: Учебное пособие. СПб.: СММО Пресс, 2008.

Как видим, современность непосредственно встроена в самое название учебника.

(3) Обществознание. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. Л.Н. Боголюбова, Л.Ф. Ивановой. 3-е изд. М.: Просвещение, 2010.

Так или иначе, границы внимания данного учебника простираются от IV–VI века до н.э. до современных реалий, включая деятельность академика А.Д. Сахарова и упоминание имени ныне здравствующего дирижера Валерия Гергиева.

Итак, коротко осветим обнаруженные нами особенности общения составителей учебников с учащимися по поводу заявляемого дисциплинарного курса.

1. От «**Культурологии**» можно было бы ожидать серьезного представления современной культуры, ведь учебник не по истории культуры или истории культурологических теорий, а именно по культурологии.

Да, последняя содержательная глава дотягивает до современности и называется «Русская культура в XX–XXI вв.». Глава из 22 страниц состоит из следующих параграфов: **Серебряные век...**; **Послереволюционные** изменения в социальных слоях...; Судьбы высших ценностей... **в советский период**; Нравственная культура... **в послереволюционной России**; Эстетическая и художественная культура **в советское время**: Истина и свобода жизни **советской страны**; Русская культура **в эмиграции** (**выделены** привязки к определенному историческому периоду. — Г.С.). Наконец, актуальная культура представлена в последнем параграфе «**Проблемы и перспективы развития культуры в современной России (с. 465–468)**». Ей посвящены, как видим, 4 страницы из 552, или 0,7%. Но и они насыщены лишь самыми общими словами и высоко духовной риторикой, что, мягко говоря, слабо освещает собственно современную культуру.

2. «**Краеведение**» тоже использует идею современности: из 432 стр. на главу «Современный город и горожане» выделена... 1 страница!! «Масштаб современности» будет лучше понят в контексте материала всей главы. Ее название 10. «Наш край во второй половине XX века».

§31 «Возрожденный Ленинград» (с. 415–427) имеет следующую структуру: 1. Восстановление Ленинграда после войны; 2. Праздник ленинградцев; 3. Ленинград — один из главных городов СССР; 4. Облик города; 5. Быт ленинградцев; 6. Ленинградская область; 7. Проблемы города, области и их жителей.

Самый главный для нас раздел: § 32. Неоконченная страница: 1. Санкт-Петербург — крупный город России. Всего одна страница (с. 428)! Возникает вопрос: зачем авторам этих двух учебников потребовалась идея современности? Кроме фактически пустых глав, никакого материала нет ни в одном, ни другом учебнике. Ясно, что описывать прошлое намного проще, поскольку есть историография: масса работ по любому периоду, а вот актуальную современность, видимо, осилить непросто. Между тем, современным учащимся нужнее ориентироваться и понимать современные реалии и контексты, а не бойко сыпать фактами.

Отметить еще очень важную особенность: категорически отсутствует понимание генерального дидактического принципа — начинать с персональной значимости того, что изучаешь. Знание должно расходиться концентрическими кругами от самого учащегося.

Продуктивно будет выстраивать освоение территориально-географического пространства в такой последовательности: квартира, подъезд, двор, улица, микрорайон, городской район, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Северо-западный федеральный округ, Россия, Европа, Мир.

По социальному времени: от настоящего, в ближайшие прошлые дни, месяцы и годы, в другие ближайшие эпохи, XX век, XIX век, и так далее. И, наконец, палеолит.

Освоение социальных пространств: Я, моя семья/дом, моя учеба/школа, мои близкие-друзья-другие, мои интересы-досуг-хобби, мое взросление — другой пол, мое поколение-младшие-старшие-пожилые, актуальные социальные коллизии семьи, города, региона, страны, Европы, мира.

III. Обществознание в множественных измерениях

Третьему учебнику по обществознанию мы посвятили массу времени и разработали целую систему дотошного анализа такого рода учебной продукции. Могу пояснить и личный интерес: моя внучка учится именно по этому учебнику в 238-й школе Санкт-Петербурга. До последнего времени, будучи даже доктором социологических наук, я никак не могла понять жанр материала и дискурса, представленных в многочисленных учебниках по обществознанию. Надеюсь, что после выдержанного мною «аналитического марафона» задача восприятия нынешних учебников по обществознанию будет мне более по зубам.

В учебнике «Обществознание» [3] я последовательно выявляла и историографические коллизии, и социальную реальность. Для начала я обнаружила несколько видов систематического материала, простирающегося на разных по жанру и разных по длительности временных интервалах, которые вроде дотягивались и до нынешних времен.

Остановимся на трех рубриках, систематически врезанных в тело учебного материала: «Жил такой человек», «Путешествие в прошлое» и «Картинная галерея», при этом первые два представлены короткими эссе, а третья дается в виде репродукций отдельных картин на полной странице книги. Всего единиц для анализа соответственно, 20, 18, 29. Все эти конкретные материалы, так или иначе, прописаны в конкретной эпохе, иногда с точностью до конкретного года и даты.

Наша задача — понять, как проводилась селекция иллюстративных единиц (героев, фрагментов истории, репродукций), в каком порядке и каком контексте они были выставлены в учебник. Первое, что я поняла, что для начала надо уточнить адекватность возраста учащихся, к которому апеллируют авторы учебника. Обратимся к некоторым рубрикам.

1. «Поэтическое слово»

Приведем некоторые из 49 стихов, украшающих текст в двух поэтических рубриках.

У вороны Пять птенцов, Пятеро Веселых сорванцов. Пятеро	Стих №2, с. 20:	
	Уселись на суку.	Сказали:
	Каждый	— Карр, спасибо!
	Проглотил	А один:
	По червяку.	— Ах, мамочка,
	Четверо	Ку-ку! Р. Сеф

Стих № 6. С.34	
Из чего только сделаны мальчики?	Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны мальчики?	Из чего только сделаны девочки?
Из улиток, ракушек,	Из конфет и пирожных,
Из зеленых лягушек,	Из сладостей всевозможных,
Вот из этого сделаны мальчики!	Вот из этого сделаны девочки!
	Перевод с англ. С. Маршака

Стих № 14. С.70	
Любили тебя без особых причин	За то, что на папу и маму похож.
За то, что ты — внук.	И эта любовь до конца твоих дней
За то, что ты — сын.	Останется тайной опорой твоей.
За то, что малыш. За то, что растешь.	В. Берестов

Стих № 18. С.96	
Стихи для папы	Скачу быстрее оленя,
Мой папа! Папа мой!	Когда придешь домой.
Я на твоём колёне	Все, к чему летят мечты,
	Знаешь и умеешь ты... В. Берестов

А ведь эти стихи не только надо читать, но и отвечать на «удивительные» вопросы, их сопровождающие. Это, однако, отдельный жанр, требующий дополнительной экспертизы. Сразу обнаружился полный диссонанс между реальным социально-возрастным развитием

школьников 6-го класса и коммуникацией авторов учебника в поэтическом жанре. Стихи адекватны разве лишь для дошколят. И спрашивается, как тут быть. Как всерьез обсуждать после этого вопросы обществознания.

2. «Жил такой человек»

Проще всего анализировать «историографию» учебника по героям, которыми насыщен иллюстративный материал учебника, поскольку все герои имеют годы жизни, их легко было уложить на хронологическую ось. Всего 21 человеку посвящены специальные эссе.

Появляются они в учебнике в таком (отнюдь не в хронологическом) порядке: О.И. Скороходова, Л. ван Бетховен, Г. Шлиман, М.И. Ломоносов, Ж.Ф. Шампольон, А.П. Бородин, В.А. Сухомлинский, Л.С. ПонTRYгин, братья Третьяковы, К.Э. Циолковский, И.И. Левитан, А.С. Норов, В.И. Даль, Иван III, Н.А. Некрасов, С.Д. Эрьзя, А-И.П. Ганнибал, А.Д. Сахаров, А.В. Суворов, К.И. Чуковский.

Как видим, из иностранцев представлено только три персоны – Бетховен, Шлиман и Шампольон, или 1/7 списка. Их жизнь и творчество относятся к 18–19 вв., поэтому историография из учебника «Обществознание», и соответственно общество из учебника смотрится по преимуществу российскими. Временной интервал, из которого сделана селекция персон — это 1440 г (год рождения Ивана III) и 1989 г. (год смерти Д.С. Сахарова).

Вот основные временные интервалы, на которых творили персоны:

- вторая половина 19-го века, 8 человек: Норов, Даль, Некрасов, Бородин, Шлиман, братья Третьяковы, Левитан;
- советский период, 7 деятелей: Эрьзя, Чуковский, Сухомлинский, Скороходова, ПонTRYгин, Сахаров;
- стык 18–19 веков, три человека: Суворов, Бетховен, Шампольон;
- на середину 18-го века пришлось творчество Ломоносова и Ганнибала;
- творчество Циолковского принадлежит двум векам;
- отодвинутый на 2,5 века вглубь российской истории великий князь Иван III.

А теперь попробуем понять, исходя из каких критериев, отбирались герои в учебник. Нам приходилось наводить биографические справки из разных сайтов интернета, но аргументы мы выявляли только из тех тестов, которые сопровождали презентацию каждого героя. Получилось, что наиболее массово представлена категория героев, которые рассматривались авторами учебника как пример для подражания школьников, как пример упорства в достижении цели. Среди них Г. Шлиман, М.И. Ломоносов, Ж.Ф. Шампольон, А.П. Бородин, К.Э. Циолковский, В.И. Даль, С.Д. Эрьзя, А-И.П. Ганнибал.

К этой категории добавляется еще группа героев, которые при этом еще и преодолевали серьезные физические проблемы (еще более сильный пример для школьников): О.И. Скороходова (слепая и глухая с пяти лет, а стала поэтессой и ученым), Л. ван Бетховен (оглохший композитор), Л.С. ПонTRYгин (слепой с детства математик), А.В. Суворов (был маленьким и хилым, но стал генералиссимусом, бесстрашным и смелым), А.С. Норов (потерял ногу в 16 лет на войне 1812 г., а потом стал министром образования).

Представлены еще хорошие люди, которые любили детей и много для них сделали: В.А. Сухомлинский, Н.А. Некрасов, К.И. Чуковский.

Есть патриоты, которые вообще много сделали для страны: И.И. Левитан («оставил нам в наследство разнообразный мир природы России»), А.С. Норов (совершил большое путешествие, написал книгу, выбран членом Петербургской Академии, был назначен министром народного просвещения), В.И. Даль (собрал более 30 тысяч пословиц, прибауток и пр. и опубликовал их, 50 лет потратил на составление толкового словаря, словарь до сих пор не потерял своего значения), князь Иван III (продолжал собирать русские земли, ввел в качестве символа России двуглавого орла), А.Д. Сахаров (выдающийся ученый и общественный деятель, заботился о мире).

И последний критерий для анализа: почему именно в таком порядке появлялись герои в учебнике? Рассогласование в этом списке очередности их появления в учебнике и порядком

их существования в истории большое, особенно это касается Ивана III, Ганнибала, Суворова: они родились среди первых, а появились в конце учебника.

Оказалось, что у авторов учебника были большие морально-этические задумки.

Самая сложная глава 5. Родина дает некоторую информацию, но, по большей части, посвящена воспитанию патриотизма (рубрики «Учимся быть достойными гражданами; Учимся уважать людей любой национальности»). Так Иван III появился прежде всего в связи с объяснением новейшей символики государства, которая поставлена в конец учебника: он, можно сказать, отстоял для российского государства двуглавого орла, ввел в церемониал скипетр и державу. Ганнибал был пристроен для иллюстрации темы «Что такое национальность», но это тоже одна из последних тем учебника.

Еще есть портреты отдельных известных личностей, но они встроены в учебник без всяких комментариев — Александр Пушкин, Махмуд Эсамбаев, Расул Гамзатов, Валерий Гергиев и др. — только чтобы проиллюстрировать многонациональный характер культуры России. Так что воспитательная миссия учебником активно выполняется.

В. «Путешествие в прошлое»

Представим максимально лапидарно объекты и примерные сентенции этой рубрики, с указанием порядка появления исторического эссе в учебнике:

- (1) Герострат хотел прославиться, плохо смотреть на людей свысока;
- (2) первобытная община, как включали детей во взрослую жизнь;
- (3) блокада Ленинграда, спасли коллекцию семян;
- (4) В. Белов описал северную сельскую семью, подчеркиваются ценные человеческие качества;
- (5) в первобытной общине труд делился между ее членами, в Древней Руси домашняя хозяйственная работа делилась на мужскую и женскую;
- (6) Мономах в XI в. создал «Поучение» с советами, как воспитывать детей, потом в XV в. появился «Домострой», своеобразная энциклопедия русского домашнего быта;
- (7) шахматы появились в Индии, попали в Европу в 8–9 веках, они учат принимать самостоятельные решения, в них играли Менделеев, Тургенев;
- (8) до XV в. школ на Руси не было, Иван Федоров в 1564 г. напечатал первую книжку «Апостол», а потом первую «Азбуку»;
- (9) русские города поражали иностранцев величию своих архитектурных сооружений, мостовые были в Великом Новгороде на 500 лет раньше Парижа, запомни — писать на памятниках нехорошо;
- (10) Диоген, самый высокий талант человека, малые потребности;
- (11) еще до Петра I на Руси существовали две эмблемы: всадник, поражающий дракона, и двуглавый орел;
- (12) традиция трехцветного флага пошла от Петра I;
- (13) государственный гимн России «Молитва русских», а затем гимн «Боже, царя храни!» — оба написаны поэтом Жуковским, с 1917 до 1944 г. гимном был Интернационал, ... с 2001 г. новый текст С. Михалкова с музыкой Александрова;
- (14) «гражданин» в Древней Греции и Древнем Риме; «демократия» означает власть народа;
- (15) в начале XVII в. было ослабление российского государства, вторжение иностранных войск, в августе 1612 г. ополчение во главе с Мининым и Пожарским вошло в Москву...;
- (16) русские цари приглашали иностранцев на службу в Россию, после войны 1812 г. осталось жить в России много французов;
- (17) возникло золотое правило еще в середине первого тысячелетия до н.э.: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»;
- (18) древних людей страх преследовал повсюду.

Итак, если разобраться с эпохами в этих пассажах, то получается: до новой эры — 4 эссе, потом дважды неопределенные по времени некие первобытные общины и Древняя Русь, потом всякое просвещение: «Поучение», «Домострой», шахматы, «Апостол» и первая «Азбука»; потом патриотическая тематика: мостовые у нас были раньше всех, символика, гербы-

гимны, долой поляков-шведов; моральная тематика: межнациональная терпимость, христианские заповеди, преодоление страха.

Основная идея разных пассажей — морализаторство, а не исторически-значимая коллизия, просто герой нужен, чтобы зацепиться и пристроить для учащихся нравоучение.

Г. «Картинная галерея»

В этой рубрике представлено 29 репродукций: художники от Андрея Рублева до советской художницы Антиповой, тематика представленных картин с учетом эпохи — сюжеты от библейских сюжетов до сцен из советских времен. Всего 17 картин русских художников и 9 советских. Из зарубежных художников только Рембрандт. 8 «детских сюжетов», более к современности относятся «детские» картины: «Будущие летчики» Дейнеки и «Мальчики в саду» Антиповой.

Тематика из прошлого века, частично взрослые и напряженные сюжеты из картин передвижников: Пукирев «Неравный брак» (1862), Максимов «Все в прошлом» (1889), Перов «Приезд гувернантки в купеческий дом» (1866), Тропинин «Гитарист» (1832); Федотов «Свежий кавалер» (1846) и др.

Сквозная морально-этическая нота. Можно сделать один принципиальный вывод: вся книга посвящена воспитанию — объяснению того, «что такое хорошо и что такое плохо». Все остальное вторично.

подавляющее большинство живописных сюжетов нужны авторам учебника только для иллюстрации обсуждаемой в разделе морально-этической сентенции. Так, «Блудный сын» Рембрандта помещен в тематический контекст обсуждения человеческого качества доброты («В склоненной голове, выражении лица, жесте рук отца угадывается просветленная радость и безмерная любовь. Оба взволнованы, охвачены добрыми чувствами», с. 197). Две старые женщины на картины Максимова «Все в прошлом» «призывают» школьников уважать старых людей.

Глава VI «Добродетели» посвящена двум чувствам — доброте и смелости (в паре со страхом). Доброта обсуждается в разделе 19 «Человек славен добрыми делами»: Что такое добро. Кого называют добрым. Доброе — значит хорошее. «Главное правило доброго человека (Мораль — это правила доброго поведения)». И здесь, в разделе о доброте, представлен А.Д. Сахаров, как пример доброго человека. И упомянутый уже из «Картинной галереи» «Блудный сын» Рембрандта. И рубрика «Путешествие в прошлое» окончательно ставит точки над *i*, излагая как бы историю появления в мире «золотого правила», мудрости: «Как хотите, чтобы с вами поступали, так поступайте и вы с ними».

В теме 20 «Будь смелым» рассматривается тема «Что такое страх»; тут в ее раскрытие из рубрики «Путешествие в прошлое» дается напоминание из древнегреческих мифов о рождении Афродитой и Аресом двух сыновей Деймоса (ужаса) и Фобоса (страха), упоминается сестра Ареса богиня ссор и раздоров Эрида и ее козни. Вот тут-то нам и пригодился художник С.Д. Эрзя с его картиной «Ужас».

Всерьез продвигается понимание школьниками коллизии ужаса еще и благодаря картине К. Брюллова «Последний день Помпеи» (с. 202).

Ну и поэтическое слово В. Высоцкого тут будет тоже по делу «В заповедных и дремучих страшных муромских лесах всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх... Страшно, аж жуть» (с. 206).

Однако пора, по замыслу авторов, переходить и к «позитивной программе»... Вот учащиеся осваивают тему «Смелость города берет». Они вникают в то, что «Смелыми люди не рождаются, Смелость воспитывается. Умение владеть собой перед лицом страха — вот главное свойство смелого человека». И тут в поддержку освоения этой темы выступает образ А.В. Суворова, его «знаменитый переход... через Альпы навсегда вошел в историю как беспримерный по смелости замысла и героизму его участников». (Хотя тут авторы сами себе противоречат, сразу сообщая нам «Любопытно, что этот переход проходил по тем же местам, что и поход великого Ганнибала в 218 году до нашей эры» (с. 203)).

Заключение

Примерно 4/5 материала учебника можно отнести к моральному дискурсу. Много отдельных интересных аналитических моментов обнаруживается в вопросах, заданиях, введениях к разным темам. Выявление того, есть ли в учебнике сюжеты, реально свободные от миссии воспитания, требует самостоятельного анализа. «Историография» здесь могла бы быть, но она явно уступает перед написанием более значимой задачи – морально-нравственного воспитания учащихся.

Шесть глав книги (Человек, Семья, Школа, Труд, Родина, Добродетели) вполне заслуживают и социологического анализа своих содержательных пассажей. Многие пассажи сразу же напрягают своим социологическим содержанием (например, оказывается, что главное предназначение семьи «состоит в том, чтобы не иссякал род человеческий, появлялись все новые и новые поколения, развивалось общество», с. 69), но это уже материал для другой конференции.

Проделав значительную работу, приходишь к выводу, что историография (что в контексте «Картинной галереи», что в исторических пассажах «Путешествие в прошлое», что в презентации персоналий «Жил на свете человек») имеет второстепенное значение, и потому наш «историографический пафос» теряет в значительной степени свой смысл, поскольку авторы учебника вольны в презентациях и интерпретациях. Догадаться, как будет использоваться тот или иной элемент в теле учебника невозможно.

Можно лишь быть благодарным, что авторы провели морально-нравственное измерение по всему тексту, а не в религиозно-нравственном ключе.

Методические особенности организации глубинных интервью с государственными чиновниками современного Китая¹

Сельцер Дмитрий Григорьевич
*Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина*

5–19 января 2011 г. автор статьи провел полевое исследование в КНР. Географические границы были локализованы Шанхаем и группой городов (Суйфэньхэ, Фудзи и Цзямусы) провинции Хэйлунцзян. Объектом изучения стали субрегионы современного Китая. Исследование проведено в рамках проекта «Comparative Research: Major Regional Powers in Eurasia», инициированного правительством Японии. Внутри проекта — 6 направлений. Одно из них, оформленное в исследовательскую группу «Domestic Politics: Outline», в логике сравнительной политологии изучает элиты, местное управление и самоуправление, социально-политические расколы в Индии, Китае и России.

При выполнении этого проекта автор опирается на многолетний исследовательский опыт: в конце 1990-х – середине 2000-х гг. в рамках нескольких международных и отечественных (поддержанных РГНФ) проектов было проведено сравнительно-историческое и сравнительно-политологическое эмпирическое исследование 7 регионов СССР–РФ (Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областей, республик Мордовия, Удмуртия и Чувашия), результаты которого изложены в научной монографии².

Фокус нашего научного интереса нацелен на проведение в исторической динамике сравнительного анализа номенклатурной организации власти, номенклатурной системы и собственно номенклатуры КПСС и типологически близких феноменов КНР с их наложением на современные российские реалии. Фактически через элитологическую парадигму (в логике «от решенческого класса — к политической системе») исследуются трансформационные процессы в политических системах СССР – КНР – РФ.

¹ Автор выражает признательность японскому профессору К. Мацзато и китайскому профессору Ян Чэну за методологическую и организационную подготовку исследования, а также японскому профессору Ф. Тахаре за библиографическое консультирование.

² Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006.

СССР пал, КПСС ушла с исторической арены. КНР и КПК выжили и демонстрируют впечатляющие и неоспоримые темпы развития. Почему это происходит, если политическая система КНР создавалась во многом как клон советской? Была ли у М.С. Горбачева возможность двинуться по китайской модели развития и стать российским Дэн Сяопином? Была ли такая возможность у его преемников? Есть ли она у нынешнего руководства России? Каково в сравнительном измерении качество управленческих кадров СССР – КНР – РФ? Ответы на эти вопросы и составили задачи исследования. Фактически через оценку состояния кадров государственного управления предстоит сделать выводы о причинах распада СССР, истоках жизнеспособности КНР и политических перспективах РФ.

На момент написания статьи нами были взяты 17 глубинных интервью (14 мужчин и три женщины-чиновника). Три эксперта — это профессура ведущих университетов Китая (старейший и престижнейший университет Китая Фудань (Шанхай), динамично развивающийся как исследовательский Восточно-Китайский университет (Шанхай) и Хэйлунцзянский университет в Харбине). От профессоров-элитологов и специалистов в области государственного управления было важно получить детализированную информацию об общей логике карьерной инфильтрации в Китае, номенклатурных правилах и стратегиях.

От номенклатурных работников самой высокой локальной иерархии (председатели и заместители председателей Народных правительств городов, начальники и заместители начальников управлений, комиссий и отделов городских комитетов КПК и Народных правительств) было необходимо получить знания о вполне конкретных номенклатурных практиках современного Китая, их личных карьерных траекториях.

Описанию субъективных и объективных организационных сложностей и посвящена настоящая статья. Знание о них позволит иностранному ученому, работающему в Китае, избежать ошибок, совершенных автором статьи, и провести исследование с максимальной эффективностью.

В Китае чиновнику было всегда запрещено давать интервью иностранцам. Запрет не снят и поныне. На этом можно было бы закончить, но интервью, к счастью, все-таки состоялись. Изменения последних десятилетий и, самое главное, стремительная внутренняя политическая трансформация, модернизация экономики и кадров управления, быстрая демократизация и современные китайские политические реалии позволили преодолеть это препятствие. Более того, китайские чиновники за небольшими исключениями давали интервью с большой ответственностью, очень часто с видимым желанием и, соответственно, высоким уровнем откровенности. Вместе с тем, зарубежному исследователю следует знать, что внутренняя трансформация в Китае идет неравномерно. Большая открытость наблюдается в Шанхае, меньшая — в Пекине и провинциях.

В Китае издревле непростое отношение к иностранцам, и давать интервью им китайцу совершенно непривычно. Долгие десятилетия тема кадров и кадровой работы была зоной умолчания в китайской исследовательской практике. Здесь же в каком-то смысле стратегической информацией интересовался иностранец. Понятно, что это часто создавало ситуацию напряжения, накладывало дополнительную нагрузку на интервьюера, ведь было необходимо разрушать барьер с информантом, настроенным крайне настороженно. Чаще всего это достигалось за счет развертывания вопроса. Вначале следовала констатация какой-то ситуации в СССР или РФ (рассказ о том, как было и/или есть у нас), а затем следовал вопрос, а как это происходило и/или происходит в Китае.

В Китае, особенно на Севере и Северо-востоке, традиционно хорошее отношение к СССР и РФ. Вместе с тем, степень такого отношения применительно к задачам исследования не стоит переоценивать. Китай стремительно вестернизируется (примерно как Япония после второй Мировой войны). На юге и в центре Китая все учат английский язык. Китайцы, особенно в Шанхае и вокруг него, во многом приняли западные ценности: экономикоцентризм, динамизм, созидание, открытость. Изменения последних десятилетий на севере Китая — тоже не в пользу России. Там еще массово не учат английский, но уже и не учат русский язык. Всеобщее знание английского языка для китайцев, имея в виду их всеобщие ответственность, добросовестность и во-

лю, — довольно близкая перспектива. Русский язык уходит из жизни Китая. Его учат лишь те, кто планирует, имея в виду плотность торгово-экономических отношений Китая и России, профессионально заниматься переводом. Надо отчетливо понимать, однако, что найти массового пользователя русского языка южнее города Суйфэньхэ и относительных его знатоков южнее провинции Хэйлунцзян вряд ли получится. Исследователю Китая для бытового общения теперь надо знать не русский, а английский язык.

В Китае очень ценно, чтобы иностранного исследователя кто-то представил. Идеальный сценарий, если какой-то человек о тебе хорошо расскажет информанту. Очень важно, чтобы кто-то договорился об интервью, их организовывал. Ключевое условие успеха иностранного исследователя в Китае — наличие знакомого и влиятельного китайского товарища, могущего подготовить и организовать интервью. Без этого никто не будет с тобой разговаривать. Нашему исследованию помогли плотные научные связи с Восточно-Китайским университетом в Шанхае. Университет, о чем уже говорилось, стремительно превращается в мощный исследовательский центр. У него, кстати, установлены прямые партнерские отношения с НИУ ВШЭ, и перед автором этих строк публичную лекцию в университете прочел Е.Г. Ясин. Помощь политологов университета оказалась главным условием нашей успешной работы в Китае. Уровень влияния китайских ученых-политологов, мы убедились, высок.

В Китае не принято рассказывать о себе. Для китайца это также непривычно, не органично его национальному характеру, создает ему ситуацию внутреннего дискомфорта. Китаец — коллективист. Оттого пришлось сразу пойти на корректировку исследовательской тактики. Если в России на первый план выходил чиновник (просопографический анализ, этика, целеполагание, поведенческие характеристики), то в Китае — система кадрового замещения. То есть, в России система изучалась через исследование качества кадров, в Китае — наоборот, кадры исследовались через знания о политической системе. В сущности, результат достигался в обоих случаях.

В Китае нет научной традиции исследования управленческого класса. Как и в СССР здесь нет в обороте термина «элита», дисциплины «политическая элитология», соответствующего научного направления. Любое элитологическое исследование — большая новинка. Вместе с тем, китайские эксперты и чиновники с пониманием относились к общепринятой в мировой политической науке трактовке термина «политическая элита» (люди, обладающие властью и принимающие ключевые политические решения) и давали интервью по сути задаваемых вопросов. Что касается вовлеченности китайских исследователей в международную научную жизнь, то ее уровень, несомненно, очень высок; существенно выше, чем в России. Десятки миллионов (ежегодно 3–4 миллиона) выпускников китайских школ уезжают учиться за границу (прежде всего, США, Канаду, Западную Европу, Австралию) и становятся частью мирового научного пространства. Китайская профессура имеет все возможности получать гранты и презентовать свои научные идеи на международных симпозиумах. Ученые Китая имеют доступ к электронным научным ресурсам США. В университетах Китая стажировются и преподают десятки тысяч иностранных специалистов. КНР вкладывает в образование (прежде всего, в развитие университетов) колоссальные средства. Для российского ученого-гуманитария китайские реалии — вожденная мечта. В любом случае разговор о людях, принимающих решения в Китае, с участием китайских ученых возможен.

В Китае не принято говорить о кадровых делах. Вернее, не принято говорить об этом вне логики внутрипартийного обсуждения. Только КПК может инициировать подобную дискуссию, никто иной. Это была наибольшая проблема. Но и она преодолевалась через вариативность и расширение набора вопросов.

В Китае политические разговоры с чиновником должны быть если и не директивными, то, во всяком случае, одобрены начальником информанта. Лучше всего, чтобы они были понятны информанту и происходили в рамках решения какого-то общего дела, общей задачи. Еще лучше, если вначале даст интервью начальник. Тогда интервью дадут и его подчиненные.

В Китае не принято задавать вопросы в жесткой форме. Они не должны требовать какого-то одного и контурно четкого ответа. Формулировка вопроса должна быть дипломатичной, длинной и многоуровневой. Надо быть готовым к тому, что интервью будет долгим.

В Китае не принято требовать ответа, настаивать на нем. Бывало так, что ты спрашиваешь об одном, а интервьюер говорит тебе о несколько другом. Уточнять вопрос бессмысленно. Позиция информанта однозначна: ему не нравится вопрос, и отвечать на него в такой редакции он не будет.

В Китае очень часто информант приходит с намерением что-то рассказать сам. Он готовился к интервью, выработал для себя комфортную тактику. Это надо понимать, принимать и быть готовым к подобному развитию событий. В таких случаях надо вначале выслушать информанта, все записать и только после этого задавать вопросы. Это также существенно удлиняет интервью, но в этом и есть Китай. Кстати, порой такая ситуация переводит само интервью в неожиданную и важную логику. Ты лучше понимаешь ценности китайского чиновника.

В Китае очень часто используется образная, метафоричная речь. Это ценно. Очень важно, чтобы переводчик точно и тонко передавал эти образы. Оттого при проведении глубинных интервью выбор качественного переводчика — ключевое условие успеха исследования. У автора статьи был как раз такой переводчик.

В Китае середина января — череда собраний Народных представителей всех уровней. Понятно, что для номенклатурных работников это очень важно. Партийные руководители готовились к ним и участвовали в них, что серьезно осложнило работу. Таким образом, было выбрано не самое удачное время для полевого исследования. Приходилось ждать, когда у нужного партийного работника появится свободное время.

В Китае праздник Чуньцзе (праздник Весны), или традиционный Новый Год по лунному календарю — самый большой праздник в году. Китайский Новый год наступает в первое новолуние года в период между 20 января и 20 февраля по григорианскому календарю (в 2011 г. — 3 февраля). Задолго до него повсюду царит радостная и праздничная атмосфера. По традиции все китайцы должны к этому дню вернуться домой и встретить его в кругу семьи. В Китае высочайший уровень трудовой мобильности. Это касается не только и даже не столько китайских рабочих, но служащих, преподавателей, чиновников. В стране все устраиваются на работу через жесточайший конкурсный отбор. При этом в конкурсах всегда участвуют кандидаты со всей страны и с легкостью меняют место жительства. Оттого перед Новым годом десятки миллионов китайцев пускаются в путешествие на родину. При этом они должны качественно отметить Новый год по месту работы. Поэтому Китай в середине января — это всегда корпоративные собрания и праздники, постепенное свертывание работы, ожидание отдыха. В такой ситуации организация интервью становится сложно разрешимой задачей.

Вместе с тем, исследование состоялось. И тоже во многом благодаря китайской национальной традиции, китайскому национальному характеру. Подчеркну два благоприятных для исследователя обстоятельства. Здесь чрезвычайно велико значение неформальных контактов, сетевых связей, личных договоренностей и отношений. Они «обволакивают» общество и делают невозможное возможным. В сочетании с традиционной ответственностью и гостеприимством китайцев и китайских чиновников (особенно на Севере и Северо-востоке) это и стало главным условием успешной исследовательской работы в Китае.

Успех и факторы успеха глазами слушателей программ MBA

Соболева Наталья Эдуардовна, *НИУ ВШЭ*

Введение. Состояние бизнеса в значительной мере зависит от мотивации и целей тех, кто бизнес ведет. Цели формируются на основе представлений об основных составляющих делового успеха и его факторах. В качестве одного из важных факторов делового успеха руководители и потенциальные руководители предпринимательских фирм рассматривают получение формального бизнес-образования. Бизнес-образование в идеале способствует приращению и

человеческого капитала, и формированию полезных связей и знакомств, и росту компетентности для более верной оценки степени благоприятствования внешних условий. В числе особенностей бизнес-образования можно отметить его прагматическую направленность.

Цель данной работы — выявить представления слушателей программ бизнес-образования об успехе и факторах, способствующих успеху в современных условиях. В докладе используется концепция «плеяды нематериальных капиталов»¹. Бизнес-образование является для его участников одним из механизмов наращивания капиталов. Приоритетным является инвестирование именно в те формы капитала, которые, с их точки зрения, являются ключевыми в достижении успеха. Одной из таких форм капитала становится наличие диплома о бизнес-образовании, дающего дополнительные компетенции и открывающего новые возможности благодаря вхождению в социальные сети. Одновременно обучение на программах бизнес-образования влияет на само восприятие успеха бизнеса, на представления об этике бизнеса, на место успеха в общей системе ценностей.

Эмпирическая база исследования — опрос 222 слушателей вечерних и модульных программ MBA, EMBA и DBA в бизнес-школах трех престижных вузов города Москвы.

Представления об успехе. Согласно результатам исследования, основными критериями успеха для слушателей программ MBA являются высокий уровень личного дохода (65 %), высокий уровень профессионализма (57 %) и возможность заниматься интересной деятельностью (51 %). Хотя уровень личного дохода и занимает первое место, однако примерно треть слушателей не выделяют доход в числе четырех наиболее значимых факторов делового успеха и лишь менее трети слушателей считают важным фактором высокую прибыльность компании. Казалось бы, высокий уровень профессионализма и возможность заниматься интересной деятельностью в первую очередь являются не критериями, а факторами успеха. Однако примерно половина слушателей программ бизнес-образования относит их к важнейшим самостоятельным составляющим успеха. Иными словами, для многих слушателей обладание человеческим капиталом и возможности его развития является одним из критериев успеха, тем, к чему следует стремиться. Обладание символическим и социальным капиталом руководители бизнеса реже относят к основным критериям успеха. Чистыми индикаторами символического капитала являются престижность компании и высокий статус. Признание в бизнес-сообществе и обществе отражают как социальный, так и символический капиталы.

В целом для слушателей программ бизнес-образования личный успех имеет большее значение, чем успех компании. Однако около трети слушателей в качестве критериев успеха отметили хорошие перспективы развития, устойчивость и прибыльность компании. Около 60 % в числе четырех наиболее важных критериев успеха указали характеристики компании (высокую прибыльность, престижность, хорошие перспективы развития, устойчивость). Высокий интерес слушателей к успеху компании объясняется тем, что получать MBA идут потенциальные лидеры, стремящиеся не только к личному успеху. Слушатели, не отметившие успех компании в качестве составляющей делового успеха, во-первых, могут еще не вполне осознавать для себя важность процветания компании, во-вторых, не ассоциировать себя с одной-единственной компанией. Для этих слушателей важнее гармония между личной жизнью и работой, и менее важно карьерное положение и уровень дохода. Они придают большее значение гибкости в обращении с законом, социально-ответственному ведению бизнеса, бизнес-этике, умению понять точку зрения других как факторам успеха. В системе ценностей чаще выделяют в качестве основных профессиональные и связанные с профессиональными (деловой успех, лидерство, социальный статус).

Также были выявлены предпочтения студентов бизнес-школ относительно различных аспектов карьеры и профессиональной деятельности. Респондентам предлагалось проранжировать по степени важности несколько аспектов. В качестве основы была взята концепция Хес-

¹ Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5; Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность, 2003, № 2; Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: a Multifaceted Perspective / Eds. P. Dasgupta, I. Serageldin. Wash. DC: World Bank, 2000.

лина, который выделяет ориентацию на работу (job orientation), ориентацию на карьеру (career orientation) и ориентацию на призвание (calling orientation)¹. В нашем исследовании им соответствуют уровень личного дохода, положение на карьерной лестнице и содержание работы. Также был добавлен новый аспект: гармония между личной жизнью и работой, отражающий место профессиональной деятельности в жизни человека. Для слушателей программ бизнес-образования важнее всего гармония между личной жизни и работой, более половины (54 %) поставили ее на первое место, наименее важно положение на карьерной лестнице, более половины (51 %) отнесли его к последнему месту. Такую расстановку приоритетов можно объяснить тем, что гармония между личной жизнью и работой в какой-то степени отражает удовлетворенность остальными аспектами бизнес-деятельности. Иными словами, гармония между личной жизнью и работой косвенно включает три остальных аспекта. Относительную значимость остальных аспектов можно объяснить тем, что слушатели априори рассматривают для себя позиции определенного уровня. Именно от какого-то момента дополнительный доход для них важнее дополнительного карьерного положения.

Далее была проведена классификация слушателей по их представлениям об успехе. Было выделено 5 групп слушателей с различными представлениями об успехе². В результате классификации выделилась одна группа слушателей, ориентирующиеся на личный успех, и четыре группы, ориентирующиеся также на характеристики компании.

1. «Ориентирующиеся на личную карьеру» (37 %) под успехом прежде всего понимают высокий уровень дохода, возможность заниматься интересной деятельностью, широкий спектр карьерных путей. Характеристики компании не имеют для них практически никакого значения.

2. «Ориентирующиеся на прибыльность компании» (14 %) все без исключения относят к критериям успеха прибыльность, хорошие перспективы развития и устойчивость компании, а также высокий уровень профессионализма. Это связано с тем, что среди них выше всего доля ведущих собственный бизнес.

3. «Ориентирующиеся на другие характеристики компании» (27 %) похожи на предыдущую группу, однако для них важнее статусные характеристики (должность, престижность компании), а прибыльность не имеет значения.

4. «Ориентирующиеся на символический капитал» (12 %) понимают под успехом высокий уровень дохода, высокий авторитет, признание в бизнес-сообществе, высокий статус в компании, а также характеристики компании.

5. «Интересующиеся» (10 %) все без исключения относят к успеху возможность заниматься интересной деятельностью, также для них успех — это хорошие перспективы развития, устойчивость компании.

Выделенные группы различаются некоторыми социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками. Среди «ориентирующихся на личный успех» ниже всего доля собственников (7 против 13 % в целом)³; наибольшая доля слушателей самостоятельно оплачивающих обучение (73 против 64 %). Среди «ориентирующихся на прибыльность компании» ниже всего доля работающих в бизнес-услугах (33 против 43 %) и выше всего доля имеющих собственный бизнес (29 против 13 %) и руководителей (93 против 80 %). Среди «ориентирующихся на другие характеристики компании» выше всего доля не руководителей (28 против 20 %). Среди «ориентирующихся на символический капитал» выше доля мужчин (81 против 67 %), лиц с техническим и естественнонаучным образованием (68 против 54 %), ниже доля лиц с гуманитарным образованием (20 против 33 %). Среди

¹ Heslin P.A. Conceptualizing and evaluating career success // Journal of Organizational Behavior. 2005. Vol. 26. P. 124–125.

² Типология была составлена с помощью иерархического кластерного анализа. Расстояние между кластерами считалось методом Варда. В качестве расстояния между кластерами берется прирост суммы квадратов расстояний объектов до центров кластеров, получаемый в результате их объединения. В качестве меры близости использовался квадрат евклидова расстояния.

³ Здесь и далее приводятся различия с уровнем значимости 95 %.

«интересующихся» выше всего доля работающих в реальном секторе (38 против 27 %), руководителей среднего звена (57 против 43 %).

Группы также различаются *по профессиональным предпочтениям*. «Ориентирующиеся на личную карьеру» относительно большее значение придают уровню личного дохода (60% поставили на 1–2 место против 54 % в целом), относительно чаще выбирают лучше перспективы карьеры и менее интересную работу (62 против 53 %), но реже предпочитают доход менее интересной работе (32 против 36 %).

Для «ориентирующихся на прибыльность компании» важнее всего гармония между личной жизнью и работой: 80 % дали ей первый ранг. Содержание работы чаще всего ставят на 2 место (43 %). Положение на карьерной лестнице для представителей данной группы, напротив, наименее важно (3 против 9 % в целом 1 ранг, 10 против 27 % 1–2 ранг). Доход также менее важен, чем в среднем (1 ранг 3 против 20 % в целом). «Ориентирующиеся на прибыльность компании» в наибольшей степени готовы жертвовать свободным временем ради карьерного положения (80 против 73 %) и дохода (87 против 78 %); для них самостоятельность в работе важнее престижности компании (90 против 75 %); большое значение имеет интересная работа: более интересную работу предпочли бы 83 % с понижением дохода и 73 % — с более скромными перспективами карьеры.

Для «ориентирующихся на другие характеристики компании» важнее, чем другим положение на карьерной лестнице (35 % поставили на 1–2 место), при этом доход поставили на 1–2 место 43 %. При этом по сравнению с другими группами они чаще выбирают выше доход и менее интересную работу (43 против 36 % в целом), но также чаще ниже доход и больше свободного времени (28 против 22 %). Они чаще выделяют профессиональные ценности в качестве основных.

«Ориентирующиеся на символический капитал» выше ценят положение на карьерной лестнице и доход, чем содержание работы и гармонию между личной жизнью и работой. Так, вдвое больше слушателей здесь ставят доход на 1 место (42% против 20% в целом). Карьерному положению 1 ранг дают 15% (против 9%); напротив, только для 8% наиболее важно содержание работы, а гармонию между личной жизнью и работой выше всего ставят 36%. Престижность важнее высокой позиции в компании (60% против 48%) и самостоятельности в работе (50% против 25%); чаще выбирают менее интересную работу и лучше перспективы карьеры (72% против 53%) или выше доход (54% против 36%). Также доход для представителей данной группы важнее свободного времени (89%); чаще выделяется деловой успех в качестве одной из основных ценностей.

Для «интересующихся» наибольшее значение имеет содержание работы: 29% поставили его 1 место. Карьерное положение для них относительно менее важно: никто не поставил его на 1 место (против 16% в целом). В том числе они предпочитают интересную работу перспективам карьеры (67% против 47%). Свободное время представляет наибольшую ценность: 43% предпочли бы больше свободного времени карьерному положению и 29% — высокому доходу. Престижность для них менее важна, чем самостоятельность в работе (81% против 75% в целом).

Факторы успеха. Слушателям предлагалось оценить важность ряда факторов для достижения успеха в современных условиях и важность тех же факторов лично для себя.

Наибольшее значение слушатели придают высокому уровню профессионализма (очень важно для 66% в целом и 81% лично) и открытости, благожелательности, умению завязывать контакты (очень важно для 58% в целом 66% лично), склонности к лидерству (очень важно для 55% в целом и 54% лично) и умению применять нетрадиционные методы решения (очень важно для 53% в целом и 59% лично). Иными словами, основную роль в достижении успеха играют человеческий и социальный капиталы, а также качества, необходимые для лидеров. Наименьшее значение слушатели придают престижному диплому (скорее, неважно для 44% в целом и 35% лично), гибкости в обращении с законом (скорее, неважно для 29% в целом и 33% лично), соблюдению бизнес-этики (скорее, неважно для 29% в целом и 19%

лично) и социально-ответственному ведению бизнеса (скорее, неважно для 41% в целом и 31% лично), что охватывает символический капитал и этические аспекты ведения бизнеса.

Для лучшего понимания относительной важности факторов успеха, отражающих различные формы капитала, мы составили индексы факторов человеческого, социального и символического капиталов. Человеческий капитал включает высокий уровень профессионализма, установку на непрерывное обучение и хорошее образование. Индикатором символического капитала является престижный диплом. К социальному капиталу мы относим социальные связи и открытость, благожелательность, умение завязывать контакты. Индексы вычислялись как среднее по индикаторам по каждой форме капитала.

Для начала мы попарно сравнили три формы капитала по степени важности для слушателей как факторов успеха (в современных условиях и лично). Наименьшее значение слушатели придают символическому капиталу: около 70% придают большее значение человеческому и социальным капиталам как факторам успеха.

При этом слушатели придают большее значение факторам успеха, связанным с социальным капиталом, чем факторам, связанным с человеческим капиталом. Особенно ярко это проявляется для факторов успеха в современных условиях. Можно предположить, что быть образованным профессионалом и стремиться к обучению считается «правильным» в нашем обществе и именно поэтому слушатели выше оценивают эти факторы лично для себя. Считается, однако, что в жизни для успеха необходимо умение налаживать социальные контакты, по этой причине факторы, связанные с социальным капиталом, имеют большее значение в современных условиях.

Связь между представлениями об успехе и факторах успеха. Представления об успехе связаны с представлениями о факторах успеха. В предыдущей главе было выделено пять групп слушателей по представлениям об успехе. «Ориентирующиеся на личную карьеру» меньшее значение, чем в среднем, придают гибкости в обращении с законом, умению находить нетрадиционные методы решения, социально-ответственному ведению бизнеса, открытости, благожелательности, умению завязывать контакты, немного большее – установке на непрерывное обучение.

«Ориентирующиеся на прибыльность компании», напротив, наиболее специфичны по представлениям о факторах успеха. В качестве факторов успеха в современных условиях они выше всего ценят соблюдение бизнес-этики (важно для 84%) и высокий уровень профессионализма (очень важно для 71%). Также для представителей данной группы важнее среднего социально-ответственное ведение бизнеса (очень важно для 23%). Лично для себя представители данной группы больше всего ценят высокий уровень профессионализма (очень важен для 94%). Кроме того, лично для себя они большее значение придают соблюдению бизнес-этики (важно для 93%, очень важно для 37%), хорошему образованию (важно для 97%, очень важно для 63%), умению находить нетрадиционные методы решения (очень важно для 74%), гибкости в обращении с законом (очень важно для 33%) и социально-ответственному ведению бизнеса (очень важно для 27%). Престижный диплом наименее важен для «ориентирующихся на прибыльность компании» и как вербальный (неважно для 65%), и как реальный фактор успеха (неважно для 47%).

«Ориентирующиеся на другие характеристики компании» придают ряду факторов успеха меньшее значение, чем в среднем. К значимым факторам успеха в современных условиях они реже относят соблюдение бизнес-этики (важно для 65%). При этом они наибольшее значение придают престижному диплому (важен для 72%). Лично для себя они относительно меньшее значение придают социальным связям (очень важно для 37%), умению находить нетрадиционные методы решения (очень важно для 52%), относительно большее – социально-ответственному ведению бизнеса (важно для 73%).

«Ориентирующиеся на символический капитал» придают наименьшее значение как факторам успеха в современных условиях профессионализму (очень важно для 58%) и установке на непрерывное обучение (важно для 58%). Также они относительно ниже оценивают престижный диплом (важно для 42%), хорошее образование (важно для 77%), соблюдение биз-

нес-этики (важно для 62%) и социально-ответственное ведение бизнеса (важно для 31%). Из факторов, важных лично для себя, «ориентирующиеся на символический капитал» большее значение придают умению находить нетрадиционные методы решения (очень важно для 69%) и гибкости в обращении с законом (очень важно для 27%). Профессионализм как личный фактор также наименее важен для представителей данной группы (очень важен для 69%). Менее значимы, чем в среднем, для «ориентирующихся на символический капитал» хорошее образование (важно для 77%), социально-ответственное ведение бизнеса (важно для 58%) и умение понять точку зрения других (очень важно для 38%).

«Интересующиеся» придают относительно большее значение целому ряду факторов успеха. В качестве факторов успеха в современных условиях они больше всего ценят установку на непрерывное обучение (важно для 77%), гибкость в обращении с законом (важно для 82%) и склонность к лидерству (очень важно для 77%). Важнее среднего для них умение находить нетрадиционные методы решения (очень важно для 64%), социально-ответственное ведение бизнеса (важно для 73%) и умение понять точку зрения других (очень важно для 54%). Из реальных факторов успеха для «интересующихся» наиболее важны установка на непрерывное обучение (важно для 91%), склонность к лидерству (очень важно для 73%), умение понять точку зрения других (очень важно для 73%) и открытость, доброжелательность умение завязывать контакты (очень важно для 68%). Также выше среднего они оценивают хорошее образование (очень важно для 46%), умение находить нетрадиционные методы решения (очень важно для 68%), гибкость в обращении с законом (важно для 77%) и социально-ответственное ведение бизнеса (важно для 86%).

Далее рассмотрим относительную важность факторов успеха, связанных с различными формами капитала. Представления «ориентирующихся на личную карьеру» мало отличаются от среднего. Для них лишь несколько важнее социальный капитал как фактор личного успеха. Для «ориентирующихся на прибыльность компании» важнее всего факторы, связанные с человеческим капиталом. «Ориентирующиеся на другие характеристики компании» в большей степени делают ставку на символический капитал как реальный фактор успеха. «Ориентирующиеся на символический капитал» выше всего оценивают роль социального капитала в деловом успехе и ниже всего – роль человеческого капитала как фактора личного успеха. Наконец, «интересующиеся» выше среднего оценивают значение факторов, связанных с человеческим капиталом, и ниже — факторов, связанных с символическим капиталом. Социальный капитал как реальный фактор успеха для них важнее, чем в среднем.

Заключение. Исследование показало, что представления о деловом успехе слушателей программ бизнес-образования отличаются большим разнообразием. Нами было выделено пять типов руководителей бизнеса с различными представлениями о деловом успехе. Для представителей только одного из этих типов успех понимается как исключительно личный. Остальные типы слушателей в большей или меньшей степени придают значение также успеху компании. Выделенные типы различаются по социально-экономическим характеристикам их представителей, профессиональным предпочтениям, представлениям о бизнес-этике, о факторах успеха и по целям получения бизнес-образования.

Руководители и потенциальные руководители бизнеса больше связывают успех с социальным, чем с человеческим капиталом. Человеческий и социальный капитал имеют ценность сами по себе, тогда как символический капитал значим только в совокупности с другими формами капитала.

Представления об успехе и факторах успеха оказывают влияние на цели получения бизнес-образования. Актор стремится инвестировать в те характеристики, которые, с одной стороны, способствуют достижению успеха, с другой стороны, не противоречат его ценностным представлениям, допустимому стилю и принципам ведения бизнеса.

Специфика социологического инструментария в исследованиях репродуктивного здоровья подростков

Сурмач Марина Юрьевна

Гродненский государственный медицинский университет

Здоровье подростков является предметом изучения комплекса наук. Методологический аппарат каждой из них имеет свою специфику. Но все они исходят из того факта, что в современных условиях здоровье подростков как социальной группы определяется, преимущественно, факторами качества жизни и здоровьесберегающего поведения. С точки зрения И.В. Журавлёвой, к основным подходам к изучению проблем здоровья подростков относят биологический, когнитивный, психосексуальный и социальный; причём с позиции социологии здоровья и здравоохранения, социологии медицины, последний — основной¹. Социальный подход к изучению подросткового возраста базируется на физических, психологических и социальных особенностях подростка. К их числу относят активные гормональные процессы, зависимость от большого числа микросоциальных (семья, школа, ближайшее окружение) и макросоциальных факторов окружающей среды (общество, культура), активное познание роли человека в обществе и путей её реализации, восприятия ценностных установок и поведенческих норм в различных сферах, в том числе в сфере здоровья. Не умея оценивать объективные процессы, подросток весьма уязвим к воздействию социального и информационного окружения². При оценке поведения подростков относительно собственного здоровья, И.В. Журавлёва определяла:

- 1) самооценку подростками собственного здоровья,
- 2) медицинскую информированность (информированность подростков о наличии у них тех или иных заболеваний, о вреде для здоровья некоторых привычек, о факторах риска некоторых заболеваний, о навыках оказания первой помощи),
- 3) отношение подростков к здоровью как к жизненной ценности,
- 4) экологические установки подростков,
- 5) распространённость в подростковой среде девиантного поведения (курения, употребления алкоголя и наркотиков, рискованного сексуального поведения).

В современной социологической науке разрабатывается целый ряд проблем здоровья подростков. Основными являются такие направления, как исследования влияния образа жизни на здоровье, анализ факторов риска, изучение самосохранительного поведения. Эти же направления актуальны и для медицинской науки. Методологические подходы к изучению здоровья подростков в медицине в современных условиях характеризует всё большая социальная направленность. В клинической практике здоровье подростков издавна и традиционно оценивается по методике комплексной оценки состояния здоровья детей, при массовых профилактических осмотрах. Методика была разработана более 30 лет назад Институтом гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР под руководством С.М. Громбаха³. Согласно данной методике, дети и подростки разделяются по группам здоровья следующим образом:

I группа – здоровые дети с нормальным физическим и психическим развитием, не имеющие функциональных отклонений;

II группа – дети, у которых отсутствуют хронические заболевания, но имеются некоторые функциональные и морфологические отклонения;

III группа – дети с хроническими заболеваниями в состоянии компенсации, с сохранёнными функциональными возможностями;

¹ Журавлёва И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Институт социологии РАН, 2002.

² Папура А.А. Влияние средств массовой информации на психологическое развитие личности подростка // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: проблемы и перспективы: Материалы II Международной научной конференции. 26 октября 2007 г., Минск / И.А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ. 2007. С. 184–185.

³ Громбах С.М. Оценка здоровья детей и подростков при массовых осмотрах // Вопросы охраны материнства и детства. 1973. № 7. С. 3–7.

IV группа – дети, больные хроническими заболеваниями в состоянии субкомпенсации, со сниженными функциональными возможностями;

V группа – дети, больные хроническими заболеваниями в стадии декомпенсации, со значительно сниженными функциональными возможностями.

Подобное деление достаточно условно. Из-за нечеткости принятых критериев динамика здоровья детей по группам здоровья прослеживается плохо. Сам С.М. Громбах уже в 1984 г. отмечал, что биологической оценки недостаточно для комплексного подхода к проблеме, так как многие дети, которые с чисто врачебных позиций не могут считаться здоровыми, на деле вполне справляются со своими социальными функциями и, следовательно, являются вполне полноценными членами общества. В связи с этим возникает необходимость более детальной характеристики здоровья, оценки его уровня, основанной на степени реализуемых возможностей, т.е. на степени социальной дееспособности, или социальной адаптации. Потому автором данной методики впоследствии было предложено разделить детей на социальные группы здоровья, которые могут не совпадать с традиционными клиническими группами¹.

В последние годы всё чаще ведущие педиатры разных стран высказывают необходимость включать качество жизни в оценку состояния здоровья детей. Наиболее перспективен «подход к решению вопроса здоровья и определения степени “нездоровья” с позиций определения “качества жизни” — по субъективному восприятию его показателей со стороны ребенка или его родителей»². Как отмечают В.Ю. Альбицкий и И.В. Винярская, «новым критерием оценки состояния здоровья детей может стать показатель качества жизни, под которым подразумевается субъективная оценка человеком своего физического, психологического и социального благополучия... Внедрение показателя качества жизни как дополнительного критерия позволит модифицировать существующую методику комплексной оценки состояния здоровья детей и сделать это на новом, современном уровне, с применением международных подходов, а использование стандартного инструментария сделает исследования сравнимыми на любой территории»³.

Анализ качества жизни в педиатрии позволяет исследовать не только клинические, но и социальные аспекты здоровья детей: восприятие ребёнком окружающего мира и самого себя, отношение ребёнка к заболеванию и лечению, закономерности возникновения в семье психологических и социальных проблем при наличии у ребёнка заболевания, состояние «оптимального здоровья» с точки зрения ребёнка и его родителей⁴. Это особенно важно в оценке репродуктивного здоровья. Так, рассматривая репродуктивное здоровье и сексуальное поведение подростков, И.В. Журавлёва акцентирует внимание на медико-социальном контексте исследований и придаёт важное значение информированности подростков и источникам получения информации, рискованному сексуальному поведению, сопряжённому с социальными проблемами, социальным факторам риска раннего сексуального опыта (такие, как тип семьи, влияние общества сверстников и другие)⁵.

Для различных общественных институций большую ценность представляют данные о результатах популяционных исследований качества жизни, так называемые популяционные нормы качества жизни⁶. Такие данные (нормативные показатели) собираются во всех развитых странах мира с конца 1990-х гг., что стало возможным при разработке и внедрении оп-

¹ Альбицкий В.Ю., Винярская И.В. Новый подход в комплексной оценке состояния здоровья детей с использованием критерия качества жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. №5. С. 16–17.

² Бахадова Е.В. Новый подход к определению здоровья детей с применением методики оценки качества жизни // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. №4 (8). Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/95/30/>. – Дата доступа: 13.04. 2011.

³ Альбицкий В.Ю., Винярская И.В. Новый подход в комплексной оценке состояния здоровья детей с использованием критерия качества жизни // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. № 5. С. 16–17.

⁴ Медик В.А., Юрьев В.К. Курс лекций по общественному здоровью и здравоохранению. М., 2003. Ч. 1. С. 245–258.

⁵ Журавлёва И.В. Репродуктивное здоровье подростков и проблемы полового просвещения // Социологические исследования. 2004. №7. С. 133–142.

⁶ Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2002. С. 107.

росника SF-36¹, который применим для возрастной категории от 15 до 85 лет. При этом согласие родителей и их опрос для респондентов подросткового возраста не предусмотрены. Основной недостаток, ограничивающий применение опросника SF-36 для целенаправленного изучения здоровья подростков, — его нечувствительность к специфичности подросткового возраста в исследованиях репродуктивного здоровья.

Как отмечает Е.В. Бахадова, «в определении качества жизни есть важный для индивидуума аспект — это субъективность показателей со стороны взрослого или ребенка. В диаде “здоровье–нездоровье” личность может занимать активную или пассивную позицию, и регулировать субъективное восприятие качества жизни. Для ребенка дело обстоит значительно сложнее, так как он еще сильно зависим от средовых и семейных факторов, не в состоянии регулировать многие процессы, в том числе социальные и психологические. Поэтому субъективное восприятие ребенком особенностей своего функционирования, здоровья и качества жизни является серьезным моментом для выявления особенностей его медико-биологической и социальной адаптации»².

Эта особенность подросткового возраста нашла отражение и в социологических методиках изучения здоровья подростков. Так, в качестве основных методологических направлений в рамках социального подхода к исследованию здоровья подростков в социологии И.В. Журавлёва выделяет два направления³. Первое направление состоит в отборе и анализе факторов, значимых для здоровья подростков с точки зрения взрослых людей. Характерно, что выводы, как правило, связаны с отсутствием у подростков потребности в различных формах заботы о здоровье и недостаточной осознанностью значения негативных для здоровья факторов. Второе предусматривает исследование факторов, значимых с точки зрения подростков: информированность по вопросам репродуктивного и сексуального здоровья (медицинская информированность), общие сведения о месте подростка в обществе, во взрослой жизни, о путях адаптации к ней.

Наиболее известные из международных опросников по качеству жизни детей и подростков — Child Health Questionnaire и PedsQL. Эти опросники отражают специфику детского и подросткового возраста. В то же время они в подавляющем большинстве предполагают комплексный подход, учитывающий в совокупности мнение ребёнка (self-report) и родителей (proxy-report), то есть участие в опросе, как детей, так и их родителей⁴. Такой подход позволяет одновременно учесть факторы, значимые для здоровья подростков с точки зрения и взрослых, и самих подростков. Однако он же ограничивает использование указанных опросников при исследовании репродуктивного и сексуального здоровья подростков, в силу интимности указанных сфер. Опрос родителей, проводимый параллельно с опросом ребёнка, снижает достоверность получаемой от подростка информации, как проявление «проху-problem» или «cross-informant variance» феномена⁵. Что касается репродуктивного здоровья подростков, то, в силу неспецифичности, Child Health Questionnaire и PedsQL не позволяют получить данные о нём в полной мере.

В отечественной медицине методологической проблемой в изучении качества жизни подростка, связанного со здоровьем, является отсутствие единого русскоязычного опросника по связанному со здоровьем качеству жизни подростка. Нет пока и унифицированной методологии оценки результатов опроса. До настоящего времени среди разработанных отечественными учёными методик ни одна не получила статус эталона. Применение же иноязычных опросников требует культурной и языковой адаптации, последующей валидации. Для изуче-

¹ Gandek B., Ware J. Methods for validating and norming translations of health status questionnaires: The IQOLA Project approach // J. Clin. Epidemiol. 1998. Vol. 51. №11. P. 953–959.

² Бахадова Е.В. Новый подход к определению здоровья детей с применением методики оценки качества жизни // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. № 4 (8). Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/95/30/>. — Дата доступа: 13.04. 2011.

³ Журавлёва И.В. Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Институт социологии РАН, 2002. С. 19.

⁴ Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2002. С. 232.

⁵ Varni J.W., Sherman S.A., Burwinkle T.M., Dickinson P.E., Dixon P. The PedsQL™ Family Impact Module: Preliminary reliability and validity // Health and Quality of Life Outcomes. 2004. 2 (55). P. 1–6.

ния репродуктивного здоровья и поведения подростков, качества жизни, связанного с репродуктивным здоровьем, единого социологического инструментария также пока нет.

Анализ содержания опросников по изучению качества жизни подростков, используемых в медицине, показывает, что они в подавляющем большинстве объединяют два типа критериев и направлены на изучение физического, психологического и социального функционирования в их взаимосвязи. Объективные критерии включают физическую активность и факторы, связанные с социальным функционированием — учёбой, адаптацией в коллективе. Субъективные критерии содержат факторы эмоционального статуса, удовлетворённости различными аспектами жизни, самочувствие и самооценка ряда связанных со здоровьем факторов, то есть степени восприятия подростком того, как его потребности в здоровье удовлетворяются и насколько необходимые для этого возможности предоставлены. Очевидно, что репродуктивное здоровье и его влияние на качество жизни подростка, безусловно, также высоко специфично, что должно быть отражено в опроснике.

Опросники по исследованию качества жизни в медицине должны отвечать требованиям, предъявляемым к любому социологическому инструментарию: надёжность (точность измерения), валидность (способность достоверно измерять ту характеристику, которая заложена в опроснике) и чувствительность (способности выявлять изменения в динамике при повторных опросах)¹. Аналогичны требования к опросникам, применяемым в педиатрии².

С учётом вышеуказанных методологических особенностей нами разработан опросник для изучения репродуктивного здоровья подростков. Он позволяет изучить факторы образа и условий жизни подростков, такие, как питание, сон, физическая активность, психоэмоциональный фон, распространённость курения, особенности поведения по отношению к алкоголю; дать социальную характеристику семьи подростка (тип семьи, количество детей в семье, проживание, образование родителей, материальная обеспеченность). Анкета направлена также на выявление наличия потенциальных факторов риска приобщения к наркотикам и другим психоактивным веществам, риска кризисных психологических состояний, факторов риска сексуального поведения (половая жизнь, контрацептивное поведение, наличие беременности в анамнезе и её исходы). Ряд вопросов характеризуют медицинскую активность: установки на обращение за медицинской помощью, в том числе специализированной (гинеколог, уролог), информированность о возможностях получения медицинской помощи в Центрах добровольного отношения к подростку. Изучается оценка подростками возможности получения медицинской и психологической помощи, информации медицинского назначения. Оценка и самооценка состояния здоровья, полноценности питания, физической активности, психоэмоционального статуса, материального положения семьи подростка, возможностей его социальной реализации в будущем, информированности о репродуктивном здоровье осуществляется по балльным шкалам. Исследуются репродуктивные установки подростков.

При составлении анкеты учтены факторы, важные для качества жизни и репродуктивного здоровья с точки зрения подростка, а также факторы, значимость которых для подростка субъективно не столь велика (здоровье в числе жизненных ценностей, источники получения информации о репродуктивном здоровье, некоторые факторы, связанные с организацией медицинской и психологической помощи), однако, безусловно, влияющие на качество жизни и репродуктивное здоровье подростков. Опросник прошёл предварительное испытание при проведении пилотажного исследования. Приняты во внимание рекомендации о необходимости «понимающей позиции», когда содержание вопросов должно учитывать господствующие в среде респондентов ценности, убеждения³.

¹ Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2002. С. 40–41.

² Жерносек В.Ф., Новикова М.Е. Качество жизни и его особенности у детей с аллергическими заболеваниями // Медицинские новости. 2004. № 11. С. 28.

³ Огрызко-Вевюровский Г. Версии вопроса при исследовании общественного мнения // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 96–100.

АНКЕТА

Пожалуйста, внимательно прочитай вопрос и обведи нужный ответ; при необходимости впиши его в специальную графу.

1. ОЦЕНИ, ПОЖАЛУЙСТА, СОСТОЯНИЕ ТВОЕГО ЗДОРОВЬЯ:

- 1 – плохое
- 2 – удовлетворительное
- 3 – ближе к хорошему
- 4 – хорошее
- 5 – отличное

2. ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО ТАКОЕ РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ?

- 1 – да
- 2 – нет (вопрос 3 пропустить)
- 3 – не уверен (а)

3. СЧИТАЕШЬ ЛИ ТЫ ДОСТАТОЧНЫМИ СВОИ ЗНАНИЯ О РЕПРОДУКТИВНОМ ЗДОРОВЬЕ?

- 1 – да
- 2 – нет

3 – не уверен (а)

4. ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ ТЫ ПОЛУЧАЕШЬ ОСНОВНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ПО ВОПРОСАМ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ (отметь верные варианты):

- 1 – От сверстников
- 2 – Из телевидения и прессы
- 3 – Из печатной и наглядной информации учреждений здравоохранения, книг
- 4 – От учителей
- 5 – На приеме гинеколога/ уролога
- 6 – От знакомого врача
- 7 – Из личного опыта
- 8 – От родителей, в семье
- 9 – Другое

5. ОЦЕНИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЛНОЦЕННОСТЬ ТВОЕГО ПИТАНИЯ:

- 1 – плохое
- 2 – удовлетворительное
- 3 – ближе к хорошему
- 4 – хорошее
- 5 – отличное

6. СКОЛЬКО ЧАСОВ В СУТКИ ТЫ ОБЫЧНО СПИШЬ: _____

7. КУРИШЬ ЛИ ТЫ? 1 – нет 2 – да (с какого возраста: _____ лет; сколько сигарет в день в настоящее время выкуриваешь:)

8. ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ ЗНАКОМЫЕ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕ НАРКОТИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА?

- 1 – нет
- 2 – да

9. ПРОБОВАЛ (А) ЛИ ТЫ ТАКИЕ ВЕЩЕСТВА? 1 – нет 2 – да

10. УПОТРЕБЛЯЛ(А) ЛИ ТЫ КОГДА-ЛИБО СОЗНАТЕЛЬНО, ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ, АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ? 1 – нет 2 – да (в возрасте: _____ лет)

11. ИСПЫТЫВАЛ(А) ЛИ ТЫ КОГДА-ЛИБО СОСТОЯНИЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ?

- 1 – нет
- 2 – да КАК ЧАСТО ТЫ УПОТРЕБЛЯЕШЬ:

	Слабоалкогольные напитки (менее 20°), например, пиво	Алкогольные напитки крепостью более 20°
Не употребляю		
Раз в полгода и реже		
Несколько раз в полгода		
Реже 1 раза в неделю, но чаще 1 раза в месяц		
Один раз в неделю и чаще		

12. ИМЕЕШЬ ЛИ ТЫ ОПЫТ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ?

- 1 – нет (вопросы 14-18 пропустить)
- 2 – да (с возраста: _____ лет)

13. ИСПОЛЬЗУЕШЬ ЛИ СРЕДСТВА, ПРЕДОХРАНЯЮЩИЕ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ?

- 1 – да (какие: _____)
- 2 – нет (вопрос 15 пропустить)

14. СОВЕТОВАЛАСЬ ЛИ ТЫ (ТВОЯ ДЕВУШКА) С ВРАЧОМ ПРИ ВЫБОРЕ ТАКИХ СРЕДСТВ?

- 1 – да
- 2 – нет

15. БЫЛА ЛИ У ТЕБЯ (ТВОЕЙ ДЕВУШКИ) БЕРЕМЕННОСТЬ?

- 1 – нет (вопросы 17-18 пропустить)
- 2 – да (в каком возрасте: _____ лет)

16. ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ БЕРЕМЕННОСТЬ?

- 1 – роды (вопрос 18 пропустить)
- 2 – аборт
- 3 – выкидыш

17. В СЛУЧАЕ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ ПОЛУЧИЛА ЛИ ТЫ (ТВОЯ ДЕВУШКА):

Консультацию гинеколога по вопросам предохранения от наступления беременности	ДА	НЕТ
Консультацию гинеколога о предохранении от заражения заболеванием, передающимся половым путём		
Консультацию гинеколога о профилактике осложнений		
Консультацию психолога		
Консультацию сексолога		
Последующее наблюдение гинеколога		

18. БЫЛ ЛИ У ТЕБЯ СЕКСУАЛЬНЫЙ ОПЫТ?

- 1 – нет (вопросы 20-21 пропустить)
- 2 – да (впервые в возрасте ... лет)
- 3 – затрудняюсь ответить

19. ЧТО ТЕБЯ ПОБУДИЛО К ПОЛУЧЕНИЮ ТАКОГО ОПЫТА?

- 1 – любовь
- 2 – страх потерять партнёра
- 3 – желание угодить партнёру
- 4 – настойчивое давление партнёра
- 5 – любопытство
- 6 – сексуальное влечение
- 7 – чтоб не отстать от сверстников
- 8 – состояние опьянения
- 9 – изнасилование
- 10 – другое _____

20. БЫЛИ ЛИ У ТЕБЯ СЛУЧАЙНЫЕ ПОЛОВЫЕ СВЯЗИ? 1 – нет 2 – да

21. ЕСТЬ ЛИ В ТВОЕЙ ШКОЛЕ ПСИХОЛОГ? 1 – да 2 – нет 3 – не знаю

22. ОБРАЩАЛСЯ (ЛАСЬ) ЛИ ТЫ К НЕМУ? 1 – да 2 – нет

23. БЫЛА ЛИ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ СИТУАЦИЯ, КОГДА БЫЛ(А) ГОТОВ(А) ПОКОНЧИТЬ С СОБОЙ ОТ ОТЧАЯНИЯ? 1 – нет (вопрос 25 пропустить) 2 – да

24. КТО ПОМОГ ТЕБЕ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ?

- 1. сам (сама)
- 2. священник
- 3. родители
- 4. друзья
- 5. школьный психолог
- 6. психолог центра доброжелательного отношения к подростку
- 7. другой вариант: _____

КАК ЧАСТО ТЫ (по каждой строке выбери один ответ): Ежедневно Часто Иногда Никогда

25. ЗАНИМАЕШЬСЯ ФИЗКУЛЬТУРОЙ	1	2	3	4
27. ССОРИШЬСЯ С ОКРУЖАЮЩИМИ	1	2	3	4
28. ИСПЫТЫВАЕШЬ НЕПРИЯТНЫЕ ЭМОЦИИ	1	2	3	4
29. ИСПЫТЫВАЕШЬ ПОЗИТИВНЫЕ ЭМОЦИИ	1	2	3	4
30. БЫВАЕШЬ В ПЛОХОМ НАСТРОЕНИИ	1	2	3	4
31. БЫВАЕШЬ В ХОРОШЕМ НАСТРОЕНИИ	1	2	3	4

32. КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СИТУАЦИЙ ОБРАЩЕНИЯ ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩЬЮ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНА ДЛЯ ТЕБЯ (один ответ):

- 1 – обращаюсь сразу при недомогании
- 2 – обращаюсь, когда в течение нескольких дней плохо себя чувствую
- 3 – обращаюсь только в случае тяжелой болезни
- 4 – обращаюсь, когда нужно освобождение от занятий (работы)
- 5 – к врачам по своей инициативе не обращаюсь, но прохожу обязательные диспансерные обследования
- 6 – к врачам никогда не обращаюсь

33. ОРГАНИЗОВЫВАЛИСЬ ЛИ В ТВОЕЙ ШКОЛЕ БЕСЕДЫ С ВРАЧАМИ: ГИНЕКОЛОГОМ (отвечают девушки), УРОЛОГОМ (отвечают юноши)?

- 1 – да
 - 2 – нет (вопросы 34,35 пропустить)
34. О ЧЁМ БЫЛИ(А) ЭТИ БЕСЕДЫ?
- 1 – о личной гигиене
 - 2 – о строении и функциях половой системы
 - 3 – о предохранении от беременности
 - 4 – о передаваемых половым путём болезнях
 - 5 – о подготовке к будущему родительству и рождению ребёнка

- 6 – о последствиях аборта
- 7 – об особенностях проведения аборта
- 8 – о половой жизни
- 9 – Другое: _____

35. В КАКОМ КЛАССЕ БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ВСТРЕЧА С ВРАЧОМ ГИНЕКОЛОГОМ (УРОЛОГОМ)?: 1 – 5-6 класс 2 – 7-8 класс 3 – 9-11 класс

ТЕБЕ В ЭТО ВРЕМЯ БЫЛО: _____ лет

36. БЫЛ ЛИ ОРГАНИЗОВАН У ВАС В ШКОЛЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ОСМОТР ГИНЕКОЛОГОМ (отвечают девушки), УРОЛОГОМ (отвечают юноши)?

1 – Нет (вопросы 37-38 пропустить) 2 – Да, ТЕБЕ БЫЛО: _____ лет

37. ЧТО ВКЛЮЧАЛ ДАННЫЙ ОСМОТР?

- 1 – только осмотр врачом
- 2 – только ответы на вопросы врача
- 3 – осмотр врачом и ответы на вопросы врача
- 4 – осмотр врачом, ответы на вопросы врача и профилактическую беседу
- 5 – Другое: _____

38. ЧЕМ БЫ ТЫ ХОТЕЛ(А) ДОПОЛНИТЬ ДАННЫЙ ОСМОТР? _____

39. ПОСЕЩАЛ(А) ЛИ ТЫ КОГДА-НИБУДЬ ГИНЕКОЛОГА (отвечают девушки), УРОЛОГА (отвечают юноши) САМОСТОЯТЕЛЬНО? 1 – да 2 – нет

40. БЫЛИ ЛИ У ТЕБЯ КОГДА-ЛИБО ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА, СВЯЗАННЫЕ С ПОЛОВОЙ СФЕРОЙ? 1 – нет 2 – да

41. ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ О МЕДИЦИНСКИХ ЦЕНТРАХ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПОДРОСТКУ? 1 – да 2 – нет (вопросы 42 -43 пропустить)

42. ОБРАЩАЛСЯ (ЛАСЬ) ЛИ ТЫ В ТАКОЙ ЦЕНТР?

- 1 – да
- 2 – нет (вопрос 43 пропустить)

43. ЕСЛИ ДА, ТО ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ?

- 1 - Профилактический осмотр
- 2 - Получить консультацию
- 3 - Возможная беременность
- 4 - Пройти обследование и лечение
- 5 - Другие причины:

44. КАКАЯ ФОРМА МЕДОБСЛУЖИВАНИЯ ДЛЯ ТЕБЯ НАИБОЛЕЕ УДОБНА?

- 1. Медицинский Центр доброжелательного отношения к подростку
- 2. Специальный медицинский центр для подростков, в котором бы работали следующие врачи:

- 3. Детская поликлиника
- 4. Территориальная (взрослая) поликлиника
- 5. Другое: _____

45. КАК ТЫ ДУМАЕШЬ, СКОЛЬКО ДЕТЕЙ БУДЕТ В ТВОЕЙ СЕМЬЕ (реально оцениваемое количество)?

46. КАКОЕ КОЛИЧЕСТВО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИДЕАЛЬНЫМ?.....

47. КАК ТЫ СЧИТАЕШЬ, БУДЕТ ЛИ У ТЕБЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ИМЕТЬ СВОЮ ПОЛНОЦЕННУЮ СЕМЬЮ? 1 – да 2 – нет 3 – не уверен (а)

48. ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ НАИБОЛЕЕ ВАЖНО В БУДУЩЕМ (1 -3 ответа):

- 1 – семья
- 2 – дети
- 3 – здоровье
- 4 – благосостояние страны
- 5 – стать профессионалом в своём деле
- 6 – получить хорошее образование
- 7 – наиболее полно раскрыть и реализовать свои способности
- 8 – материальный достаток
- 9 – престижное положение в обществе
- 10 – высоко оплачиваемая работа
- 11 - быть честным и порядочным человеком
- 12 – другое:

49. ЕСТЬ ЛИ У ТЕБЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗОВЫВАТЬ СВОИ ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ?

1 – да 2 – нет 3 – затрудняюсь ответить

50. ЕСЛИ НЕТ, ОТКУДА ЧУВСТВУЕШЬ ПРЕГРАДУ?

- 1 – Родители
- 2 – Материальное положение
- 3 – Родственники
- 4 – Учителя
- 5 – Сверстники
- 6 – Особенности характера

7 – Другое: _____

51. УКАЖИ, ПОЖАЛУЙСТА, ТВОЙ ПОЛ? 1 – мужской 2 – женский

52. ТВОЙ ВОЗРАСТ? _____ лет

53. ИМЕЕШЬ ЛИ: 1. родную сестру (сколько) 2. родного брата (сколько)
3. родных братьев, сестёр не имею

54. УКАЖИ, ПОЖАЛУЙСТА, ТВОЯ СЕМЬЯ:

1. Полная (мама и папа)
2. Неполная:
 - a. живёшь с мамой
 - b. живёшь с папой
 - c. живёшь с бабушкой (дедушкой)
 - d. другое: _____
55. ГДЕ СЕЙЧАС ПРОЖИВАЕТ ТВОЯ СЕМЬЯ: 1 – в городе 2 – в селе
56. КАКОВЫ УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ ТВОЕЙ СЕМЬИ:
 - 1 – в собственной квартире
 - 2 – в собственном доме
 - 3 – в съёмном жилье
 - 4 – в общежитии блочного (малосемейного) типа
 - 5 – в общежитии коридорного типа
 - 6 – совместно с бабушкой/ дедушкой, родственниками
57. КАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕЮТ ТВОИ РОДИТЕЛИ?

МАМА:	ПАПА:
1 – начальное	1 – начальное
2 – неполное среднее	2 – неполное среднее
3 – среднее	3 – среднее
4 – профессиональное	4 – профессиональное
5 – высшее	5 – высшее
58. КАК ТЫ ОЦЕНИВАЕШЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТВОЕЙ СЕМЬИ?:

1 – очень хорошее	4 – трудное
2 – хорошее	5 – очень трудное
3 – среднее	6 – не могу оценить

СПАСИБО!

Принципы типологизации в изучении религиозности современных студентов¹

Тулинова Галина Владимировна,
НИИ «Белгородский государственный университет»

В статье рассматриваются принципы типологизации, тенденции и особенности бытования религиозности студенческой молодежи в кросскультурном контексте современного российского общества. Подробное рассмотрение типологизации способствовало социокультурному изучению религиозности современных студентов.

Субкультура студенческой молодежи своеобразна. С переходом к рыночным отношениям в системе ее ценностей произошли значительные изменения. В новых условиях студенчества, как чувствительный барометр эпохи, оказалось способным измерять состояние общества и отражать его в своем сознании. Облик современного студенчества в решающей степени зависит от общественного развития, влияния старших поколений, их опыта и взглядов на жизнь, от уровня воспитания.

Молодежная культура, на наш взгляд, представляет сложноорганизованную, динамичную систему субкультурных формообразований и контркультурных процессов, влияющих на развитие общества в целом, поэтому изучение религиозности студенческой молодежи в кросскультурном контексте современного российского общества представляется на данный момент актуальным.

Молодежная субкультура может быть рассмотрена через типологизацию собственной среды. Молодёжная субкультура — это понятие, которое характеризует культуру группы. Она проявляется в групповой идеологии, групповых нормах и ценностях, определённом стиле поведения, особенностях внешнего вида (стиле одежды, атрибутике), определенных предпочтениях (музыкальных, досуговых), сленге, ритуалах. Студенческая аудитория имеет свои специфические субкультурные черты: язык, образ жизни, самопрезентацию в обществе, исполнение других социальных ролей. Особое значение в студенческой картине мира имеют

¹ Социологическое исследование динамики и специфики религиозности студенческой субкультуры проведено в конце 2010 года в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, госконтракт № П-87.

знания о религии и идеальные представления о вере, Боге и др., характеризующие идеалы, религиозные верования молодежи.

Несмотря на широкое изучение религиозности молодежи, современные исследователи не рассматривают субкультурную дифференциацию студенческой среды, ее связь с мировоззренческими и духовными установками.

Проблемы типологии возникают всякий раз, когда научное познание обращается к сложным и весьма разнородным по своему составу и по своей организации системным объектам, которые нужно поставить в какую-то связь, указать принципы их упорядоченности, дать их системное описание. Еще более существенным моментом является необходимость установить понимание таких систем в их развитии. При этом само понятие «тип» трактуется как особое методологическое средство, с помощью которого строится теоретическая модель изучаемого объекта. «Типология есть такой метод научного познания, в основе которого лежит расчленение изучаемых систем, выявление их системообразующих факторов и их группировка с помощью типа, то есть абстрактной идеализированной модели. Тип выступает как идеализированный объект, а вовсе не как реконструкция эмпирического данного множества типологизируемых объектов или систем»¹. Именно в этом качестве употребление понятия «типа» позволяет строить многофакторные модели любой сложности. Можно сказать, что тип — понятие, выражающее диалектическое противоречие устойчивости и изменчивости, единства и многообразия, общего и уникального.

Таким образом, задача типологизации молодежной субкультуры сводится к установлению ключевых параметров религиозного сознания. Следовательно, возникает нужда определить инвариантную систему координат, которыми задается и в которых разворачивается проявление религиозности в студенческой субкультуре.

Одним из первых оцениваемых параметров является самоидентификация субъекта по отношению к религиозной вере, обычно определяемая по шкале типа «верующий – индифферентный – неверующий» или «убежденный верующий (воцерковленный) – верующий – колеблющийся – неверующий – убежденный неверующий (атеист)». Тесно связанный с этим фактором и параметр самоопределения отношения студента к конкретному религиозному вероисповеданию (конфессии), например, отнесение себя к христианам православного толка, либо к другим христианам, либо к другой религии. Рассматриваемые параметры составляют суть таких принципов типологизации религиозности молодежной субкультуры как «ортодоксальность – толерантность» и «православие – инославие».

По данным социологического исследования, проведенного среди студентов ССУЗов и ВУЗов Белгородской области (с помощью анкет было опрошено 225 человек в возрасте от 16 до 30 лет), убежденными верующими (т.е. воцерковленными) себя признают 4% опрошенных, верующими 60%, колеблющимися 22%, неверующими 10%, убежденными неверующими (атеистами) 5%. Верующие и некоторые колеблющиеся студенты (всего около 94% опрошенных) относят себя к следующим конфессиям: православные христиане 77%, другие христиане 4%, другие религии 3%.

Исследуя феномен современной религиозности россиян, отечественные социологи религии утверждают, что, как правило, религиозность не интернализируется современным человеком в детстве, через «естественное» усвоение традиции, а формируется вследствие осознанного выбора в более или менее взрослом возрасте через соприкосновение религиозных смыслов с исходными светскими паттернами². Принципом, характеризующим данную социокультурную ситуацию, является «новационность – консерватизм» в религиозном сознании молодежи. Часто молодежи свойственна категоричность суждений, максимализм, неприятие советов, их тяготит подчинение существующим моделям общественного развития, они негативно относятся ко всему нормативно-регламентированному, для них характерны динамичность, открытость миру, ранимость, повышенная эмоциональная реакция, оптимизм, романтические устремления, идеализация новизны. Сегодня среди студентов выделяется та группа молодежи, для которой выбор веры

¹ Сараф М.Я. Опыт типологии культуры. Голицыно, 2003. С. 9.

² Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 162.

связан с самостоятельными религиозными исканиями. Она составляет примерно треть современного студенчества (35% опрошенных верующих и православных студентов признают свой выбор религиозной веры самостоятельным).

Но опыт исследования студенческой аудитории показывает, что приверженность к определенному вероисповеданию в студенческой среде определяется чаще этнической самоидентификацией. Так как около половины (45%) студентов признают свои семьи религиозными и то, что пришли к религиозной вере через семейную традицию. Такое мировоззрение является традиционным для большинства людей, оно характеризуется «поголовным» крещением, однозначной корреляцией между верой и традицией народа, верой и семьей, определением веры как способа консолидации общества. Традиция была передана молодому поколению, но взята им лишь как форма без содержания. Отсутствие реальной церковной практики (воцерковленности) и низкий уровень конкретных религиозных знаний актуализирует переход традиционной религиозности в формальную. «Они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка, общения, — поэтому результаты столь закономерны, — в информационном обществе формальная религиозность имеет тенденцию к превращению в симулякр, — отмечает Ж. Бодрийяра, — она не просто маскирует отсутствие религиозного сознания индивида, но в действительности оказывается «по ту сторону» религиозности»¹.

Декларируемая религиозная принадлежность молодого человека сопряжена с его мотивационно-потребностной сферой, существенно отличающейся от мотивов и потребностей человека не религиозного. Поэтому следующим блоком типологизации закономерно выделить круг мировоззренческих установок, характерных для молодого поколения в целом и характеризующих отдельные религиозные представления индивида. Составными частями данного блока является набор следующих признаков: вера в Бога и в прочие сверхъестественные реалии, как-то: ангелов, бесов, НЛО, сверхъестественную силу и судьбу, колдовство и магию, загробную жизнь и реинкарнацию; признание основных положений (догматов) того или иного религиозного вероучения (применительно к православию – воскресение из мертвых, сотворение мира, Богочеловечность Христа, троичность Бога и т.д.). Как показало исследование, в мировоззрении современных студентов четко прослеживается цепочка: «вера в Бога (73%) – вера в себя (49%) – вера в судьбу (41% ответивших)».

Важным является определение «общего фона», на котором разворачиваются религиозные ориентиры современных студентов, на это должно быть направлено выявление ценностных ориентаций молодого поколения: популярные виды досуга, ценностные приоритеты и степень доверия к определенным социальным группам в трудностях.

Самые распространенные виды досуга: отдых в компании друзей; смотреть ТВ/ слушать музыку; заниматься на компьютере: играть, общаться в Интернете – предпочитают более половины всех опрошенных студентов. Самыми не распространенными (отметило менее 10% опрошенных) являются посещение церкви, религиозных собраний и занятие общественной работой. Свои проблемы предпочитают решать самостоятельно треть опрошенных, а друзьям и родителям доверяют 70% и 80% студентов соответственно. Среди ценностей приоритетными для студентов являются: здоровье (94%), семья (93%), жизнь (92%); менее важными, но популярными являются: образование и любовь (88%), свобода (87%), друзья (86%), общение и дети (85%), интересная работа и смысл жизни (82%), а также карьерный рост (80%). Затем в шкале ценностей современных студентов расположились Родина и диплом (79%), материальное благополучие (78%), внешность (74%), творчество (72%). Вера в Бога (70%), развлечения (69%) и власть (50%) занимают последние позиции в ценностных приоритетах студентов.

Характерная для студенческой молодежи личная направленность проявляется и в религиозной вере студентов. Среди молодежи сильны эгоистичные побуждения. Это определяет прагматичную сторону молодежной религиозности – молодым присуще желание спастись,

¹ Баранников В.П., Матренина Л.П. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. №9. С. 104.

не прилагая к этому никаких трудов. Из прагматических соображений современной молодежью в религиях выбирается то, что пригодно для человека на данный момент, а все остальное отбрасывается как несущественное. Это своеобразный религиозный синкретизм: посещение православных храмов, с одной стороны, а с другой – вера в магию. Как отмечает Н.С. Капустин: «религиозный синкретизм — объективный процесс соединения, слияния различных религиозных элементов, верований и культов в ходе их взаимодействия друг с другом и образования новой целостной системы мировоззрения, мироощущения и культуры со своей специфической структурой»¹.

Студенческая субкультура формирует содержание такого принципа типологизации как «единичность – множественность». Молодежь все более эгоистична, — это уверенные в себе индивидуалисты, сконцентрированные на себе. Усиление концентрации на самом себе сопровождается охлаждением к чувствам других людей. И в тоже время общность интересов делает молодежь единой массой, которая в зависимости от нравственных установок может быть как неуправляемой толпой, так и благотворительной общиной.

Следующий параметр «воцерковленность – формальная обрядовость» имеет целый ряд признаков. Ключевым является совокупность определенных практик (повторяемых социальных действий, элементов поведения и образа жизни), свойственных данной религиозно-культурной традиции. Так, применительно к православно-христианской традиции, к данному критерию чаще всего относятся: факт и частота молитвы; посещение храма (молитвенного дома); чтение вероучительной литературы (Библии, молитвослова, поучений Св. Отцов, агиографии — житий святых и т.д.); исполнение основных церковных таинств, прежде всего, крещения, периодической исповеди и причащения; факт и регулярность соблюдения религиозных постов; практика обращения за советом к священнику (или духовному наставнику); практика посещения святых мест (паломничество); участие в особых церковных культовых действиях — таких, как крестные ходы; наличие дома предметов культа — икон, лампад и др.

Как выявило исследование, муки совести испытывают 81% опрошенных студентов, из них только 46% в такие моменты каются и делают всё, чтобы исправиться. Из 60% верующих и православных 18% студентов признались, что кроме собственного крещения ни в каких таинствах не участвовали. А статистика участия студентов в таинствах исповеди (отметило 53%) и причащения (40%) выявила не соблюдение православных канонов, которые говорят о том, что причастие без исповеди не допустимо, но можно исповедоваться без причастия, — такая ситуация лишь подтверждает незнание респондентами значения указанных таинств.

О частоте обращений с молитвой к Богу говорят следующие цифры: 7,4% опрошенных не молятся практически никогда; 64% обращаются к Богу с молитвой в моменты крайнего напряжения, опасности, в критических ситуациях; 19% молятся практически ежедневно; 13% — только при посещении церкви, и только 3% соблюдают молитвенное правило по канонам Церкви. По характеру студенческие молитвы чаще всего (68% опрошенных) являются просьбами о чем-либо; у 55% молитвы о здравии себя, родных и близких; у 41% благодарственные молитвы; у 38% молитвы о прощении; у 10% за умерших.

Частое посещение церковных служб отмечают только 4% опрошенных, время от времени (по праздникам) посещают 38%, очень редко 45%, никогда 13%. В таинствах исповеди и причащения участвуют часто 1%, время от времени 23%, очень редко 48%, никогда 28%. Таким образом, более половины опрошенных верующих православных студентов не соблюдают церковные каноны, по которым посещать церковь необходимо еженедельно, а принимать основные таинства в дни больших праздников и постов — не менее 4-х раз в год.

Проверкой подлинной религиозности, признаком включенности религиозной веры в повседневную жизнь студентов, является наличие готовности пожертвовать чем-либо ради своей веры в случае необходимости. Как показало исследование, над тем, чтобы религия (прежде всего, соблюдение заповедей) проникла в повседневные дела, стараются 46% опрошенных; 65% студентов затрудняются признать свою готовность пожертвовать чем-либо ради

¹ Капустин Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). М., 1984. С. 97.

веры, остальные могут отказать себе в еде, комфорте, материальном благе и даже положением, но только 4% готовы жертвовать жизнью.

Во многом на понимание религиозных догм и практик влияет наличие у студентов определенных знаний, которые могут быть получены либо в специализированных (конфессиональных) школах (православных гимназиях, воскресных школах, приходских клубах), или при изучении специализированных предметов (таких как «Основы православной культуры», «История мировых религий» и др.), либо при самостоятельном знакомстве с религиозными Интернет-ресурсами и книжными изданиями. Вопрос о введении таких предметов как обязательных в средних и высших учебных заведениях остро обсуждается на протяжении уже нескольких лет, но, как показывают социологические исследования, для самих студентов он решается положительно (так считает 32% опрошенных), и большинство молодых людей (55%) считает, что посещение занятий должно быть по желанию, то есть вводить такие предметы предлагается факультативно. Так, по данным опроса, религиозные Интернет-ресурсы просматривают только 12%, предмет же «Основы православной культуры» изучали в школе/ССУЗе/ВУЗе 85% ответивших, а воскресные школы посещали 7,4% тех, кто считает себя верующими православными. Несмотря на это, свои знания и убеждения, что Христос был Богочеловеком, Спасителем мира демонстрируют только 54% (16% ответили «не знаю»), 8% указывают «пророк», а 10% — «реальная историческая личность со сверхспособностями», 4% — «мифический герой», 8% предлагают свои варианты.

М.П. Мчедлов в результате исследования молодежной субкультуры¹ выделил несколько факторов, от которых зависит уровень религиозности молодежи: (1) от самоопределения, (2) от выбранной специальности, (3) от пола и возраста, (4) от особенностей воспитания.

Действительно, социологические данные подтверждают то, что поддержанию религиозности в быту, поведении, мировоззрении молодых россиян способствуют их социально-демографические особенности, в первую очередь гендерные. Религия в ее различных аспектах (мировоззренческом, ритуальном, институциональном, культурно-цивилизационном) более важна для девушек, чем для юношей. Среди опрошенных студентов 52% юношей признали себя верующими, среди девушек таких 70%, а неверующими себя считают 26% парней и 8% девушек. Это объясняется не только психологическими особенностями, присущими женщинам, но и изначальным неравенством социальных позиций. У девушек большая тяга к сверхъестественному во всех его проявлениях. Рациональные же интенции в повседневности больше свойственны студентам мужского пола, верящим, прежде всего, в самих себя, а затем уже в Бога.

Семья традиционно является объектом внимания всех религий, но современность вносит свои оттенки. Если сравнивать респондентов с разным семейным статусом, то наиболее тяготеют к религии одинокие, а наименее — те, кто состоит в гражданском браке, либо сожительствует. Предпочитающие форму гражданского брака люди, как правило, больше верят в себя. При этом вера в Бога и позиционирование себя как последователя определенной конфессии не мешают нарушать одно из обязательных требований религии — жить семьей в законном браке.

Было бы неправильно устанавливать однозначное соответствие между уровнем образования респондента и его верой в Бога. Фактор образования не исключает Бога из системы жизненных ориентиров студентов, так же как и не снижает значимость культурно-цивилизационной идентификации по религиозному признаку. На наш взгляд, измерять уровень религиозности некорректно без учета нетрадиционной религиозности. Это актуально, главным образом, при проведении исследований среди молодежи.

В современной студенческой субкультуре все чаще встречается тяга к нетрадиционной религиозности, магическим мифологемам. И этот факт можно выделить в отдельный принцип типологизации «вера — обрядоверие (суеверие)», который подразумевает доверие студентов приметам, особенно часто встречающихся в особых ситуациях (экзамен, устройство на работу и др.). Примером таких верований может стать: боязнь черной кошки, пятницы 13-е, ловля Халявы и т. д., которым придают значение в разной степени более 60% опрошенных

¹ Мчедлов М.П. Религиозны ли молодые россияне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2005. №5. С. 87–99.

студентов. Они вырастают из национальных традиций. Студенты склонны верить в чудеса, приметы, особенно перед сессией. Подготовка к экзаменам связана с волнениями. Поэтому студенты, потерявшие веру в свои силы, надеющиеся на легкое достижение успеха, часто верят в «счастливую ручку», которая поможет благополучно сдать экзамены. Тип студенческих суеверий отражает профиль вуза и факультета. Например, студенты гуманитарных факультетов обладают более развитым воображением, следовательно, они больше верят в приметы, нежели учащиеся естественнонаучных и технических факультетов.

Таким образом, выделение и описание таких принципов типологизации, как «ортодоксальность – толерантность», «православие – инославие», «новационность – консерватизм», «единичность – множественность», «воцерковленность – формальная обрядовость», «вера – обрядоверие (суеверие)» позволило всестороннее рассмотреть проблему религиозности современных студентов в социокультурном аспекте. Типологизация религиозности молодежной субкультуры требует дальнейшего теоретического обоснования и социологических исследований. Надо отметить, что рассмотренные нами тенденции и особенности бытования религиозности студенческой молодежи отражают сложность и противоречивость современной российской религиозной ситуации в целом, которая представляет собой феномен, определяемый динамикой движения от индифферентизма к религиозности.

Методологические основания изучения политической толерантности

Устинова Ирина Викторовна

Кольский филиал Петрозаводского государственного университета

Любое социологическое исследование каких-либо социальных явлений предполагает две составляющие: описание социального явления, а также выяснение его причин, объяснение социального явления. Описание социального явления актуализирует проблему поиска оптимальных эмпирических индикаторов, с помощью которых можно было бы зафиксировать, измерить и описать в некоторых величинах социальное явление. Интересно в этом плане положение политической толерантности в контексте общей теории толерантности и тем более в контексте социологического осмысления. Что означает быть политически толерантным или интолерантным? Сегодня исследований в этой области очень мало, несмотря на актуальность проблемы в условиях активного перехода государств к демократическому политическому режиму и процессов глобализации, где качество толерантной личности в ситуации политической борьбы способствует минимизации степени конфликтности в её неконвенциональных формах. На теоретическом уровне проблема политической толерантности анализируется М. Уолцером, К. Шмиттом, С.Г. Ильинской, В.В. Шалиным, М.П. Мчедловым¹. Немногочисленные эмпирические исследования политической толерантности в обществе и отдельных социальных группах представлены работами российских авторов П.М. Козыревой и Г.М. Денисовского². В рамках общей теории толерантности, и тем более в рамках социологической науки, наблюдается ситуация недостаточной проработки концепта политической толерантности. Среди дефиниций политической толерантности, встретившихся нам, заслуживает внимание то, которое дают, например А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатов, Л.А. Шайгерова, которые считают, что «в политическом плане толерантность интерпретируется как готовность власти допускать инакомыслие в обществе и даже в своих рядах, разрешать в рамках конституции деятельность оппозиции, способность достойно признать свое поражение в политической борьбе, принимать политический плюрализм как проявление раз-

¹ Уолцер М. О терпимости. Перевод с англ. яз. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000; Шмитт К. Понятие политического // Режим доступа: [http://society.polbu.ru/political_science/ch01_i.html]; Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М., 2007; Шалин В.В. Толерантность: культурная норма и политическая необходимость. Ростов н/Д, 2000 (Режим доступа: [<http://ihtika.net>]); Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2004.

² Денисовский Г.М., Козырева П. М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002.

нообразия в государстве»¹. М. Мацковский определяет политическую толерантность как «отношение к деятельности различных партий и объединений, высказываниям их членов и т.д., где крайними формами проявления политической интолерантности являются фашизм и свойственная тоталитарным режимам политика политических репрессий»². В приведенных определениях описывается, по большому счету, срез политической толерантности, апеллирующий к уровню политической элиты, когда власть предержащие толерантны по отношению к разнообразным политическим взглядам, одновременно сосуществующим внутри политической системы. Более широкое определение понятия политической толерантности даёт Е.Б. Шестопал, когда говорит, что это терпимость к политическим оппонентам и политической оппозиции вообще³. П.М. Козырева и Г.М. Денисовский в своей монографии выделяют два среза политической толерантности: во-первых, на уровне взаимодействия политических сил она проявляется как признание права оппозиции на существование; во-вторых, в жизни отдельной личности — как готовность прислушаться к мнению политических противников⁴.

Исходя из философских определений понятия, выделим социологическую дефиницию, которая позволяет рассматривать толерантность как специфическую социальную ценность, воплощающуюся при определенных условиях в специфические модели социальных взаимодействий индивидов и групп индивидов. Толерантность следует рассматривать на уровне сознания и поведения индивида. Она может быть представлена на трех уровнях: когнитивном, или мировоззренческом — в виде представлений, стереотипов о другом, имеющих позитивный характер; аффективном, или ценностном, представленном позитивными эмоциями относительно «Другого», а также ценностями и установками, означающими принятие существования «другого»; конативном или поведенческом, представленном конструктивными формами вербального и невербального взаимодействия с «Другим».

В рамках социологического подхода политическую толерантность следует рассматривать как определенную социальную ценность и установку, которая реализуется в определенных типах социальных взаимодействий. Субъект политической ин/толерантности в этом случае приравнивается субъекту политики, и в качестве таковых выступают как минимум государство, социальная/политическая группа, индивид (но как представитель определенной группы, потому как толерантность имеет смысл только в отношении групповых отличий, а не индивидуальных). Под субъектом в данном случае понимается любой активный деятель в политике: кто включен в структуру властных отношений, кто претендует на власть или стремится оказать влияние на процесс принятия политических решений. Нужно учитывать, что активность и включенность в политику и политические отношения, политическое участие может варьироваться от активного «властвования» и принятия решений в структуре государственных институтов до обсуждения политических проблем «на уровне кухни». Значимым критерием здесь представляется понятие политический «интерес». Тот же перечень применим и к объекту политической толерантности, который тождественен объекту политики. Исходя из этого на теоретическом уровне можно выделить, как минимум, 3 типа субъект-объектных отношений в контексте ин/толерантности в политической сфере: (1) отношения государство – социальная группа; (2) отношения социальная группа – государство; (3) отношения социальная группа – социальная группа.

Отношения «государство – социальная группа» с содержательной точки зрения включает степень приемлемости государством различных проявлений инакомыслия со стороны его граждан, которые посредством включения в разного рода политические объединения (политические партии, общественно-политические движения и организации) или конвенциональ-

¹ Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. 2001. № 1–2 (Режим доступа: [www.tolerance.ru]).

² Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. 2001. № 3–4. Режим доступа: [www.tolerance.ru]

³ Шестопал Е. Б. Проблемы изучения политической терпимости // Век толерантности. 2001. № 3–4. Режим доступа: [www.tolerance.ru]

⁴ Денисовский Г. М., Козырева П. М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002. С. 9.

ных акций протеста в качестве представителей определенной социальной группы высказывают свое недовольство государственной политикой и проводимым курсом и даже выступают по отношению к нему в качестве оппозиции. Иначе говоря, это вопрос о том, есть в данном государстве место плюрализму или нет. В научном дискурсе встречается метафора «внутренней миграции» по отношению к людям, которые не согласны с политикой, идеологией, действиями государства, гражданами которого они являются, не имеют возможности без ущерба для себя в силу репрессивных мер государства это несогласие выразить. Они не имеют возможности (а иногда и желания) для реальной эмиграции и проявляют свое несогласие в уходе от официальной жизни и в различных формах непубличной (разговоры в семье и с друзьями — знаменитые «кухни», создание неофициальной культуры и т.п.) и своей внутренней жизни¹. Это одна из возможных форм политической интолерантности со стороны государства в лице государственной элиты.

Второй тип отношений включает то, насколько граждане, не разделяя и не одобряя выбранный государством политический, экономический и социальный курс развития, а так же его деятельность по отношению к тем или иным социальным группам, способны на осуществление конвенциональных форм политической борьбы. Иначе говоря, это аспект толерантности, затрагивающий отношение к политической элите государства, и в частности к политическим силам в её составе, со стороны политических сил, существующих внутри гражданского общества и имеющих даже антисистемный характер. Это вопрос о том, насколько граждане способны мириться с участием в процессе принятия государственных решений представителей оппозиционных политических сил, признание их права на представительство в структуре государственной власти.

Третий тип отношений затрагивает сосуществование социальных групп друг с другом в политическом пространстве как представителей различных политических сил, признания конституционных прав со стороны друг друга (этносов, верующих, разного рода меньшинств, мигрантов и т. д.), в том числе признании права на собственное видение решения политических проблем, права на свою политическую точку зрения, права участвовать в политическом процессе. К этому срезу политической толерантности можно отнести, например, формы конкуренции и взаимодействия политических партий, общественно-политических движений, общественно-политических организаций как разновидностей общественных объединений.

Представляется очевидным, что первые два типа субъект-объектных отношений носят вертикальный характер (с позиций властных отношений), а третий — горизонтальный. Нам представляется, что политическую толерантность можно определить как толерантность в политике, которая включает толерантное отношение элитарных политических групп по отношению к оппозиционным политическим силам, а также толерантное отношение граждан к политическим оппонентам, признание их права на существование и права участвовать в политическом процессе. В социологическом исследовании анализ политической толерантности опирается на положения теории политической культуры, фундамент которой сформировали такие американские политические социологи и политологи как Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, Г. Пауэлл, Р. Инглхарт² и их последователи. Они обратили внимание на социокультурные аспекты перехода к демократии. Именно с приходом в мировую науку этих признанных ныне ученых начинается артикулироваться идея о том, что институциональные трансформации без учета социокультурных факторов делают переход к демократии проблематичным. В дальнейшем анализ сущности и роли социокультурных факторов в стабильном функционировании демократии, корреляции между политикой и культурой сделались предметом отдельных политологических исследований. Их разработки прочно закрепили в арсенале политической науки понятие «политическая культура», означающее чаще всего преобладающие в общественном сознании политические ориентации, позиции, навыки и ценности.

¹ Иванова Е.Ф. Феномен внутренней миграции // Век толерантности. 2001. № 1–2. [www.tolerance.ru]

² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.

В рамках теории модернизации сформировалась весьма влиятельная в свое время теория политической культуры Г. Алмонда и С Вербы¹, утверждавшая, в отличие от экономических теорий демократизации, что в основе демократического перехода лежат разделяемые большинством общества политические нормы, позиции и навыки поведения. Каждая политическая система покоится на своеобразной структуре ориентаций граждан. Политическая культура, таким образом, рассматривается в качестве порождения политической системы и одновременно обуславливает политическое действие. В результате, разрабатывая модель политической системы, Алмонд и Верба выделили не только её формальную структуру, но и субъективную ориентацию на политическую систему, которая и была названа политической культурой. Авторы также сформулировали понятие так называемой «гражданской культуры», более всего предрасположенной к установлению и функционированию демократических институтов. Эта культура характеризуется распространенной среди ее приверженцев высокой степенью взаимного доверия и склонностью к компромиссам и терпимости по отношению к отличающимся или противоположным интересам и позициям.

Индивидуальные ориентации, по мнению американских ученых, включают в себя несколько элементов: познавательную ориентацию — на истинное или ложное знание о политических объектах и идеях; аффективную ориентацию — чувство связи, ангажированности, противодействия и т.д. по отношению к политическим объектам; оценочную ориентацию — суждения и мнения о политических объектах, которые обычно предполагают использование в отношении к политическим объектам и событиям оценочных критериев. Наряду с ориентациями на политическую систему в целом они также выделили ориентации на структуры «входа» в политическую систему и «выхода» из нее, а также ориентации индивида относительно своего места в политическом процессе и возможностях политического участия. Политическая ин/толерантность, таким образом, может быть выражена как на познавательно-мировоззренческом, так и на эмоционально-ценностном и поведенческом уровнях. При этом отдельную проблему составляет вопрос о формах проявления политической ин/толерантности. Познавательно-мировоззренческий уровень включает знания, представления, включая мифы и стереотипы, о политическом другом. Эмоционально-ценностной, или аффективный уровень представлен ценностями, установками в отношении политического другого, а также позитивными, негативными, или нейтральными эмоциями, чувствами, которые испытывает индивид. Поведенческий срез политической толерантности охватывает разнообразные формы взаимодействия с политическим другим, которые могут варьировать, как на вербальном (например, конструктивный диалог и дискуссия, отказ от оскорбления политического оппонента), так и на невербальном уровне (например, сотрудничество в рамках политического процесса, отказ от неконвенциональных методов политической борьбы).

Приведенные эмпирические индикаторы могут быть положены в основу операционального определения политической толерантности в эмпирических социологических исследованиях с применением разнообразных методов сбора данных.

Оценка удовлетворенности горожан состоянием сфер жизнедеятельности: контуры единой методологии

Харченко Константин Владимирович,
НИУ «Белгородский государственный университет»

В настоящее время на муниципальном уровне становятся востребованными социологические исследования, результаты которых являются составной частью оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Ряд субъективных параметров отражен в указе Президента РФ №607², однако до сих пор остается нерешенным вопрос о том, *какой должна быть методология оценки удовлетворенности.*

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократий // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.

² Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов утвержден Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607.

На основе обобщения конкретных социологических исследований по муниципальной проблематике начинает складываться особое научное направление, которое еще не получило устоявшегося наименования. Иногда встречается обозначение «социология местного самоуправления»¹, однако в российских условиях сомнительна отраженная в нем реалья: не везде еще достаточно развито самоуправление местной власти относительно центра и региона, не говоря уже о самоуправляющихся местных сообществах. Соответственно, больший смысл имеет формулировка «социология муниципального управления» либо, более кратко, «муниципальная социология». *Задача муниципальной социологии, как отрасли социологии управления, видится в том, чтобы, с одной стороны, охватить все многообразие сфер жизнедеятельности человека на территории его проживания, а с другой, обеспечить единство методологии и методики исследования этих сфер.*

Этимологический анализ слова «удовлетворенность» показывает, что в нем сливаются во-едино объективный и субъективный моменты — «достаток» и «удовольствие», — а также то, что состояние удовлетворенности предполагает некоторый критерий соответствия: «удовлетворять чему-либо».

Логический анализ возможных слов-определителей в рамках конструирования понятия удовлетворенности обнаруживает, что это, с одной стороны, состояние, а с другой стороны — оценка. В самом деле, говоря об удовлетворенности той или иной сферой жизнедеятельности, люди не столько беспристрастно оценивают данную сферу, сколько живут ею, навязывают свою позицию своему окружению, руководствуется ею выборе альтернатив поведения. Эту мысль емко и точно выразил Э. Гофман: «Мир, в котором мы живем, становится миром, который живет в нас»².

Качественной характеристикой, определяющей научную ценность понятия удовлетворенности, является то, что оно определяет *степень соответствия между желаемым и действительным*, в частности, между ожидаемым и достигнутым (А. Кемпбелл)³.

В зависимости от соотношения между желаемым, действительным и нормой возможны три ситуации. Первая ситуация, назовем ее *отставанием норматива*, возникает тогда, когда актуальные представления о способах удовлетворения потребностей лежат за пределами нормы, установленной субъектом управления. В данном случае объект, скорее всего, будет пребывать в длительном состоянии неудовлетворенности. Например, рассчитываемый в настоящее время в России размер прожиточного минимума.

Вторая ситуация, когда норма и желаемое совпадают друг с другом, но отстают от действительности, чаще всего наблюдается тогда, когда люди уже побывали в нормальных условиях (в прошлом, в развитой стране или в более успешном регионе). В данной ситуации ожидания становятся предметными и их можно назвать *стремлением вернуться на исходные позиции*. При этом субъект управления должен учитывать то, что возвращение к истокам, как правило, лишь снизит неудовлетворенность, но не обеспечит устойчивых позитивных реакций.

Третья ситуация, достаточно редкая в российских условиях — *опережение нормы по сравнению с потребностями*. Такое возможно, если субъектом управления только что внедрено новшество, от которого люди оказались в выигрыше (например, недавнее существенное повышение зарплаты, благоустройство заброшенного двора, победа в конкурсе социальных проектов), а также, если норму граждане не знают, либо в нее не верят. Именно такая ситуация ведет к повышению удовлетворенности.

Понимание удовлетворенности как меры соответствия между желаемым и действительным сближает данную категорию с понятием *качества* (в значении «качество услуги», «качество процесса»), которое также определяется через соответствие между реальными характеристиками конкретного объекта и идеальными представлениями о нем. Сравнение понятий

¹ Шилкина Е.Л. Социология местного самоуправления: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2005.

² Кравченко Е.И. Эрвин Гофман. Социология лицедейства. М.: Б.и., 1997. С. 44.

³ Патрушев В.Д., Калмакан Н.А. Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. М.: Наука, 1993. С. 8.

качества и удовлетворенности позволяет заключить, что *удовлетворенность — это переживание качества оцениваемого объекта.*

Формулируя авторское определение удовлетворенности, мы опирались на вышеприведенные характеристики, но при этом учитывали два момента: (1) не допустить смысловой перегрузки и (2) сориентировать на практические потребности муниципальной социологии. Итак, под удовлетворенностью мы понимаем *осознание человеком степени реализации своих потребностей в данных условиях, формирующее определенный тип поведения и отношения к окружающему миру.*

Определитель «осознание» не относится к базовым категориям, но удобен потому, что отражает и состояние, и его оценку. О реализации потребностей в привязке к условиям среды мы говорим постольку, поскольку, в отличие от коммерческой сферы, в нашем случае речь идет не о соответствии некоторого товара стандарту качества, а о социально-значимых потребностях, удовлетворение которых является условием конструктивной жизнедеятельности человека в местном сообществе. Также наше определение отражает функциональный аспект удовлетворенности, учет которого необходим в управленческих целях. Люди не просто дают оценки объектам и пребывают в связи с этим в радостном либо удрученном состоянии, но в зависимости от этого принимают решения о том, приходить ли на выборы, участвовать ли в субботниках, наконец, менять ли место жительства.

Определив понятие удовлетворенности, имеет смысл соотнести его с аналогами. На наш взгляд, удовлетворенность как социологическая категория в большей мере подходит для муниципальной социологии, чем конструкты с психологическим оттенком, такие, как счастье, доверие, социальное самочувствие. Так, счастье — это результат индивидуальных переживаний, оно зависит от материальных условий жизни лишь в том случае, если в сознании человека доминируют соответствующие ценности. Удовлетворенность же в большей мере относится к макроструктурам¹ и связана, в первую очередь, с ожиданиями, степенью реализации конкретных потребностей в результате взаимодействия с институтами. Понятие «доверие», в отличие от удовлетворенности, не лишено чувственных, личностных напластований. Доверию в большей мере присущ смысловой оттенок «вера», нежели «уверенность», это вид социальной установки — отношения к миру и к себе², зависящий, скорее, от личностных качеств, чем от социальных. Под социальным самочувствием современные исследователи понимают фактически то же, что охватывает категория удовлетворенности, однако данный термин слишком метафоричен.

На первый взгляд, для оценки удовлетворенности достаточно задать респонденту один вопрос «Довольны ли Вы состоянием медицины/безопасности/ЖКХ и т.д.?». Вместе с тем, для практических рекомендаций муниципальной администрации гораздо важнее знать, с какими представлениями об объекте связывается та или иная субъективная реакция, из чего она складывается, чем вызывается и к каким ответным действиям может привести.

Представляется, что удовлетворенность нельзя сводить лишь к субъективным показателям, соответственно, она может выражаться в трех формах: как отношение, как готовность к действию и как само действие. Управленческие исследования как раз и должны демонстрировать связь между этими формами.

Вопрос о соотношении удовлетворенности с действием ставился уже давно. Еще в 1985 г. Г.В. Осипов с соавторами предложили делить субъективные показатели на оценочные (удовлетворенность различными сторонами жизни, оценки сторон своего поведения) и ориентационные (мотивы общественных действий и социальных перемещений)³. Аспект «удовле-

¹ First European Quality of Life Survey: Quality of work and life satisfaction. Luxembourg, 2007. P. 7. <http://www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2006/95/en/1/ef0695en.pdf>

² Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. Дис. ... докт. психол. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 16.

³ Осипов Г.В., Колбановский В.В., Денисовский Г.М., Козырева П.М. Теоретико-методологические проблемы построения системы показателей социального развития // Показатели социального развития советского общества / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Ин-т соц. исследований АН СССР, 1985. С. 16.

творенность как действие» нуждается в расшифровке. Речь идет о так называемых косвенных, или объективных показателях удовлетворенности. Это характеристики поведения людей, в отношении которых общезначимы представления о том, что данный поведенческий акт точно сигнализирует удовлетворенность либо неудовлетворенность.

В сфере бизнеса таковыми показателями являются *число жалоб и рекламаций, рост объема продаж, длительность деловых связей, число постоянных клиентов, число потерянных клиентов, доля рынка по продукту, число «имиджевых клиентов»*¹.

Объективные показатели удовлетворенности условиями жизни — *число самоубийств и сумасшествий, число акций протеста и их участников, уровень миграции, гражданское участие*; в сфере трудовых отношений это *текучесть кадров и производительность труда*.

Рассмотрение удовлетворенности в контексте дихотомии «сознание – поведение» важно для нас потому, что *изменения на субъективном уровне предшествуют изменениям объективных показателей*, а значит, могут служить сигналами для принятия решений². Важность социологических исследований состояния сознания определяется тем, что *наблюдать поведение, во-первых, затруднительно, а во-вторых, поздно*.

Анализ категории удовлетворенности позволяет выявить две *асимметрии*, которые обязательно следует учитывать при формировании исследовательского инструментария и обработке данных. Во-первых, это несоответствие между удовлетворенностью и отсутствием неудовлетворенности, а во-вторых, несоответствие между общей удовлетворенностью некоторой сферой и результирующей оценок ее частных.

Тезис об *асимметрии «удовлетворенность / отсутствие неудовлетворенности»* базируется на двухфакторной теории мотивации Ф. Херцберга, которую, как мы полагаем, можно использовать для анализа не только трудовых отношений, но и любой другой сферы жизнедеятельности. В конкретном муниципальном исследовании учесть данную асимметрию можно путем добавления в анкету вопроса о проблемности данной сферы и/или ее отдельных аспектов.

Необходимость учета *асимметрии «общая удовлетворенность – совокупность частных оценок»* основывается на том, что респондент может дать ответ на обобщающий вопрос на основе лишь одного значимого для него фактора, причем этот фактор останется скрытым от аналитика³.

Проводя исследование удовлетворенности сферой ЖКХ (репрезентативный опрос 1185 жителей г. Белгорода старше 18 лет, Институт муниципальных проблем, май 2010 г.), мы выделили для частных оценок следующие параметры: уборка подъезда, освещение в подъезде, вывоз мусора, отопление, водо-, газо-, электроснабжение и т.д., поскольку за ними стоит одно логическое основание — *услуга*. При сопоставлении среднего от этих параметров с общей удовлетворенностью наблюдались расхождения, которые удалось объяснить с помощью открытого вопроса «Какая проблема в сфере ЖКХ является самой острой для Вас?». В ответах на этот вопрос чаще всего упоминались высокие тарифы на жилищно-коммунальные услуги, плохое состояние дорог во дворах, отсутствие детских площадок, необходимость капитального ремонта дома и т.д.

Помимо асимметрических эффектов, в исследованиях удовлетворенности следует также учитывать так называемые *объективирующие факторы* — переменные, позволяющие сделать оценку удовлетворенности более объяснимой и точнее определить, определяется ли она сознанием респондента либо условиями среды. Объективирующие факторы выявляются путем включения в исследование дополнительных параметров, а затем проводится сопоставление между данными по выборке и целом и по подвыборке, составленной с учетом того или иного фактора.

¹ Асташова Ю.В. Оценка удовлетворенности заинтересованных сторон в системе менеджмента качества. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. С65.

² Воронин Г.Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С.41–54.

³ Rose M. Disparate measures in the workplace... Quantifying overall job satisfaction: Paper presented at the 2001 BHPS Research Conference, Colchester. P. 5. <http://www.iser.essex.ac.uk/bhps/2001/docs/pdf/papers/rose.pdf>

В качестве объективирующих факторов мы рассматриваем (1) социально-демографические характеристики респондентов; (2) субъективную важность сферы/объекта для человека, (3) степень знакомства с предметом оценки: информированность, адаптация, участие.

Эмпирические исследования показывают, что среди социальных групп недовольными сферами жизнедеятельности оказываются, как правило, пенсионеры. Так, исследование удовлетворенности сферой общественной безопасности (репрезентативный опрос 1660 жителей г. Белгорода, май 2008 г.) показало, что полностью довольных всем среди молодежи было 34 %, а среди пенсионеров — 17 %.

Фактор «информированность» проиллюстрируем на примере исследования сферы здравоохранения (репрезентативный опрос 1977 жителей г. Белгорода, декабрь 2008 г.). Оказалось, что знают своего участкового врача 75 % респондентов и не знают 25 %. Данный параметр коррелирует с полом и возрастом (r Спирмена = $-0,143$ и $-0,186$ при $p < 0,01$), т.е. знают врача в основном женщины и пенсионеры. При этом среди тех, кто знает своего врача, общая удовлетворенность здравоохранением значимо выше.

Итак, исследование удовлетворенности должно содержать комплекс параметров, причем комплексность может достигаться не только за счет уточняющих параметров, учета асимметрических эффектов и объективирующих факторов, но и посредством *особой логики муниципального социологического исследования* в самом содержании анкеты.

В общем плане логика такого исследования должна состоять в том, чтобы анкета отражала движение от потребности к способам ее удовлетворения. В начале исследования выявляются характерные поведенческие практики граждан в повседневных ситуациях: как люди решают жилищно-коммунальные проблемы, получают знания, лечат болезни, добираются до места работы. Ответы на вопросы такого типа независимо от изучаемой сферы жизнедеятельности должны содержать три градации: (1) потребность удовлетворяется по возможности самостоятельно либо в рамках социальных сетей; (2) институциональный ресурс используется лишь частично (неофициально; в крайних случаях; при наличии в учреждении определенного лица и т.д.); (3) потребность удовлетворяется посредством институтов, которые для этого и предназначены.

Выявленное отношение к взаимодействию с профильными институтами косвенно свидетельствует об уровне *цивилизованности* общественных отношений на данной территории. В то же время вопрос такого типа требует в качестве дополнительного параметра выявления причин укоренения «нежелательной» поведенческой модели. Со стороны учреждения это может быть его удаленность, непредоставление информации об услугах, недостаток квалифицированных специалистов, скудная материальная база, высокие входные барьеры и т.д., со стороны граждан — привычка обходиться «подручными средствами» либо стереотипное мнение о плохой работе институции.

В более простом варианте *универсальная модель анкеты, направленной на выявление удовлетворенности некоторой сферой жизнедеятельности*, видится как совокупность следующих параметров:

1. Общий вопрос об удовлетворенности, «отправная точка исследования». Возможен не один, а серия вопросов об удовлетворенности различными сферами, чтобы сравнить искомый показатель с контекстом умонастроений.

2. Табличный вопрос, содержащий 8–12 частных *параметров удовлетворенности состоянием объектов, позволяющих реализовывать потребность*. Желательно приводить частные параметры с учетом их отнесенности к внешним и внутренним факторам, по Ф. Херцбергу. Возможно, ряд частных параметров следует представить в виде отдельных вопросов, не помещая их в общую таблицу, чтобы у респондента не возникло желание отвечать машинально. Главное, чтобы формат вопросов и шкалы были единообразными.

3. Табличный вопрос, содержащий блок частных параметров «*удовлетворенность работой институтов и их представителей*» (например, руководства УК/ТСЖ, электриков, сантехников).

4. Вопросы, выявляющие предпочтение профильных либо альтернативных институтов (если заболел, обратитесь ли к участковому врачу, либо в частную клинику).

5. Вопрос об опыте либо мнении насчет взаимодействия с властью в связи с необходимостью решать проблему, относящуюся к данной сфере.

6. Открытый вопрос о наиболее острых проблемах в данной сфере. Данный вопрос позволяет выявить элементы общей оценки удовлетворенности, актуализированные в сознании респондентов без подсказки со стороны социолога.

7. Вопрос о субъективном видении динамики данной сферы.

8. Позиционирование конкретного объекта (дома, общежития, школы) на фоне других объектов города.

9. Вопрос о степени информированности респондента о данной сфере и ее аспектах, а также (или) вопрос об интересе. Информированность тесно связана с интересом; если неуместен вопрос о знании чего-либо, можно спросить о том, интересуется ли респондент данным объектом.

10. Вопросы о наличии у респондента личного опыта взаимодействия с институтами в рамках данной сферы и о частоте взаимодействия.

11. Вопрос об активности человека в данной сфере: выявление готовности либо фактического содействия работе профильных институтов.

12. Вопросы о намерениях сменить условия жизнедеятельности: уехать из города, перейти в другую школу, сменить лечащего врача.

13. Субъективная фактология: как часто человек болеет, участвует в собраниях жильцов, посещает культурные мероприятия.

14. Вопросы об отношении к конкретным инициативам власти в конкретной сфере: капитальный ремонт, социальное такси, «университет третьего возраста» для пенсионеров и т.п.

Универсальная модель анкеты позволяет сформулировать типовые ситуации и гипотезы об их влиянии на удовлетворенность; в частности, соответствует ли позиция граждан состоянию дел в данной сфере или же это — следствие недостаточной информированности.

Настройка исследовательского инструментария, позволяющая проследить взаимосвязь между удовлетворенностью, с одной стороны, и поведенческими установками либо оценочными суждениями, отражающими степень удовлетворения потребностей, в том числе с помощью профильных социальных институтов — с другой, позволяет сделать категорию удовлетворенности предиктором социального поведения, такого, как участие в выборах, подача жалобы, готовность объединяться в ТОСы. Детальная разработка методологии и методики муниципальных социологических исследований повысит их востребованность в органах власти и сделает реальным инструментом влияния на управленческие решения.

Опыт триангуляции методов в исследовании образа «житель приграничья»

Хобта Светлана Викторовна,
*Луганский национальный университет
им. Тараса Шевченко*

Одна из тенденций в развитии современной социологии – широкое использование качественных методов. Возникшая в конце прошлого века «мода на качественное», сменилась сбалансированной позицией, основывающейся на различении познавательных возможностей качественного и количественного подходов¹. Общепринятым является признание целесообразности в рамках одного исследования совмещения или поэтапного использования качественных и количественных методов². В традиции качественной социологии это называется

¹ Дискуссия о социологии // http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311.

² Лаба Л.Я. Способы интеграции качественных и количественных методов // Социс. 2004. №2. С. 124–129; Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная стратегии // Социс. 2000. № 10. С. 101–108; Аbruков В.С., Николаева Я.Г. Количественные и качественные методы: соединяем и властвуем! // Социс. 2010. № 1. С. 142–145.

«триангуляция методов» или «междуметодная триангуляция». «Триангуляция методов часто основана на сравнении данных, собранных некоторыми видами качественных методов, с данными, полученными при помощи количественных методов»¹.

Предметом нашего рассмотрения является опыт использование качественных и количественных методов при изучении влияния границы на идентификационные практики жителей приграничных территорий восточного пограничья украинско-российской границы. Цель исследования — определить, формирует ли ситуация приграничья особую идентичность («житель приграничья»), и если да, то каково содержание этой идентичности.

Инструментом реализации цели исследования стало определение характеристик образа «житель приграничья», существующего в общественном сознании жителей приграничных населенных пунктов восточной украинско-российской границы. «Образ, — пишет Э. Ноэль-Нойман, — не является совокупностью рациональных суждений, это преимущественно иррациональное отражение представлений, ощущений, оценок, ассоциаций в широком смысле, которое как аура (aura) обволакивает все предметы сознания и носит яркий отпечаток субъективного восприятия действительности <...> Партии, люди, продукты, города, профессии — перечисление можно было бы долго продолжать — имеют “образ” у населения». Актуальность их изучения обусловлена тем, что «теснота взаимосвязей между образами и конкретным поведением получает статистическое подтверждение»².

В социологии для изучения образов традиционно используется семантический дифференциал Ч. Осгуда. Нами для изучения образа жителя приграничья была использована методика незаконченных предложений: модифицирована апробированная методика, предложенная А. Бурловым и Г. Татаровой для изучения образа культурного человека³. Методика незаконченных предложений является проективной методикой аддитивного типа (методики дополнения), которые основаны на использовании проективных вопросов. В проективных вопросах «респондентам предлагают набор ситуаций, которые могли бы встретиться в жизни, просят указать предпочтительный вариант поведения или мнения в заданных условиях»⁴. Выбор проективной методики обусловлен тем, что структура предложений позволяет минимизировать влияние исследователя и зафиксировать термины описания, которыми пользуются сами респонденты для структурирования повседневного опыта, услышать «голоса информантов». Мы исходили из предположения, что существует некий образ жителя приграничья, основанный на стереотипизированных представлениях, который включает понятия, которыми пользуются в повседневной жизни, образцы целей, мотивов, моделей поведения, нравственных предписаний. То есть мы исходили из посылки любого нарратива: при завершении предложения, прежде всего, всплывают важные для респондента понятия, определения, события, которые повторяют опыт, который был пережит. Высокая степень отрефлексированности образа должна указывать на присутствие особой идентичности.

Респондентам было предъявлено 16 неоконченных предложений:

1. От других людей жителя приграничья отличает...	Б1
2. Житель приграничного района должен...	Б1
3. Обычно житель приграничного района...	Б1
4. Среди жителей приграничья я чувствую себя...	Б4
5. Ближе всего к понятию «житель приграничья» понятие...	Б3
6. Всех, кто живет рядом с границей объединяет ...	Б1
7. Жителем приграничья я называю...	Б1
8. Чаще всего житель приграничья занимается...	Б2

¹ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. С. 315.

² Ноэль Э. Массовые опросы: Введение в методику демоскопии. М.: АВА-ЭСТРА, 1993. С. 230.

³ Бурлов А.В., Татарова Г.Г. Метод незаконченных предложений в изучении образа «культурный человек» // Социология: 4М. 1997. № 9. С. 5–31.

⁴ Лекции по методике конкретных социологических исследований / Под ред. Г.М. Андреевой. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 99.

9. Важнее всего для жителя приграничья...	Б1
10. Среди жителей приграничья бывают...	Б2
11. Жители приграничья делятся на...	Б2
12. Житель приграничья никогда...	Б1
13. Житель приграничья всегда...	Б1
14. Житель приграничья обладает...	Б1
15. Противоположность жителю приграничья...	Б3
16. Я не могу назвать жителем приграничья того...	Б1

Согласно методике А. Бурлова и Г. Татаровой, 16 предложений распадаются на четыре смысловых блока, принадлежность к которым обозначена в колонке справа. Задача Блока 1 (Б1) — собрать высказывания, раскрывающие сущность и структуру образа «житель приграничья», определить его качества. Второй блок (Б2) должен дать информацию о функциональных особенностях носителей образа. Третий блок (Б3) содержит предложения, которые должны определить расположение образа «житель приграничья» относительно других социальных стереотипов: синонимичных и противоположных. Задачей четвертого блока (Б4) является определение эмоциональной окраски образа, отношения к нему. Некоторые предложения списка составляют пары, образуя полюсы одной шкалы: «Ближе всего к понятию “житель приграничья” понятие...» и «Противоположность жителю приграничья...», «Жителем приграничья я называю...» и «Я не могу назвать жителем приграничья того...», «Житель приграничья никогда...» и «Житель приграничья всегда...».

Сбор данных происходил путем раздаточного анкетирования по месту жительства. Опрос проходил с 21 сентября по 31 октября 2009 г. В выборку попали жители 6 (из 10) приграничных районов Луганской области из 12 населенных пунктов. Время заполнения анкеты не ограничивалось. Всего было опрошено 100 человек, к анализу отобрано 97 анкет.

При определении понятия «житель приграничья», большинство указало на территориальную предопределенность данного статуса. Доминируют определения, связанные с местом проживания, пропиской. В четверти случаев фиксируется отождествление с собственной личностью, представителями локальной территориальной общности. Другая группа определений связана с указанием на особые качества людей приграничья: срок проживания, приспособление к особым условиям жизни, моральные качества. Сопоставление обоснований показало, что определяющими чертами жителей приграничья, если не считать близость места жительства к границе/прописку, выступают (1) особые моральные и личностные качества, среди которых доминируют связанные с бдительностью, внимательностью, информированностью, взаимопомощью и дружелюбием в отношении соседней державы; (2) особая (смешанная русско-украинская) культура; (3) повышенная правовая компетентность, связанная с институциональными требованиями границы; (4) особый образ жизни и предприимчивость. Около четверти опрошенных указало, что жители приграничья ничем не отличаются от других жителей страны.

В формулировании близких понятий к понятию «житель приграничья», респонденты испытывали явные затруднения, о чем свидетельствует большое количество отсутствующих и несодержательных ответов, тавтологических определений. Ассоциативный ряд представлен, главным образом, понятиями, указывающими на важность для восточного приграничья добрососедских межличностных отношений, практической взаимопомощи и общения между соседними народами.

Анализ критериев дифференциации жителей приграничья показал, что основными критериями являются социальные, демографические, нравственные характеристики, не связанные со спецификой приграничья («бедные/богатые», «мужчины/женщины», «молодые/старые», «работящие/лентяи») или же прямо указывается, что жители приграничья не отличаются от жителей других частей Украины. Приграничная специфика проявляется в выделении таких общностей как «свои/чужие», «местные/приезжие», «нарушители закона/законопослушные»; «активные/пассивные помощники пограничников», «служащие на границе/не служащие», «люди, работающие в той стране, в которой проживают/люди, работающие в другой стране»,

«раскрученные контрабандисты/простые рабочие люди». Деление по этническому признаку («украинцы/русские») составило только 6 случаев. Более часто присутствует формулировка «люди разных национальностей», но в такой формулировке отсутствует разделение на «своих» и «несвоих».

Миролюбие и дружелюбие в отношении России выделяется как элемент приграничной специфики. Одновременно значимыми являются качества, работающие на «охрану своей границы», включая информирование пограничной службы о подозрительных ситуациях.

Таким образом, согласно данным методики незаконченных предложений, определяющими чертами в собственном образе жители приграничья считают особые моральные и личностные качества, особую (смешанную русско-украинская) культуру и язык, повышенную правовую компетентность и особый образ жизни, включающий занятия полулегальной или нелегальной деятельностью. При описании образа «житель приграничья» фиксируется несколько типов дискурсов: этический, братского народа, криминальный и институциональный. Анализ их соотношения показывает доминирование этического дискурса. Описание образа происходит преимущественно в морально-этических терминах.

На основе данных качественного исследования были выделены четыре образа «жителя приграничья»: «добрый сосед», «помощник пограничных служб», «контрабандист», «обыкновенный житель». Выделенные смыслы и их содержательные характеристики были включены в инструментарий для массового опроса (табл), который позволил оценить их распространенность в общественном сознании.

Опрос проводился 23–25 октября 2009 г. в Луганской области. Метод сбора эмпирической информации — стандартизированное интервью по месту жительства. Выборка репрезентирует половозрастную и поселенческую структуру Луганской области. Особенностью формирования выборки было то, что при определении точек опроса в выборку максимально включались населенные пункты области, которые находятся вблизи восточной украинско-российской границы.

Сравнение данных, полученных с помощью методики незаконченных предложений и массового стандартизированного интервью, показало, что при применении методики незаконченных предложений, респонденты чаще пытались выделить особые характеристики, нежели в случае стандартизированного интервью. В ситуации массового опроса около 50 % выбрали среди альтернатив «житель пограничной зоны ничем не отличается от других». Ее разделяет большинство, как жителей приграничья, так и области в целом.

Таблица

Распределение ответов на вопрос
«Кто такой житель пограничной зоны в Луганской области?», %

Вариант ответа	Луганская область n=1147	Приграничные населенные пункты n=249
контрабандист	3	2
защитник наших рубежей	11	9
носитель двух культур	24	30
носитель своей культуры, противопоставляемой культуре другого	8	8
житель пограничной зоны ничем не отличается от других	52	47
другое, нет ответа	2	3
Всего	100	100

То, что жители приграничья ощущают себя «носителями особой культуры», проявилось в отличиях в ответах жителей области и приграничья. Для жителей приграничных населенных пунктов эта позиция является более значимой, нежели для жителей области в целом. Данные методики незаконченных предложений позволяют сказать, что особая культура заключается

в сочетании двух культур: украинской и русской. Это выражается в особом диалекте («суржике»), наличии у предков, как украинских, так и русских этнических корней, «особых нравах и обычаях».

Позиция «защитник рубежей» в массовом опросе получила 11 % голосов респондентов. В методике незаконченных предложений она в опосредованной форме представлена более выпукло. Респондентов, которые считают, что житель приграничья должен помогать в работе пограничных войск, информировать их, входить в добровольные дружины численно не много. Но подавляющее большинство отмечает, что население приграничных пунктов должно быть более законопослушным, бдительным, дисциплинированным, осторожным, внимательным, компетентным, чем другие. Хотя есть и другая категория респондентов, которая считает, что чертой приграничного жителя является умение обходить закон и пограничные службы. Последнее связано с распространением полулегальных и нелегальных практик в приграничье¹. В массовом опросе эта сторона реальности приграничья «прячется» сильнее, чем при анкетировании.

Если говорить о результатах исследования идентичности в восточном пограничье украинско-русской границы, то следует отметить слабую отрефлексированность специфики приграничья и образа «житель приграничья». В большинстве случаев приграничность субъективно не ощущается. Однако, несмотря на то, что жители приграничных населенных пунктов отрицают влияние приграничья на их жизнь, анализ их жизненных практик демонстрирует это влияние. Граница оказывает влияние и на идентификационные практики населения. В приграничье формируется особая идентичность, понимаемая как двупринадлежность: одновременная принадлежность к двум культурным и этническим группам — украинцам и русским. Это подтверждают также данные индивидуальных и фокусированных групповых интервью, проведенных в Луганской и Ростовской областях в 2009 и 2010 гг.² Они показали, что чувство приграничности — характеристика узкой полосы непосредственно прилегающей к границе. Более того, она проявляет себя точно: в пунктах, где есть пункты пропуска через границу или через которые проходят крупные коммуникационные пути, контрабандные трафики. Там даже зафиксирован фольклор, посвященный границе.

В случае триангуляции методов необходимо иметь в виду, что «процесс сравнения (данных качественного и количественного исследования. — С. Х.) не всегда является прямым, поскольку качественные и количественные методы отвечают на разные вопросы, и их ответы нелегко объединить, чтобы сформировать целостную картину социального мира»³. Более того, «следует быть готовым к конфликту результатов, полученных с помощью качественных и количественных методов»⁴. В нашем случае триангуляция методов также показала отличия в данных, полученных качественными и количественными методами сбора информации. При использовании методики незаконченных предложений, в которой респонденту дана установка, хотя и в собственной логике и терминах, но все же найти специфику жителя приграничья, указания на специфику приграничья фиксируются чаще, чем в случае использования стандартизированного инструментария массового опроса. Возможно, проявляет себя, некое подобие эффекта самовоспроизводящейся валидности. Эффект состоит в том, что участие в оп-

¹ Хобта С.В. Украинско-русская граница: демаркация и перспективы ее восприятия населением приграничных территорий // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка: Соціологічні науки. 2010. № 12 (199). Т. 2. Ч. I. С. 136.

² Кононов И.Ф. Украинско-русская граница: практики власти и повседневная жизнь населения // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Карабіна: Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. 2010. № 889. С. 79–86; Кононов И.Ф. Граница между Украиной и Россией: взгляд с российской стороны // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. пр. Вип. 16. Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2010. С. 402–411; Хобта С.В. Восточный участок украинско-русской границы: особенности восприятия границы и перспектива демаркации // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. Випуск 16. С. 412–416.

³ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетей, 2009. С. 316–317.

⁴ Там же. С. 316.

росе оказывает влияние на фактическое поведение участников опроса¹. В данном случае специфика жителя приграничья отыскивалась в ответ на запрос полустандартизированного опросника. Зафиксирована и разная распространенность типов образа «жителя пограничья». В целом же данные и качественных, и количественных методов вполне согласуются в том, что для восточной границы Украины не характерно развитое «чувство границы». Восточная граница Украины не воспринимается как граница с «чужими». Это чувство, как и идентичность «жителя приграничья», принадлежит узкой полосе непосредственно прилегающей к границе.

Case-study профсоюзов в транснациональных компаниях: практики работы три года спустя

Чеглакова Людмила Михайловна, *НИУ ВШЭ*

Обращение к методическим вопросам проведения case study подводит нас к теоретическим проблемам науки: представлениям о конкретном предмете исследования, а также о природе социального мира. Качественные методы — не только новая технология в добавление к существующему арсеналу количественных методов социальных наук. Как отметил С. Квале, внесший значительный вклад в обоснование методологии качественного исследования, «способ понимания, подразумеваемый качественными исследованиями, предполагает альтернативную позитивизму концепцию социального знания, смысла, реальности и истины в социальных исследованиях»². Основным предметом науки при этом уже не являются объективные данные, их место занимают значимые отношения, ценность и полезность интерпретации становится более весомой, чем результаты квантификации.

Case study определяется как «глубинное, детальное исследование одного объекта, имеющего четкие временные и пространственные границы с целью изучения его уникальной структуры, скрытых пружин его функционирования, совокупности его взаимосвязей как системы или динамику его развития. Результаты обычно имеют прикладной характер как рекомендации относительно данного феномена, а также других объектов, относящихся к этому же классу и находящихся в сходных условиях»³. Метод case study появился как противоположность традиционному теоретическому исследованию в тридцатые годы прошлого века и, начиная с этого времени, его эффективность и полезность вызывает оживленные дискуссии⁴. Однако разбор этих дискуссий не является предметом данной работы. Достаточно заметить, что с течением времени этот метод был признан надежным и заслуживающим доверия, при условии соблюдения главных методологических правил.

Для решения каких исследовательских задач полезен метод «case study»? Р. Йин полагает, что он используется в тех ситуациях, когда исследователи сталкиваются с очень сложными, контекстуальными случаями, которые не могут быть изучены другими способами⁵. Одним из главных преимуществ метода «case study» состоит в том, что он позволяет рассматривать новые практики и применение теоретических аксиом в реальных бизнес моделях. С. Софер добавляет, что метод «case study» подходит для изучения динамики изменяющихся сложных систем, особенно когда необходим анализ всего множества заинтересованных сторон⁶.

На наш взгляд, все эти обстоятельства имеют место, когда речь заходит об изучении социально-экономической трансформации в сфере труда и новых вызовов профсоюзному движению. В связи с экономическими изменениями в России, как и во всем индустриальном

¹ Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д.М. Рогозина, М.В. Рассохиной. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 86.

² Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. С. 20.

³ Кейс-стади // Социологический словарь. URL: [http://enc-dic.com/sociology/Kejs-Stadi-3631.html]

⁴ Tellis W. Applications of a Case Study Methodology // The Qualitative Report. 1997. Vol. 3. № 3. URL: [http://www.nova.edu/ssss/OR/OR3 -3/tellis2.html]

⁵ Yin R.K., Campbell D.T. Case Study Research, Design and Methods. California: Sage, 1994.

⁶ Sofaer S. Qualitative Research Methods: What Are They And Why Use Them? // International Journal for Quality in Health Care. Vol. 34. No. 5. P. 1101–1118.

мире, возник ряд тенденций, оказывающих огромное влияние на систему занятости и трудовых отношений. Они вызваны рядом факторов, среди которых уменьшение государственного регулирования экономики, изменения в характере занятости, а также приход транснациональных корпораций (ТНК)¹, интегрирующих международные технологии производства в экономику страны. Для России и стран СНГ, где новые международные тенденции совпали с переходом от плановой экономики, изменения в трудовой сфере стали еще более существенными. Таким образом, социально-экономический контекст деятельности профсоюзов оказывается очень динамичным, роль профсоюзов и также их проблемы весьма специфичными, а их внутренняя структура и стратегии также находятся в процессе трансформации. Применительно к таким условиям case study, как исследовательская стратегия, направленная на глубокий, полный и комплексный анализ феномена практик профсоюзов на предприятиях в составе ТНК на примере отдельных эмпирических объектов (случаев), обладает очевидным достоинством. Открывается возможность получить глубокую информацию о латентных процессах, скрытых механизмах социальных отношений в этой системе. Также важно обобщить, как внутриорганизационные процессы, инициированные новым менеджментом, отражаются на профсоюзном участии в регулировании трудовых отношений.

Этот вопрос уже исследовался в рамках проекта «Постсоциалистические профсоюзы: политика и практики правительства и профсоюзов на региональном уровне в отношении низких заработных плат и плохих условий труда», реализованного в 2005–2008 гг. межрегиональным Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) совместно с Центром сравнительных исследований труда университета Уорвика под руководством проф. Саймона Кларка². Цель статьи — с помощью сравнительного анализа практик работы профсоюзов на предприятиях в составе российских ТНК проверить, сохранились ли тенденции, обнаруженные в исследованиях 2005–2008 гг.

Эмпирической базой для сравнения послужило исследование социально-трудовых отношений и положения работников на российских предприятиях нефтегазовой отрасли 2009–2010 гг.³ В фокусе нашего case study — изменения в практиках профсоюза, вызванные сменой собственника и включением в ТНК.

Поскольку оба проекта реализованы в русле одного методологического подхода, выделенные индикаторы имеют общие позиции, инструментарий исследований имеет общие блоки, а в исследовательских командах по стечению обстоятельств участвовала часть социологов из первого проекта, сравнение не только уместно, но и имеет методические основания.

Case study — это содержательный метод для проведения исследования. В своей работе Р. Йин⁴ утверждал, что case study является эффективной стратегией для ответа на вопросы «как» и «почему». Судить о реальных практиках профсоюзов на ТНК и их изменении лучше всего, наблюдая непосредственное взаимодействие работников, профсоюзов и работодателей, то есть на уровне организации. Мы исходим из того, что каждый наш случай является, по сути, «детальным исследованием событий или явлений, которые выступают примером проявления общих закономерностей»⁵.

¹ ТНК — особая форма организации хозяйственной деятельности фирмы, основанная на кооперации труда работников предприятий, расположенных в разных странах мира и объединенных единым титулом собственности на средства производства. По определению экспертов ООН, к ТНК относят любую компанию, имеющие производственные мощности за границей.

² Чеглакова Л. Профсоюз в транснациональной компании (на примере металлургического завода) // Экономическая социология. 2008. Т. 9; Профсоюзы на предприятиях современной России: возможности ребрендинга / Под ред. И.М.Козиной. М.: ИСИТО, 2009.

³ Исследовательский проект «Механизмы взаимодействия менеджмента и профсоюзов на предприятиях Компании», под руководством И.Козиной, Институт управления социальными процессами НИУ ВШЭ.

⁴ Yin R.K., Campbell D.T. Case Study Research, Design and Methods. California: Sage, 1994.

⁵ Козина И. Особенности стратегии case study при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях России // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. № 5–6. С. 65–90.

Обоснование выбора объекта исследования

Обычно case study являются выборочными и акцентируются на нескольких исследовательских вопросах, которые являются фундаментальными для понимания изучаемой системы¹. В данном случае ставились вопросы о том, как происходит приспособление традиционных практик профсоюза к политике и действиям нового собственника? Какие проблемы порождает это взаимодействие? Какую нишу в структуре власти занимает профсоюз? Как изменяются приоритеты и формы работы профсоюзной организации? Эти вопросы призваны были внести вклад в дискуссию о том, каковы перспективы модернизации профсоюзной деятельности.

Выбор объекта был обусловлен соответствием его параметров задачам исследования. Эмпирическую базу исследования составили кейсы четырех предприятий двух транснациональных компаний, металлургической и нефтегазовой². Согласно У. Телису³, выбранные случаи принципиально пригодны для рассмотрения предмета исследования, поскольку социолог получает доступ к некоему феномену, который раньше являлся недостижимым. Публикуя, согласно букве международного права, свои социальные отчеты, ТНК остаются закрытыми для внешних исследований. У автора была возможность участия в исследованиях, что позволило провести как внешний, так и внутренний анализ ситуации.

Отбор «случаев» проводился в соответствии с определенными условиями (профсоюзное членство, наличие или подготовка коллективного договора, успешность ведения переговоров с администрацией предприятия (признаки активности профсоюза), успешность предприятий и возможность доступа к информации). Все выбранные предприятия являются успешными. Чистая прибыль, как главный показатель и конечный финансовый результат деятельности, на протяжении последних пяти лет имела устойчивую тенденцию к росту во всех случаях. Своевременно выплачивается зарплата, несколько превышающая среднюю по отрасли и региону, работники заняты полную рабочую неделю. Предприятия имеют устойчивый рынок сбыта продукции. Общие экономические и политические условия, в которые они находились в последние годы, обусловили сходство происходящих внутри них процессов. Изначально профсоюзы были представлены на всех предприятиях, включенных в исследование, кроме одного, в составе нефтегазовой корпорации. Это «старые» профсоюзы, массовые, действующие по образцам, унаследованным из советской жизни, включенные в структуры отраслевых профсоюзов (Горно-металлургического профсоюза и Нефтегазстройпрофсоюза РФ, соответственно).

Два предприятия расположены в разных регионах Центральной России, одно — в Сибири и одно на Крайнем Севере. Предприятия различаются по численности персонала (от 600 до 3800 чел) и по структуре рабочей силы: на северных предприятиях доля высококвалифицированных работников выше, а средний возраст работника предприятия — ниже. Отличительным признаком двух корпораций стало время прихода новых собственников: если в нефтегазовой отрасли процессы глобализации активно проявились с середины 1990-х годов, то в металлургической отрасли они стартовали десятилетием позже. В итоге мы встретились с унификацией моделей трудовых отношений на разных предприятиях внутри нефтегазовой корпорации; а некоторое разнообразие практик профсоюза на металлургических предприятиях, вероятно, связано с меньшим сроком влияния технологий международного бизнеса на сформированную десятилетиями советского периода социальную организацию трудовых отношений.

Дизайн и проведение исследования

Описывая методологию и результаты нашего исследования, мы постараемся следовать логике Йина, и основной акцент сделаем на этапах разработки и проведения case study.

¹ Tellis W. Applications of a Case Study Methodology // The Qualitative Report. 1997. Vol. 3. № 3. URL: [http://www.nova.edu/ssss/OR/OR3 -3/tellis2.html]

² Конкретные названия компаний не указываются по соображениям конфиденциальности.

³ Tellis W. Applications of a Case Study Methodology // The Qualitative Report. 1997. Vol. 3. № 3. URL: [http://www.nova.edu/ssss/OR/OR3 -3/tellis2.html]

Методы исследования и источники информации. Необходимость сравнительного анализа профсоюзных организаций различных предприятий определила специфику используемого подхода: она неизбежно предполагала унификацию не только процедур, но и основных показателей, по которым производилось сравнение. Выбранный подход в обоих исследованиях подразумевал применение как качественных, этнографических методов сбора полевых данных, так и количественных процедур. С одной стороны, беседы с председателем профсоюзного комитета, включенное наблюдение (в профкоме и на рабочих местах), интервью с руководителями и специалистами, индивидуальные и групповые интервью с работниками. С другой стороны, изучение статистики предприятия и документов профкома. Отличие между проектами заключалось в том, что в исследовании нефтегазовой компании 2008–2010 гг. проводился репрезентативный анкетный опрос работников предприятия по проблемам социально-трудовых отношений.

Инструментарий. Было сформировано несколько путеводителей (пять в первом исследовании, три во втором), которые в ходе исследования могли разделяться на несколько последовательных тематических интервью.

Опрос руководителей. Интервью с работодателем делилось на две части. Одна часть касалась политики предприятия и взаимодействия с профсоюзом, заработной платы и условий труда; она предполагала ответы самого руководителя, другая подразумевала беседу со специалистами по заработной плате, кадрам, безопасности труда. В целом в интервью с первым руководителем предприятия было включено пять тематических блоков: авторитет профсоюза; активность профсоюзов в представительстве и защите интересов работников (при заключении КД, в спорных ситуациях и в случае возникновения трудовых конфликтов, в случае возникновения социально-бытовых проблем и т.п.); взаимодействие администрации с профсоюзом (в том числе наличие конфликтных ситуаций и способы их разрешения); коллективный договор и организация коллективно-договорной кампании; социальная политика.

Опрос профсоюзного лидера. Основные темы интервью с председателем профкома: специфика профорганизации (численность, динамика, состав и активность профкома, уровень активности рядовых членов, акции, собрания (конференции); порядок утверждения сметы расходов, структура распределения; коллективный договор (есть ли практика «типовых» договоров, процедура заключения, характер взаимодействия с администрацией, оценка колдоговора по сравнению с другими, оценка выполнения колдоговора, контроль за его выполнением); социальный пакет (содержание, доступность, величина, участие профсоюза); индивидуальные и коллективные трудовые обращения, споры и правовая помощь работникам (практика, способы разрешения, КТС); взаимодействие с администрацией; история создания профсоюзной организации; оценка её деятельности.

Опрос работников. Беседы с рабочими проводились по сходным темам. Интервью с рядовыми работниками предприятия позволяло судить о значимости и доступности профсоюзных завоеваний, включенности рядового состава в профсоюзную деятельность. Во втором исследовании анкета раздавалась для самозаполнения; не менее 60 % анкет раздавались и собирались исследователями (а не представителями администрации и профсоюза предприятий). Количественные данные задавали жесткий каркас для представления общей картины, что служило сильным аргументом для менеджмента.

Статистическая справка предприятия включала основные экономические и социальные показатели предприятия. В случае отказа от представления точной информации, фиксировались экспертные оценки положения предприятия.

Процедуры полевого исследования. Исследование профсоюзной организации начиналось обычно с «доверительного» интервью с председателем профкома. Установление доверительности впоследствии позволяет прямо задавать вопросы на уточнение и понимание, просить честно рассказать о провалах и неудачах в переговорах с работодателем, привлекать цитаты и документы для аргументации в ходе разговора. Обычно основной темой «доверительного» интервью была история создания профсоюза, его проблемы сегодня.

Включенное наблюдение проводилось в течение рабочего дня, когда рядовые работники обращались к профсоюзным лидерам и во время работы председателя профсоюза с обращениями работников. Прямое наблюдение за событиями повышало надежность и полноту данных (по сравнению с сообщениями участников), позволило исследователям самостоятельно сделать выводы о действиях и результатах работы профсоюза.

Полуформализованные интервью проводились с председателем профкома, активистами, рядовыми членами профсоюза и работниками предприятия; руководителем, специалистами по заработной плате и условиям труда, кадровиками. Основная часть аналитического отчета была написана на основе этих интервью.

Ход и содержание интервью на каждом объекте были специфическими. Во-первых, организации, в которых шли исследования, относились к разным секторам экономики, бизнес единицы в рамках одной корпорации технологически и организационно могли не совпадать, поэтому невозможно было применять абсолютно одинаковый путеводитель для интервью. Во-вторых, трудности и достижения касались различных сфер деятельности профсоюзов. Однако тематические блоки интервью были едины, а нюансы зависели от ситуации.

В зависимости от открытости предприятия в целом, доступности главного руководителя и председателя профкома последовательность бесед в каждом случае была разная. Иногда первое интервью брали у работодателя, иногда у председателя профкома. Если детали, необходимые для дальнейшего анализа, приходилось собирать по крупицам, круг информантов расширялся. Наиболее информативные интервью обычно давали «старожилы» предприятий; иногда это были председатели профкомов, иногда рабочие. Во всех случаях работодателей отличали ясные ожидания от профсоюза, представления о его роли, тактике работы и активности по отношению к работникам.

Проведение **групповых интервью** среди рабочих часто было более уместно, чем индивидуальное интервьюирование. Состав опрашиваемых и обсуждаемые темы зависели от конкретных проблем; в группу, как правило, входило семь–десять человек. В таких беседах не участвовали ни руководители, ни профсоюзные лидеры. Исследователи, используя опыт прошлых лет, приходили в места неформального общения, чтобы сделать беседу непринужденной и неформальной по характеру.

Для сравнения представлений набирались группы разного состава: из работников разной квалификации, различных возрастных групп. Этот метод позволял понять согласованность и разброс мнений. Группы различались по степени критичности: в целом в центральной России рабочие более критично настроены по отношению к ситуации на предприятии, к процессам, происходящим в промышленности в целом. Квалифицированные рабочие наиболее сдержанно оценивали соблюдение трудовых прав. В обоих исследованиях квалифицированные рабочие и молодежь наименее заинтересованы в профсоюзном членстве.

Анализ case study

При проведении case study необходимо использовать все возможные источники информации, убедиться в том, что вся необходимая информация была получена, что разносторонние объяснения были учтены, что анализ дал надежные и значимые ответы на основные исследовательские вопросы¹.

Надежность данных обеспечивалась, во-первых, отбором исследователей. На стадии формирования исследовательской команды опыт в сфере социально-трудовых отношений и работы профсоюзов был критичным для включения в команду. Во-вторых, надежность обеспечивалась сочетанием количественных и качественных методов. Было получено множество свидетельств, описанных со слов участников событий, подтвержденных анализом документов, собственными наблюдениями исследователей. Для отслеживания изменений, произошедших в кейсах первого исследования, собиралась дополнительная информация о положении предприятий, действиях профкома, с использованием данных и доступной

¹ Tellis W. Applications of a Case Study Methodology // The Qualitative Report. 1997. Vol. 3. № 3. URL: <http://www.nova.edu/ssss/OR/OR3 -3/tellis2.html>

статистики из Интернет. В-третьих, в процессе разработки инструментария и на полевом этапе постоянно осуществлялась триангуляция. На старте работ во время встречи исследовательской группы был задан общий подход, выделены фокусы внимания и сформулированы гипотезы исследования. Разные предприятия изучались разными исследователями, на аналитическом этапе принимались совместные решения о том, как именно в конкретном случае объяснить сложившееся положение дел, какую окраску придать тому или иному действию профсоюза. В-четвертых, на этапе анализа при подготовке отчета по каждому кейсу большое внимание уделялось получению аналитического описания событий. Наконец, важной частью работы была коммуникация с субъектами трудовых отношений (обучение профсоюзных лидеров на полученных «положительных уроках», проведение презентаций перед менеджментом и профсоюзными лидерами, обратная связь и дискуссия) и обсуждение полученных данных в научных кругах (статьи, книги).

Аналитические выводы и результаты исследования

Анализируя тенденции в профсоюзных практиках на российских предприятиях ТНК, мы сначала указали те позиции, которые были зафиксированы по итогам исследования 2005–2008 гг. в металлургической корпорации¹, затем сравнили их с кейсами в нефтегазовой корпорации и проконтролировали сходства и различия. Кратко опишем основные выводы.

1. Вхождение предприятия в состав ТНК неизбежно влечет за собой изменение профсоюзных практик. Позитивные практики связаны с активизацией деятельности профсоюза и модернизацией его защитной направленности; эта тенденция подтвердилась в первой своей части и не подтвердилась во второй. Приход западного собственника в любых случаях вызывает прогрессивные изменения в системе управления, технологиях, физическом пространстве организации работы, социальных программах работодателя. Укрепляется производственная дисциплина, работники обеспечиваются средствами индивидуальной защиты. Активизируется продвижение рыночных ценностей: профессионализм, компетентность, дисциплина. К негативным следствиям новой политики относятся сокращение рабочих мест, некоторые изменения, к которым персоналу и профсоюзам приходится адаптироваться. Активность профсоюзов как часть процесса адаптации возрастает во всех случаях: идет поиск своей позиции, новых форм и возможностей для сотрудничества, как с работниками, так и с работодателем, согласования точек зрения. При этом методы защиты интересов работников профсоюзом все более соответствуют ожиданиям работодателя.

Общий фон взаимодействия работодателя с работниками выглядит как вполне благоприятный (обеспечивается соблюдение прав, предоставляются все предусмотренные законом льготы и гарантии и т.д.). Западный собственник рассматривает профсоюз как обязательного участника социального диалога. Предмет взаимодействия сторон и тактики в каждом конкретном случае зависят от истории отношений и личностей работодателя и профлидера. Установлено, что модели взаимодействия различаются в зависимости от статуса председателя профсоюза и его вовлеченности в политическую практику. В частности, выявлены следующие варианты: председатель — (1) освобожденный работник, активно вовлечен в политическую практику и сотрудничество с высшими уровнями профсоюзной иерархии, (2) работник предприятия, совмещающий свои основные функции с профсоюзной работой, (3) освобожденный работник, не включенный в политическую практику и взаимодействие с отраслевым профсоюзом. В трех случаях из четырех после прихода нового собственника произошла смена председателя профсоюза.

Тенденция к активизации защитных практик профсоюза не подтвердилась. Личный опыт взаимодействия работников с профсоюзом остается низким: 60–80 % респондентов ни разу за год не обращались в профком, каждый второй опрошенный заявил, что не знает о том, посещали ли его подразделения представители профкома, примерно каждый пятый отрицал факт посещения; подавляющее большинство (около 80%) не знают о факте или определенно

¹ Подробнее см.: Чеглакова Л. Профсоюз в транснациональной компании (на примере металлургического завода) // Экономическая социология. 2008. Т. 9.

указывают на отсутствие в течение года профсоюзных собраний в их подразделениях. Чрезвычайно низкой оказалась активность работников при подготовке и обсуждении колдоговора; на сбор предложений перед заключением колдоговора указали чуть более 8 %. Профсоюзы практически не участвуют в решении и рассмотрении конкретных спорных ситуаций: по данным опроса, споры решаются через администрацию или линейных руководителей. Все это свидетельствует о существенных недостатках работы профсоюза с работниками и отсутствии тесного взаимодействия с ними. Режим и нормирование труда, включая его интенсивность и продолжительность рабочего времени, индивидуальные трудовые конфликты часто остаются вне поля профсоюзного внимания. Вопросы заработной платы и социального пакета по негласному соглашению сторон относятся к компетенции работодателя. Ожидания работников и администрации относительно активности профсоюза совпадают: функции профсоюза ограничивают решением социально-бытовых вопросов, срочных, экстренных или запущенных проблем. Профсоюзам отводится роль «буфера» и «связующего звена» между администрацией и коллективом.

2. Тенденция к укреплению внутренней структуры самой профсоюзной организации накапливаются ресурсы (в штат привлекаются экономисты, юристы) для усиления позиций в переговорах с работодателем не подтвердилась. На одних предприятиях в структуре профсоюзной организации зачастую отсутствует представительство на уровне подразделений (профгрупп), на других представительство носит номинальный характер. Представительный выборный орган (профком) с администрацией не взаимодействует, в постоянное взаимодействие включен только председатель профкома и в большинстве случаев это единственный активный представитель профсоюза. В случае нефтегазовой корпорации в деятельности профорганизаций разных предприятий практически отсутствуют такие традиционные виды профсоюзной деятельности, как профсоюзная учеба (в отраслевых профсоюзах), планирование профсоюзной работы, график проведения собраний в подразделениях, план проведения колдоговорной кампании, мероприятий по сбору предложений работников и обсуждению условий нового КД. Есть и другие свидетельства того, что у лидеров профсоюзов, прежде всего у председателей, либо нет специфических знаний о работе с профсоюзным активом и о правовых рамках работы. Осознается ли этот факт профсоюзными лидерами? Зависит от случая.

3. Тенденции к бюрократизации профсоюзов, проявляющейся в стремлении удовлетворить потребности «клиента» (т.е. работников предприятия) и в профессиональной специализации внутри профкома, к расширению спектра правозащитных услуг профкома и к усилению партикуляризма при решении вопросов, которые сближали профсоюзную организацию с сервисной коммерческой структурой, подтвердились отчасти. Выбор «клиента» был сделан, но не в пользу работников. Подтвердилась тенденция сращивания профсоюза с менеджментом предприятия. В выборе между классовой и корпоративной солидарностью, профсоюзы предприятий в нефтегазовой корпорации, которые 11 лет находятся в составе ТНК, ориентируются на корпоративные интересы и конструктивный бесконфликтный диалог. Таким образом, по сути, администрация обеспечивает представительство обеих сторон — и работодателя, и работников. Полное взаимопонимание, отсутствие разногласий между администрацией и профсоюзом, которое в настоящее время воспринимается положительно, может стать свидетельством отсутствия общественного представительства и защиты интересов работников, вызвать их негативную реакцию.

Итак, наши методы и подходы к анализу профсоюзной работы предприятий в составе ТНК позволили сделать важные методологические и практические выводы. Во-первых, сравнительное изучение «случаев» дает комплексное представление о тенденциях в практиках профсоюзной деятельности в транснациональных компаниях, чего невозможно достичь другими методами на фоне специфики представляемой вовне информации (либо информации общего характера, либо целевого характера — для демонстрации достижений). Нельзя не учитывать и ограничения доступа к информации в виду закрытости для внешнего наблюдателя мира ТНК. Во-вторых, изучение профсоюзных организаций промышленных предприятий в составе разных ТНК, разных по размеру, отраслевой принадлежности,

времени вхождения в ТНК позволило обнаружить общие тенденции и скорректировать уже высказанные гипотезы. В-третьих, наличие положительных примеров конструктивного взаимодействия, ожиданий работников от профсоюзов и готовность работодателя учитывать профсоюз как действенного участника системы социального партнерства означает, что профсоюз как организация, призванная представлять интересы работников, не потерял актуальности. Однако, вопросы о том, эффективен ли выбор в пользу корпоративной солидарности и как отразится этот выбор на роли и месте профсоюза в системе властных отношений, остаются открытыми.

Особенности американской журналистики: подготовка и суть специалиста (по результатам поездки в США в 2009–2010 гг.)

Шилов Владимир Викторович

Уральский государственный экономический университет

Летом 2009 и 2010 гг. автор этих строк посетил несколько штатов на юге США (Алабама, Флорида, Миссисипи, Джорджия)¹ и насколько это было возможно, познакомился с представителями СМИ (в том числе с их подготовкой) и деятельностью американских масс-медиа. Интерес был обусловлен и тем, что методы сбора информации у социологов и журналистов во многом совпадают. К тому же многие солидные издания Соединённых Штатов в штате редакции имеют ставку социолога.

Обучение в «обыкновенном» государственном университете на факультете журналистики составляет от двух до трёх тысяч долларов за семестр. Замечу, около 60 процентов вузов США — это частные заведения, в которых плата дороже, порой в разы. Например, в знаменитом Гарвардском университете, в котором в разные годы обучались 7 президентов США (это очень солидный «бренд») плата составляет около 60 тысяч долларов в год (для иностранцев ещё дороже).

Но здесь же можно отметить, говоря о системе американского университетского образования, — там нет понятия «бесплатное обучение», но есть понятие «грант». То есть если у студента есть какие-то финансовые трудности, он подает на грант — пишет большое сочинение, почему ему должны его дать...

В США наше «полное среднее образование» несколько длиннее — 12 календарных лет обучения (делится на начальную, среднюю и высшую)². Мой племянник Артём, окончил в Перми среднюю школу (10 календарных лет), но он окончил ещё и один семестр Пермского педгосuniversитета (иняз), за это ему в США было «зачтено» как их «полное среднее». После чего он и поступил в экономический колледж (через два года стал ассоциатом, «Associate»), а сейчас в университете штата Алабамы учится на бакалавра (бакалавр, магистр и доктор в США — это учёные степени).

Учился и учится он все эти годы хорошо и деньги ему все возвращались, даже за бензин личного автомобиля (общественного транспорта в их графстве нет) и за... бейсболку, так как — это атрибут студента. Было бы желание учиться и трудолюбие.

Но в США для студента, помимо платы за обучение, существуют и другие немалые расходы. Так мой племянник снимает с другом квартиру, в которой у каждого по комнате и один общий холл (есть также кухня, холодильник, микроволновка, душ...), платят за жильё они по 300 долларов в месяц.

У студентов в Америке есть и такая проблема — там очень дорого стоят учебники. Один учебник на семестр может стоить от 30 до 150–200 долларов! А их нужно несколько и там нет такой системы как у нас, что пришел в библиотеку и тебе выдали книги на долгое время. И в

¹ После первой поездки было подготовлено и издано: Шилов В.В. Воспитание, образование, здоровье нации на Юге США: из опыта прямого наблюдения в июле-августе 2009 года (социологическое эссе). Галф-Шорес; Березники, 2010. 170 с. (с цв. фото).

² См. подробнее: Шилов В.В. Образование в США глазами россиянина // ВУЗ XXI: науч.-информ. Вестник / Зап.-Урал. ин-т экономики и права. Пермь, 2010. С. 68–93.

государственных и в частных учебных заведениях в библиотеке можно взять учебник недели на две, попользоваться, да и там, говорят, очередь. Конечно, если он ещё есть в наличии.

Что интересно, бесплатно в Интернет никто из авторов свои учебники не выложит. Конечно, говорят, можно за полцены купить онлайн-версию, но опять же не все издательские дома на это идут. Очень часто студенты после прохождения дисциплины продают в Интернете уже «прошедший» учебник, ну а кто-то, соответственно, в Интернете его покупает уже как «бэушный».

Учебники можно покупать в книжном магазине при университете. Кстати, мой племянник устроился там подрабатывать, но, говорит, платят немного — 8 долларов в час (в США почасовая оплата) и в неделю у него получается в среднем где-то 20 рабочих часов.

Если всё-таки на обучение не хватает денег (не «обосновал» грант), то ты можешь взять студенческий кредит, скажем так 10–20 тысяч долларов лет на десять и после окончания университета у выпускника есть полгода, чтобы найти работу, а потом начинаешь выплачивать кредит, делать месячные взносы.

В целом в Соединённых Штатах совсем другая система образования. Там нет понятия «высшее образование» (ВУЗ), есть колледжи, институты и университеты. Колледж или институт может быть самостоятельным учебным заведением или находиться в составе университета.

Если говорить непосредственно о подготовке студента-журналиста, то следует отметить, что помимо журналистских курсов там присутствует еще и масса так называемых общеобразовательных предметов — от алгебры с геометрией до ораторского искусства. Также необходимо выбрать какой-то майнер (так называется «второстепенная дисциплина»): бизнес, международное право, кинематограф, компьютерная графика — к чему у студента «душа лежит».

В России как в знаменитой песне «Живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». В США же студент просто обязан набрать определенное количество юнитов. Например, чтобы получить диплом бакалавра, нужно 120 юнитов. Каждый класс (по нашему — курс) измеряется в юнитах — академических часах классной работы.

Например, если класс «история журналистики» измеряется в трех юнитах, это значит, что на него уходит три академических часа в неделю. Студент может брать минимум шесть (что сделает его заочником) и максимум 18 юнитов в семестр. В среднем, как говорит статистика, студенты берут по 12–14 и при этом почти все они подрабатывают как минимум на полставки.

Многим известно, что американцы очень рано учатся самостоятельности. Уже после 18–19 лет с родителями в Америке жить как-то не принято. И вот такие молодые самостоятельные американцы, каждый сам себе составляет программу обучения (зависит от наличия времени, финансов). Поэтому там и нет такого российского понятия, как «курс», то есть когда абитуриенты-студенты все вместе поступили, а через пять-шесть лет все вместе и окончили.

Мой племянник Артём, русские юноши и девушки, окончившие американские колледжи и университеты (их там немало), профессора университетов Южная Алабама и Западная Флорида (мои коллеги социологи и политологи) популярно мне объясняли, что у них в колледжах и университетах нет четко расписанных курсов, когда в этом семестре у тебя эти предметы, а в следующем какие-то другие.

Более того, многие дисциплины предлагаются в разное время, в разные дни недели, с разными профессорами. И студент сам выбирает для себя удобный вариант в зависимости от своего рабочего графика и личных предпочтений. Вот что такое «свободное посещение», а не как понимают некоторые российские студенты «хочу — хожу, хочу — нет».

Соответственно в США нет и понятия «однокурсники». Американские «однокурсники» очень и очень условное понятие. Разумеется, говорил мне племянник, лица в колледже и потом в университете, во многом одни и те же, и даже с некоторыми из них ты можешь в следующем семестре взять какой-то класс, к примеру «СМИ и закон», а с кем-то в следующем году можешь даже снова оказаться в одной группе.

Но, повторюсь, такой четкой, обязательной и расписанной по курсам программы, как в России, в Соединённых Штатах нет. «Болонский процесс», в который Россия пытается уже несколько лет интегрировать — это, конечно, хорошо (посмотрите только количество Нобе-

левских лауреатов в США и России), но сколько лет нам ещё потребуется до этой самой англо-саксонской модели? Когда российские студенты будут выбирать удобное для себя «время лекции», «сколько лет учиться», и даже у «какого профессора учиться»?

Разумеется, дисциплина, порядок, «академический дух свободы» в колледжах и университетах США не только либеральные, но и не менее жестко регламентированы. Скажем, там есть такое понятие как *prerequisites*. То есть ты не можешь зарегистрироваться на определенные классы, пока не пройдешь перед этим какой-либо предмет. Например, студенту-журналисту нельзя попасть в *Advanced Writing* (углубленное изучение писательского мастерства), если до этого у него не было элементарной стилистики речи.

Летом 2010 года в США я познакомился с редактором местной газеты «Островитянин» («*The Islander*») в штате Алабама Джоном Мулленом (John Mullen, Editor). Стаж его работы в журналистике — 25 лет. В основном, он работал в региональных (по нашему областных, краевых) изданиях и только с мая 2010 года возглавил газету «муниципального уровня», в которой, по его словам, чувствует себя «как на пенсии»¹.

Так вот он в своё время учился в Университете Южная Алабама на отделении искусствоведения со специализацией журналистика и, как принято было в те годы, основную «доводку» профессии журналиста получал в редакциях, где работал.

В те годы студенты-журналисты практику почти не проходили, говорил мне Джон, а вот сегодня все университеты это делают. В настоящее время американских студентов, будущих работников СМИ просто-напросто «отправляют» в какую-нибудь редакцию на весь семестр и их «профессорами» становятся профессиональные журналисты. Студенты-практиканты работают там практически бесплатно (у многих редакций есть договоренность с конкретным учебным заведением).

Правда, если ты так называемый «интерн», то есть нашел эту практику сам, а не попал туда, то тебе будут платить и заработную плату. И, говорят, если ты «приглянешься», то потом тебя могут взять в штат. Кроме этого, практически во всех колледжах и университетах США есть свои студенческие СМИ и практика в них обязательна. Это самые настоящие газеты, журналы, радио и ТВ, и даже с самыми настоящими рекламодателями и вполне реальным бюджетом. Более того, в некоторых таких изданиях студенты получают реальные гонорары и зарплату.

Конечно, меня интересовало и американское «студенческое братство». В СССР и России была и есть аксиома: студенческие годы лучшие в жизни! А вот в США как такового «братства» там вроде и нет (выше говорил, что понятие академическая группа у них очень размыто). Но вот во всех университетах есть целое студенческое правительство, которое само себе выбирают президента и там существует реальная защита прав студентов, независимые и действенные студенческие профсоюзы.

И это «не бутафорский вымысел», а все очень и очень серьезно и действенно. И это при всём том, что мы, россияне, по своей психологии в большинстве «коллективисты», а они «индивидуалисты». Здесь же можно заметить, в США, сегодня на факультетах журналистики учится примерно 70–80 % девушек.

Далее приведу тематику и содержательный состав предметов современной американской журналистской школы (разумеется, только некоторые из них): основы репортажа, совершенствование навыков репортёра, редактирование, фотография, подход к освещению современных проблем городов США, научный репортаж, освещение событий культурной жизни, политический репортаж, экономические проблемы в журналистике, международная журналистика, история американской журналистики, основы очерка, политический портрет, социальные проблемы и средства массовой информации, проблема этики в журналистике, литературоведение и критика, аналитический репортаж, общественное мнение, пропаганда, зако-

¹ Журналист — профессия интернациональная (интервью с редактором провинциальной газеты «Островитянин» Джоном Мулленом // Звезда. Пермь, 2011. 11 января.

нодательство в области журналистики, основы телевизионной и радиожурналистики, методика подготовки документальных фильмов¹.

Здесь же приведу слова о специфике американского журналистского образования преподавателя Американского Университета в Вашингтоне Криса Симпсона, который на вопрос: *Какие предметы, предлагаемые факультетами журналистики, Вы считаете главными?* — ответил:

Кроме традиционных курсов, на которых учат писать статьи и готовить видеорепортажи, факультеты журналистики в США предлагают такие курсы как «Методы социологических исследований», «Методы статистических исследований» («Статистика для журналистов»), «Этика», «Введение в юриспруденцию», «Мультимедиа в журналистике» и современные технологии.

Я считаю, что хотя бы элементарное владение методами статистических исследований, понимание того, как работает SPSS и другие статистические программы, очень важно для репортеров, которые часто упоминают в статьях различные статистические данные, описывают результаты предвыборных опросов и освещают любые другие темы, в которых присутствуют цифры.

Крайне необходимо, чтобы журналист был профессионально подготовлен к написанию статей, в которых упоминаются статистические данные, чтобы честно представить эти данные аудитории. Очень важно, чтобы журналист сам понимал, что стоит за каждой цифрой, какие задачи ставили перед собой исследователи и т.д.

Еще один необходимый репортеру предмет — это «Введение в юриспруденцию для журналистов». Знание законов принципиально улучшает уровень освещения событий и защищает самого журналиста. Юридические курсы сейчас предлагают на многих факультетах журналистики. Более того, некоторые факультеты сотрудничают с юридическими факультетами и предлагают двойные специальности, например, «Журналист; юрист со специализацией «средства массовой информации»².

Обязательно следует заметить, сегодня американские факультеты журналистики готовят студентов не только к газетной карьере. В дополнение к информационно-редакторской работе (традиционная вотчина газетных журналистов), тремя другими основными направлениями являются (а) реклама, (б) вещательная журналистика, (в) связи с общественностью.

Но время не стоит на месте. Если говорить о сегодняшнем дне (и завтрашнем?), то мне не раз приходилось слышать, что в США (да и в Западной Европе) нынче востребованы так называемые «рюкзачные журналисты», которые таскают с собой огромные рюкзаки, полные гаджетов и умеют делать буквально всё: не только найти тему, написать, но и сфотографировать, сделать подкаст или видеосюжет...

Ещё один момент для меня был необычен. В Соединённых Штатах, взяв интервью, журналист не обязан предоставлять его собеседнику на вычитку (в России это часто считается чуть ли ни правилом хорошего тона и высокого профессионализма). В Америке же, журналист не только не обязан этого делать, он даже наоборот — ни в коем случае не должен этого делать, так как американским студентам-журналистам объясняют, что людям свойственно редактировать свои слова, а это может в корне изменить первоначальный смысл. Обязанность журналиста состоит в том, чтобы досконально верно записать прямую речь другого человека, а потом донести эту информацию до своей аудитории. Ну а если сам журналист в чем-то не уверен или что-то пропустил, то он, конечно, может позвонить тому, у кого брал интервью, и перезадать вопрос или что-то уточнить. Но никогда американский журналист не будет посылать ему неопубликованный материал.

Как видим, в США и России в системе подготовки и работе журналистов есть много общего и не менее своего специфического. Приведу ещё примеры. Российский тележурналист, политический обозреватель, автор и ведущий многих телевизионных программ

¹ См.: Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста. Очерки теории и практики. М., 2009. С. 482.

² Режим доступа: http://www.ijnet.org/ru/ijnet/list/training_opportunities - Дата просмотра 25.12.2010.

Н.К. Сванидзе так ответил на вопрос корреспондента журнала «Партнер» Евгения Кудряца в 2010 году:

— Вы возглавляете кафедру журналистики факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета и ведете курс «Журналистика глазами журналиста». Чем, по-Вашему, новое поколение журналистов отличается от своих предшественников?

— Меньшей политизированностью и, к сожалению, меньшей грамотностью. Но дело в том, что здесь сравнение не вполне корректно, так как то поколение журналистов, которое представляю я, имело, как правило, не журналистское образование. У меня, например, историческое образование и у многих звезд журналистики, как правило, тоже другое образование. И, кроме того, нам довелось жить в революционную эпоху, а она на первый план выдвигает людей совсем по другим правилам, поэтому и здесь тоже не совсем корректное сравнение, но общий гуманитарный уровень молодого поколения журналистов меня настораживает.

С этим замечанием можно провести и такое сравнение: многие нынешние социологи, представляющее старшее поколение, тоже, как правило, имеют не социологическое образование. Многие из них защищали докторские диссертации по философской тематике, экономике, истории... Далее приведу слова упомянутого российского профессора, доктора филологических наук О.Р. Самарцева, с которыми можно полностью согласиться:

Журналистика не прощает ошибок — профессиональных, этических и даже грамматических. Журналист всегда на переднем крае, он — публичный человек. Это очень трудно, быть всегда на глазах, но в этом и заключается профессия.

Возможно социолог и не такой «публичный» человек (особенно в США, в отличие, скажем от Франции, где социологи стараются очень много выступать в СМИ), но на счёт профессионализма и этики, слова для социологов тоже очень актуальны.

Здесь же процитирую и упомянутого выше известного преподавателя курсов «Технологии коммуникации», «Введение в юриспруденцию для журналистов» Университета в Вашингтоне Криса Симпсона, особо отметившего на вопрос о самых «главных» дисциплинах на факультетах журналистики так:

Я бы начал с тех предметов, которым факультет журналистики научить не может. Смелость, честность и самодисциплина — самые важные качества журналиста...

Профессиональные качества, смелость, честность нужны в любой профессии, но особенно этими качествами должны обладать современные российские социологи и журналисты, так как российское общество переживает далеко не лучшие времена. Например, в начале 2011 года американский журнал «International Living» составил довольно тревожный рейтинг для РФ¹. В частности издание констатировало:

Россия по качеству жизни соответствует уровню таких стран как Замбия и Кыргызстан (в рейтинг вошли 192 страны)... На первом месте — США, хотя, — по мнению издания, — здесь не все благополучно с культурой, окружающей средой и климатом. На последнем месте — Сомали. Россия заняла 118 место, получив средний балл 54, как и Киргизия, Кувейт, Замбия и Перу².

При составлении этого рейтинга учитывались 9 показателей: по стоимости жизни Россия набрала 55 баллов из 100, по уровню культуры (в первую очередь учитывались грамотность населения и объекты культурного наследия) — 80 баллов, по состоянию окружающей среды — 45, по развитию экономики — 47, по здоровью населения — 68. Инфраструктура оценена в 53 балла, безопасность жизни — в 67, климат — в 72. Самый низкий показатель — уровень свободы. России дали всего 25 баллов. Аналогичная ситуация в Брунее, Бахрейне, Казахстане, Египте. Остаётся только «утешать» себя, что, например, Белоруссия, Куба и Ки-

¹ Американское издание «International Living» предназначено для путешественников и желающих сменить место жительства.

² Юров И. По качеству жизни Россия занимает 118 место из 192 стран мира // <http://nr2.ru/chel/317378.html> - Дата просмотра 25.01.2011.

тай по составленному рейтингу этого американского издания «International Living», получили за «уровень свободы» по 8 баллов, а Северная Корея и Туркменистан — вообще 0.

Низкий показатель уровня свободы, можно «проиллюстрировать» и другими показателями. В докладе «Свобода прессы – 2010» отмечается, что за последние 10 лет случаи убийств журналистов были зафиксированы в 67 странах. При этом в России, Афганистане, Колумбии, Ираке, Мексике, Пакистане, Сомали и на Филиппинах такие убийства происходили ежегодно. Авторы доклада считают:

Эти страны не изменились. На их территории укоренилась культура насилия в отношении прессы¹.

Видимо неслучайно, в ноябре 2010 года Общественная палата России подготовила рекомендации для прокуратуры, СКП, МВД, Госдуме, субъектов РФ и уполномоченного по правам человека в связи с нападением на журналистов в России и профилактикой нарушения свободы слова². В частности в документе говорится:

За октябрь 2010 года в России зафиксировано более ста случаев воспрепятствования профессиональной журналистской деятельности, в том числе отказ журналистам в доступе к информации, отказ в распространении, изъятие тиража, повреждение фото-, видео- и аудиоаппаратуры и компьютеров, угрозы в адрес журналистов и попытки цензуры...³

Ещё пример. 18 мая 2010 года президент США Барак Обама подписал закон о свободе прессы во всём мире, но ещё несколько ранее он отмечал, что «прошедший год был плохим для свободы прессы в мире». Свою оценку президент объяснил тем, что:

хотя люди получили более широкий доступ к информации с помощью Интернета, мобильных телефонов и других способов, правительства таких стран, как Китай, Эфиопия, Иран и Венесуэла урезали свободу слова, ограничивали доступ к этим технологиям. — Он также отметил: в прошлом году было убито больше сотрудников СМИ, чем в любой другой год недавней истории⁴.

При этом президент США упомянул Филиппины, Россию, Сомали, Мексику и Гондурас. В числе государств, где журналисты и блоггеры попадали в тюрьму за свою профессиональную деятельность, он назвал Беларусь, Мьянму, те же Китай и Венесуэлу, Кубу, Эритрею, КНДР, Тунис, Узбекистан. Более того, буквально за две недели до этого, как Барак Обама подписал закон о свободе прессы во всём мире, 3 мая 2010 года, когда в цивилизованных государствах мира отмечается День свободной прессы, международная правозащитная организация «Репортёры без границ» (РБГ) опубликовала список из 40 врагов прессы. В него вошли известные политические, религиозные и военные деятели.

Среди противников свободных СМИ от России в список были включены премьер-министр Владимир Путин и президент Чечни Рамзан Кадыров. В этот список также попали президент Беларуси Александр Лукашенко, духовный лидер Ирана Али Хаменеи, президент Туркменистана Гурбанкулы Бердымухамедов, китайский лидер Ху Цзиньтао, президент Азербайджана Ильхам Алиев, президент Узбекистана Ислам Каримов, лидер КНДР Ким Чен Ир, президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, президент Ливии Муаммар Каддафи, глава Казахстана Нурсултан Назарбаев, кубинский лидер Рауль Кастро, президент Зимбабве Роберт Мугабе и другие⁵. Конечно, у В.В. Путина найдётся серьёзный аргумент: вы что, опять хотите «горбачёвскую гласность», которая породила «ельцинскую вольницу» и «бурлящий Кавказ»? Но ведь в тех же США при всём демократизме СМИ существует и та самая «диктатура

¹ В России 10 лет убивают журналистов (30 Дек 2010) // <http://www.rususa.com/news/news.asp-nid-65866> - Дата просмотра 10.01.2011

² Полный текст документа опубликован на сайте ОП РФ (рекомендации подписали председатели Комиссии ОП РФ Павел Гусев, Анатолий Кучерена и Николай Сванидзе).

³ <http://www.rosbalt.ru/2010/11/18/791258.html> - Дата просмотра 14.01.2011.

⁴ http://korrespondent.net/business/mmedia_and_adv/1077100-obama-podpisal-zakon-o-presse-v-mire (по материалам Би-Би-Си, Голос Америки) – Дата просмотра 25.05.2010.

⁵ http://www.tuj.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=472 – Дата просмотра 22.08.2010.

закона», о которой так часто говорил Владимир Владимирович в начальный период своего президентского срока (2000–2004 гг.).

Самое примечательное, «суровость» суда в США наблюдается не только в отношении к рядовым гражданам, но и даже к главе государства. Ярчайший пример — Уотергейтский скандал, или Уотергейтское дело, — когда генпрокурор США (!) с «сотоварищи» был отправлен за решётку, а президент Никсон с позором покинул пост главы государства (это была «заслуга» СМИ — хрестоматийный пример).

Думается, в настоящее время, политическим деятелям РФ нужна не только политическая воля, но и по настоящему объективные, независимые СМИ и социологические центры (без них «анализ-синтез-прогноз» российского общества политическими деятелями будет в лучшем случае просто неубедительным, утопичным в худшем варианте — вреден), а представители масс-медиа и российские социологи в современной России должны обладать, кроме профессиональных качеств, гражданским мужеством.

Слепое копирование вряд ли приведёт к процветанию и успеху в любом деле. Но, думается, российским представителям СМИ и социологам можно сегодня многое позаимствовать у своих американских коллег, а представители власти должны чётко осознать: без свободы СМИ, объективных данных социологических исследований, гражданского общества и правового государства в России не будет.

Общественная экспертиза программ регионального развития как поле профессиональной деятельности будущего социолога

Щукина Нина Петровна
Самарский государственный университет

В отечественной социологии сегодня обсуждается широкий спектр проблем, связанных с участием профессионального сообщества в процессах модернизации страны, наблюдается растущее осознание роли экспертной деятельности в принятии управленческих решений, что нашло отражение как в законодательных актах, решениях Счетной палаты РФ, так и в ряде научных и методических текстов, включая семинары Института социологии РАН¹. Цель статьи — проблематизировать сложившуюся практику участия студентов-социологов в общественной экспертизе деятельности социальных министерств Самарской области. Речь пойдет, прежде всего, об участии в бюджетном процессе, в оценке распределения и расходования бюджетных средств, что предусмотрено законодательством страны.

Точкой отсчета в формировании современной системы вовлечения граждан в бюджетный процесс в Самарской области стало заседание областного Общественного собрания в апреле 2007 г., вспоминает лидер НКО региона В.И. Пестрикова².

В результате обсуждения отчета об исполнении областного бюджета в 2006 году Координационному совету по работе с некоммерческими организациями Общественного собрания было поручено разработать проект положения о публичных слушаниях по бюджету Самарской области; сформировать из общественных экспертов общественный комитет при Министерстве управления финансами, чтобы в будущем у общественности было больше времени на знакомство с проектами бюджета на следующий год и с отчетами об исполнении его в прошедшем году. Серьезной проблемой на данном этапе стал вопрос вовлечения в экспертную деятельность разного рода акторов, мотивации их включения в данную деятельность на общественных началах.

¹ См., например: Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ: ФЗ // <http://duma.toms.ru/page/16909/>; Федеральные целевые программы как инструмент государственной инвестиционной политики (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал. Серия 2 «Экономика». 2007. № 3. С. 208; Джасанов Ш. Об ответственности экспертизы // Социальные и гуманитарные науки. Серия 8. «Науковедение». 2005. №2. С. 24–29; Горбатова А. Наука, общество и государство глазами социологов // http://www.strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=30170

² Пестрикова В.И. Общественная оценка эффективности бюджетных расходов. Новосибирск, 2010 // http://www.cip.nsk.su/non-cgi/Pbl/LibraryManager/183/Pestrikova_bydjet_Samara.ppt

2009 год стал знаковым для кафедры социологии социальной сферы и демографии СамГУ, поскольку нам удалось вовлечь в процесс общественной экспертизы документов профильных министерств студентов специализации «Социология социальной сферы». Именно на этой специализации читается целый цикл дисциплин, связанных с необходимостью оценки студентами социальных программ на всех этапах от разработки до внедрения¹. Участие в студентах в общественной экспертизе докладов о результатах и основных направлениях деятельности профильных министерств — хорошая основа для ознакомления как с перечнем и текстами осуществляемых в регионе программ, так и их авторами. Такое участие дает возможность студентам напрямую взаимодействовать с представителями министерств региона, исполнителями и заказчиками социальных программ, участвуя в дискуссиях, как на подготовительном этапе, так и в ходе общественных слушаний по соответствующим официальным, административным текстам. В частности, итоговая работа студентов по курсу «Социальная политика» — социологическая экспертиза той или иной социальной программы, отобранной студентом для непосредственного анализа из тех, что заявлены в документах, вынесенных на общественную экспертизу. Словом, вовлечь студентов в экспертную деятельность было нетрудно, поскольку самое название деятельности не просто носит позитивный характер, но и закрепляет за студентом высокий статус. Участие в такой фактически ежеквартальной практике позволяет студентам общаться с ведущими специалистами министерств здравоохранения и социального развития, образования и науки, культуры, являющих собой социальную сферу на отраслевом уровне. Студенты получают, таким образом, возможность реального взаимодействия с ключевыми фигурами потенциальных работодателей, в том числе, профильных исследовательских центров.

Однако наряду с этим возник целый ряд трудностей, включающих в себя постановку следующих вопросов: что отличает социологическую от социальной экспертизы? Что общего и в чем отличие принципов рекрутинга общественных экспертов от соответствующей деятельности в профессиональном сообществе, обучение которой и осуществляется в стенах университета? Студент социолог может включаться в соответствующую экспертную деятельность как стажер или сразу как эксперт?

Остановимся на рассмотрении некоторых из подобного рода вопросов, памятуя о специфике цели нашей статьи. Речь пойдет, прежде всего, об участии студентов в бюджетном процессе, в оценке распределения и расходования бюджетных средств, что предусмотрено названным выше законодательством. Разумеется, оценка распределения и расходования бюджетных средств — сложный для понимания феномен, требующий не только определенных знаний. Такая оценка предполагает наличие умений осуществить отбор из множества моделей организации профессиональной деятельности именно той, которая и позволит, на взгляд, эксперта, дать более продуманное заключение по обсуждаемому вопросу. Иными словами, актуализируется проблема умения делать выбор из возможных альтернатив и обосновывать этот выбор. С одной стороны, теория этого вопроса изучается студентами в рамках таких курсов, как «Современные модели развития социальной сферы», «Социальная политика». С другой стороны, знание теории должно подкрепляться практикой, которая не заставляет себя ждать в случае с участием студентов в общественной экспертизе, поскольку такое участие начинается с момента определения студента на специализацию «Социология социальной сферы». И поскольку такая практика многоаспектна, противоречива, стать ее активным участником, актором достаточно сложно. В частности, выбор модели профессиональной деятельности, от которой и планирует оттолкнуться студент, приступая к экспертизе бюджетного процесса региона, порой, затрудняет, а не облегчает ситуацию эксперта, ибо, параллельно нередко встает другой вопрос: возможно, стоит акцентировать внимание сразу на известных моделях экспертной деятельности, «брать быка за рога», делая выбор в пользу мониторинговой, проектной модели или в пользу рецензии. А может быть, имеет смысл просто понаблюдать за другими общественными экспертами, которые не первый год работают на поле обще-

¹ Например, курсы «Социальная политика», «Технология разработки и реализации социальных программ», «Конструирование социальных реформ в трансформирующемся российском обществе».

ственных слушаний и не удручают себя такими вопросами, руководствуясь при этом принципом «вижу и понимаю», организуя свою экспертную деятельность? Не менее сложен и вопрос о методе/ах экспертизы: каким/ми из них имеет смысл в данном случае воспользоваться и почему именно им/ими? Для чего эксперту необходимо знание множества моделей и методов экспертной деятельности? Действительно ли это знание, как говорилось на лекциях, способствует предупреждению ситуаций попадания в плен собственных иллюзий, симпатий, своего жизненного опыта? Наблюдаемая практика, казалось бы, подвергает сомнению такую постановку вопроса. Действительно ли знание множества моделей экспертной деятельности дает возможность наиболее четко определить последовательность шагов в организации и осуществлении экспертной деятельности? Не мешает ли это знание установлению продуктивного взаимодействия с другими общественными экспертами, как, впрочем, и специалистами профильных министерств, документы которых и подлежат общественной экспертизе?

Не менее значимый вопрос связан с определением статуса студента-социолога, участвующего в общественной экспертизе бюджетного процесса: стажер или сразу эксперт? С одной стороны, практика свидетельствует, что в качестве общественного эксперта может заявить себя любой желающий участвовать в данном процессе постоянно, выполняя решения собраний общественных экспертов. С другой стороны, если основной статус новичка, пришедшего в сообщество общественных экспертов — студент, то, видимо, логична описываемая нами практика, согласно которой за студентом на время закрепляется роль стажера. Тем не менее, для описываемой ситуации характерны практики проведения самими студентами ряда дискуссий по итогам и организации общественной экспертизы, организуемые чаще всего на практических занятиях, проходящих в стенах университета в рамках специализации. И такие практики организуемых студентами дискуссий, те вопросы, которые выносятся студентами на групповое обсуждение, позволяют, на наш взгляд, достаточно высоко оценивать потенциал студента-социолога, подвергая сомнению закрепление за ним роли стажера в сообществе общественных экспертов.

Согласно нашим практикам, студенты пока весьма активно обсуждают ход процесса становления института общественных слушаний на практических занятиях в студенческих группах, презентуя то, что они успели сделать, помогая общественным экспертам конкретных организаций (например, «Деснице», объединяющей в своих рядах инвалидов-колясочников г. Самары). Словом, статус стажера-эксперта, закрепленный сегодня за студентами СамГУ, оправдывает себя спецификой практик, в которые реально включены эти стажеры. Наряду с этим студенты-стажеры института общественной экспертизы проблематизируют принципы формирования группы общественных экспертов; в частности, влияние на состав экспертов профильных министерств ставит под сомнение один из базовых принципов экспертизы — независимость эксперта в своем заключении.

Перед студентами ставится и такой вопрос: могут ли быть экспертами «все желающие»? Действительно, согласно теории вопроса, эксперт — это лицо, имеющее специальные знания и практический опыт в области, к которой относится объект экспертизы¹. В нашем случае речь идет о знании бюджетного процесса, технологий разработки и реализации социальных программ и т.п., однако большая часть общественных экспертов не обладает соответствующим знанием профессионально. Но ведь речь идет об общественных экспертах и общественной экспертизе, и тогда возникает ключевой для нас вопрос: что такое общественная экспертиза? Что отличает ее от социологической и профессиональной? Конечно, при ответе на этот вопрос можно сослаться на один из опубликованных еще в 1996 г. текстов: «социальная экспертиза является проводимым специалистами (экспертами) исследованием, включающим диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и окружающей его среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработку рекомендаций для принятия управленческих реше-

¹ Шляпентох В.Э. Проблема качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006. С. 494.

ний и социального проектирования в условиях, когда исследовательская задача трудно формализуема»¹.

Однако автор цитируемого текста констатирует, что такое определение позволяет заключить, что социальная экспертиза — «лишь поверхность фундаментальных социологических вопросов, осмысление которых применительно к экспертной работе может придать ей более практический характер, но может и поставить под сомнение саму ее целесообразность»².

Словом, участие студентов-социологов в становлении и развитии института общественной экспертизы — непаханное поле деятельности, которое содержит ряд методологических вопросов: каковы ключевые отличия общественной экспертизы от социологической? какие роли призван играть социолог, участвующий в общественной экспертизе официальных административных текстов? В любом случае, он сталкивается с ролевым выбором: играть роль социолога или общественного деятеля? консультанта или советчика? педагога или партнера? контролера или общественного реформатора?

Возможно, имеет смысл обсудить дилеммы, с которыми сталкивается социолог, участвуя в общественной экспертизе обозначенных выше документов, на предстоящую ежегодную научно-практическую конференцию «Социологические методы в современной исследовательской практике», задаться вопросом: а входит ли в ролевой репертуар социолога такая деятельность? И не назрела ли необходимость в уточнении этого ролевого репертуара социолога в условиях «текущей современности»?

¹ Луков В.А. Социальная экспертиза. М.: Ин-т молодежи, 1996. С. 18–19.

² Там же. С. 31.